

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

**IV Всероссийский фестиваль науки
XVIII Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»**

(21–25 апреля 2014 г.)

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

**Часть 1
История.
Культурология**

Томск
2014

ББК 74.58
В 85

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

- В 85 IV Всероссийский фестиваль науки. XVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (21–25 апреля 2014 г.) : В 5 т. – Т. IV : История. Философия. Культурология. Социальные науки. Ч. 1 : История. Культурология ; ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2014. – 260 с.

Научные редакторы:

Зайцева Т. И., канд. ист. наук, доцент
Морозова О. Ю., канд. пед. наук, доцент
Грошева Г. В., канд. ист. наук, доцент
Сазонова Н. И., д-р филос. наук, профессор
Нестеренко П. Л., канд. ист. наук, доцент
Панкратова Л. В., канд. ист. наук, доцент
Рудковский И. В., канд. ист. наук, доцент
Селиванов С. А., канд. филос. наук, доцент
Степанов А. А., д-р филос. наук
Романова Н. И., канд. культурологии, доцент
Герасимова О. В., ст. преподаватель

Статьи публикуются в авторской редакции

© Авторский коллектив, 2014
© ФГБОУ ВПО «ТГПУ», 2014

ИСТОРИЯ РОССИИ

РОССИЯ И СТРАНЫ СНГ В 1992–1999 ГГ.: ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ю. М. Асанов

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: П. Л. Нестеренко, к. истор. н., доц.

Процессы глобализации, охватывающие мировую экономику и политику, оказывают все большее влияние на развитие стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Потенциал СНГ может успешно реализовываться лишь при условии своевременной адаптации его рынков к геополитическим реалиям, скоординированного участия в решении мировых экономических проблем.

Вместе с тем процессы, наблюдаемые в последние годы в СНГ, крайне противоречивы. Это подтверждается последними событиями на Украине. С одной стороны, явно обозначился вектор пророссийской политики большинства его участников. С другой стороны, углубились противоречия в отношениях России с государствами, ориентирующимися на западные «центры силы». Сохраняя свои стратегические интересы на постсоветском пространстве, Россия проводит дифференцированную политику по отношению к странам – бывшим республикам Советского Союза, осуществляя политику интеграционную – с Белоруссией и Казахстаном, – и политику взаимодействия – со всеми остальными странами. Сложнейшие проблемы, возникшие после распада СССР, были преодолены во многом благодаря формированию на постсоветском пространстве целого ряда интеграционных структур, в первую очередь, СНГ. В этой связи Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев отмечал: «Сама жизнь показала, что образование СНГ в нынешнем формате в г. Алматы в декабре 1991 г. было единственно оптимальным и верным решением в той непростой ситуации. Созданием СНГ удалось не только предотвратить серьезные конфликты между нашими странами, но и избежать трагического разрыва экономических, гуманитарных, просто человеческих связей между новыми суверенными государствами» [4, с. 21].

Актуальным вопросом, в этой связи, является также очередность предпринимаемых интеграционных шагов. Для структурирования

пространства СНГ возможны достаточно неопределенные и поначалу самые разнообразные конфигурации сотрудничества на макро- и микроуровнях (унифицированный подход к странам может разрушить всю конструкцию). При этом производство приобретает транснациональный характер налаживаются экономические связи между российскими регионами и регионами стран СНГ, крупные компании выходят на мировые рынки. Интеграция является важнейшим фактором, способствующим стабильному и устойчивому развитию участвующих в ней стран, их экономическому росту, обеспечению безопасности на национальном и региональном уровнях. Одной из главных задач, стоящих перед странами Содружества Независимых Государств, является объединение усилий, направленных на создание благоприятных условий для поступательного развития, нейтрализацию негативных издержек глобализации, эффективное блокирование деструктивных импульсов локального и привнесенного происхождения. Исследование модификаций понятия «интеграция» позволило установить, что международная экономическая интеграция – это процесс хозяйственного и политического объединения стран на основе глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, взаимодействия их экономик на различных уровнях и в различных формах

С середины 1990-х в России и в ряде других странах СНГ возобладала концепция разнотемпной интеграции. Разнотемпная интеграция подразумевает, что страны-участники идут к одним и тем же целям, но более слабые в экономическом отношении делают это медленнее. Реализуя концепцию модели разнотемпной интеграции, СНГ вступает в качественно новый этап своего развития, который характеризуется переходом к реальной интеграции на основе совпадающих интересов стран-участниц. Это происходит в разных форматах, что принято называть разнотемпной и разнотемпной интеграцией, и она отвечает мировому опыту, в том числе европейскому. Теперь, наряду с разнотемпной интеграцией, появилось и понятие разноформатной интеграции [3, с. 138].

Разноформатная интеграция означает, что и цели, и формы интеграции могут быть у разных стран разными. Разнотемпная и разнотемпная интеграция в рамках Содружества не противоречит интересам входящих в него государств. Основные изменения, которые произошли за 1992–1999 годы в структуре отраслей промышленности государств Содружества был сделан вывод

о том, что магистральным путем продвижения экономического сотрудничества представляется активизация форм взаимодействия, ведущих к углублению интегрированности государств.

В анализируемом периоде было выявлено, что неструктурированное экономическое пространство СНГ оказалось неспособным отвечать на вызовы глобализации. Слабое взаимодействия между интеграционными объединениями, медленное продвижение в них интеграционного процесса, а временами откат и стагнация, элементы соперничества резко снижают экономический и технологический потенциал СНГ. Разобщенность не дает возможности ни России, ни другим странам Содружества конкурировать на равных с экономически мощными державами и интеграционными объединениями, ослаблять неблагоприятные внешние воздействия (ценовые шоки, неконтролируемые потоки капиталов, нелегальную миграцию, наркоторговлю, контрабанду и т. п.).

Комплексный анализ мирохозяйственных связей позволил сделать вывод о том, что новая научно-технологическая база развития мировой экономики изменила взгляд на сравнительные преимущества в международной торговле. Когда-то ими были главным образом дешевая рабочая сила и сырьевые ресурсы, сейчас – новизна продукции, ее информационная насыщенность, технологичность и наукоемкость. Все это требует масштабных капиталовложений, которые могут формироваться и окупаться, прежде всего, при объединении инвестиционных средств и наличии больших рынков, имеющих тенденцию к расширению. Таким образом, инвестиции должны определять перспективу расширенного воспроизводства и инновационного развития экономики всех государств СНГ. В среднесрочной перспективе, основное внимание должно быть уделено преодолению технологического отставания от развитых государств и обеспечению стран Сообщества высококвалифицированными кадрами.

Проанализировав большой фактический материал, правомерно сделать вывод о том, что многоформатная и разноскоростная интеграция – одна из моделей, приемлемых для всех стран СНГ, что подтверждает свободу их действий и сосуществования в рамках Содружества.

Исследованием установлено, что данная модель интеграции основывается на двух основных предпосылках: наличии единой интеграционной цели и невозможности ее одновременного достижения всеми государствами-членами СНГ в силу причин политического, экономического и иного характера

Сегодня на постсоветском пространстве создано или формируются шесть интеграционных политико-экономических объединений, в пяти из которых принимает участие Российская Федерация – СНГ, Союзное государство, ЕврАзЭС, ЕЭП Единственной региональной организацией на постсоветском пространстве, в которой не участвует Россия, является ГУАМ, объединяющая Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову.

Представляется, что наиболее реальные перспективы среди интеграционных объединений стран Содружества имеют Союзное государство и ЕврАзЭС.

Евразийское экономическое сообщество – международная экономическая организация ряда постсоветских государств, занимающаяся формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и других составляющих функционирования общего рынка

В рамках ЕврАзЭС получены позитивные результаты в области торгово-экономического сотрудничества, в сфере либерализации взаимной торговли. К настоящему времени сделаны важные шаги по формированию единой таможенной территории, по гармонизации и унификации национальных внешнеэкономических законодательств государств-членов ЕврАзЭС. В торговле между странами Сообщества практически устранены имевшиеся ограничения и действует режим свободной торговли без изъятий.

Под ЕЭП государства-участники понимают экономическое пространство, которое объединяет таможенные территории государств-участников, на котором функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная, в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика.

Конструкция ЕЭП предоставляет потенциальную возможность реализовать более глубокий уровень интеграции России с основными партнерами по СНГ. В ближайшей перспективе чрезвычайно актуальной проблемой становится «проектное наполнение» Соглашения о ЕЭП.

Ориентация на активизацию интеграционного взаимодействия в рамках СНГ не должна рассматриваться как альтернатива развитию тесного экономического сотрудничества России и государств СНГ с другими странами и группировками, прежде всего ЕС. В те-

чение ближайших десятилетий они будут оставаться для России и других стран Содружества важнейшим рынком сбыта энергоносителей и сырьевых товаров, поставщиком современного технологического оборудования и инноваций в различных сферах деятельности. Активизацию экономического роста в СНГ, связанного с развитием обрабатывающих и наукоемких отраслей промышленности, можно осуществить лишь в условиях достаточно однородной экономической среды, близких уровней конкурентоспособности и объемов платежеспособности национальных рынков. ЕС еще долгое время будет оставаться для государств Содружества качественно иной средой, с гораздо более жесткими требованиями конкурентоспособности. К тому же нет оснований рассчитывать на ЕС как на эффективного «внешнего донора» для государств СНГ.

Экономическая интеграция на постсоветском пространстве формирует благоприятные условия для экономического роста и развития по крайней мере по двум группам важнейших факторов – емкости рынка и ресурсной базе. Вместе с тем стартовые условия долгосрочного и устойчивого роста, качественной модернизации хозяйства к началу нового тысячелетия оказались для наших стран существенно сложнее, чем в конце советского периода.

Страны Содружества все еще не готовы к таким стадиям экономической интеграции, как таможенный союз и общий рынок (единое экономическое пространство) в формате СНГ. Не вполне готовы они и к реализации первой стадии интеграции – формированию зоны свободной торговли (ЗСТ) без изъятий и исключений. Сегодня интересы стран Содружества все еще значительно расходятся, что сказывается на перспективах их дальнейшего взаимодействия [5, с. 49].

Общим подходом государств к СНГ остается признание пока еще лидирующего положения России в Содружестве и стремление расширять с ней экономическое сотрудничество. При этом каждое государство по-своему понимает глубину развития политических отношений с Россией. Ряд членов СНГ, опасаясь резкого доминирования РФ, стремится укрепить связи с США, ЕС, Турцией, Ираном, Китаем. В российском рынке заинтересованы сегодня все страны СНГ, в то время как за интенсификацию военно-политического сотрудничества с Россией выступают лишь некоторые из них. В первую очередь это государства, входящие в договор о коллективной безопасности и решившие сформировать полномасштабную организацию – ОДКБ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан).

В сложившихся условиях для начала создания эффективной региональной группировки в формате СНГ необходимо пройти этап консолидации. Консолидация – это осознание интересов и формирование общих целей развития, объединение усилий по их достижению. Консолидация является необходимой стадией формирования объединяющих идей, концепций и проектов, на основе которых осуществляется последовательная интеграция. Консолидация, по сути, включает механизм самоорганизации процессов межгосударственных взаимодействий правительственных и неправительственных организаций, которые лежат в основе интеграции.

Целесообразно выделить два направления стратегии экономического и политического поведения России на постсоветском пространстве и вырабатывать соответствующие механизмы их реализации.

Первое направление – стратегия развития процессов полноформатной экономической интеграции на основе координации экономической политики заинтересованных государств по всему кругу вопросов, обеспечивающих формирование единого экономического пространства.

Стратегия интеграции предполагает проведение Россией согласованной экономической политики как внутри интегрирующихся стран, так и по отношению к внешним партнерам. По сравнению с советским периодом возможности реализации интеграционной стратегии в СНГ для России значительно сузились – они ограничиваются отношениями со странами-членами ЕврАзЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения – последняя только наблюдатель), а также в формате Союзного государства Россия–Белоруссия как наиболее продвинутого интеграционного проекта. Цель рассматриваемой стратегии – формирование региональной экономической группировки на основе объединения заинтересованных стран, а в наиболее желательном конечном варианте – создание конфедерации ряда стран-членов Содружества на основе экономического и валютного союза по типу ЕС. Реализация подобного сценария позволит реально обеспечить условия для экономического процветания и политической стабильности в огромном регионе, оказавшемся на стыке цивилизаций. Его стабильность и благополучие в существенной мере могут определять и международный климат во всем мире. Особое внимание следует уделить формированию валютного союза с Белоруссией, который мог бы стать «локомотивом» интеграционных процессов в СНГ. Союз с Белоруссией следует рассматривать как

основное интеграционное ядро в рамках концепции разноскоростной интеграции. Если удастся создать рублевую зону сначала в масштабе двух государств, к ней могли бы присоединиться другие заинтересованные страны, в первую очередь Казахстан и Киргизия. Затраты на этот проект – разовая денежная компенсация Белоруссии при переходе ее на использование российского рубля – абсолютно оправданны и имеют стратегическое значение для развития экономической интеграции в более широком страновом формате, прежде всего в рамках ЕврАзЭС.

В то же время конкретизация структурной политики в интеграционном ядре СНГ особенно актуальна в связи с присоединением к ВТО, хотя должна рассматриваться и в более широком аспекте формирования таможенного союза. При этом, формируя единое таможенное, экономическое и валютное пространство, необходимо ориентироваться на будущее на экономический потенциал, который должен быть создан в единых экономических границах в предстоящие 15–20 лет [1, с. 17].

Стратегия хозяйственного взаимодействия с такими государствами должна быть нацелена на постепенное усиление степени взаимозависимости и взаимодополняемости экономик на внутреннем рынке Содружества, что может создать предпосылки для перехода к более тесным интеграционным формам экономического сотрудничества. В рамках развития экономического взаимодействия целесообразно организовать тесное сотрудничество на внешних (по отношению к СНГ) рынках по целому ряду товаров, прежде всего топливно-энергетических.

Для придания динамизма процессам консолидации Россия непременно должна идти на затраты, руководствуясь не столько принципом текущей экономической выгоды (возведенным в последние годы в абсолют по отношению к СНГ), сколько принципом необходимости дополнительных затрат в перспективный стратегический проект. Без этого невозможно добиться стратегических целей в условиях разворачивающейся острой конкурентной борьбы на пространстве СНГ. В госбюджете РФ должна быть статья расходов «Интеграция и сотрудничество со странами СНГ» на финансирование разработки модельных механизмов интеграционных процессов и пионерных проектов.

За их разработку и реализацию должны отвечать чиновники в ранге первого вице-премьера правительства и первых заместителей министров различных министерств и ведомств. Вне всякого сомнения, дальнейшая дезинтеграция или даже стагнация

процесса консолидации на постсоветском пространстве обойдется России гораздо дороже и в экономическом, и в геополитическом отношении. Судьба СНГ как политической организации, несмотря на то, что в ее рамках не удалось обеспечить реинтеграцию постсоветского пространства на качественно новом уровне, должна оцениваться реально. Распад СССР прошел относительно цивилизованно. Вооруженные конфликты удалось приостановить и «заморозить», хотя они и не урегулированы окончательно. Однако было бы иллюзией рассчитывать на их окончательное решение вне рамок СНГ и без участия России.

В этой связи СНГ должен сохраниться в качестве инструмента поддержания политического диалога по вопросам дальнейшей трансформации постсоветского пространства, поиска путей решения остающихся и возникающих проблем в сфере безопасности, информационного, гуманитарного и культурного сотрудничества. Развивать же экономическое взаимодействие государств придется в рамках уже провозглашенных интеграционных группировок и на двусторонней основе между заинтересованными государствами.

Литература

1. Ясин Е. Г., Снеговая М. В. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран // Вопросы экономики. 2010. №1. С. 114–128.
2. Кротов М. И. Россия и СНГ: уроки первого десятилетия. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. 126 с.
3. Бондарев С. А. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве. М.: Изд-во ВШЭ, 2008. 343 с.
4. Назарбаев Н.Н. Нас объединяет будущее. СНГ 10 лет спустя. Минск: Панграф, 2001. 146 с.
5. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. М.: III тысячелетие, 2001. 126 с.

ИСТОКИ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ДОВОЙ РЕЗЬБЫ В ИССЛЕДОВАНИИ «ДЕРЕВЯННЫЕ НАЛИЧНИКИ РОССИИ»

М. С. Барский

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. В. Галкина, к.истор.н., доц.

Изда русского крестьянина – это не просто его жилище, это его мир, в котором отражена вся вселенная и определено свое место в ней.

Дом служил защитой, оберегал. Эти орнаменты и детали – это просьбы и пожелания, обращенные к силам природы и символизирующие единение с ней человека

*Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.
«Дерево и гармония»*

Проезжая вдоль домов, выстроившихся по дороге, невольно вглядываешься и, чтобы не скучать, ищешь в них отличительные черты. Вот тут сделали модный нынче сайдинг и закрыли под безликим пластиком старые бревна. Вот новый кирпичный дом за высоким забором. Вот еще один, побогаче, с коваными решетками на окнах. И вот взгляд останавливается на старой избушке, которая смотрится несколько убого на фоне соседних каменных домов. И что-то в ней есть такое, что заставляет остановиться, что-то осмысленное, как будто видишь лицо, живое и выразительное.

Наличники на окнах, вот что остановило взгляд. Резные, разных цветов, с простыми и замысловатыми узорами. И в каком бы состоянии дом не находился, часто видишь – за наличниками его хозяин следит в первую очередь. Смотришь, избенка покосилась, но наличники-то свежевыкрашенные! Наличники на окне – словно лицо дома, его визитная карточка. Они делают каждый дом не похожим на своих соседей.

Что же заставило в старину русского крестьянина, загнанного нелегкой жизнью в утилитарность своего бытия, уделять столь трепетное внимание к таким непрактичным мелочам, как резьба на доме и наличники в частности?

Дерево испокон веков играло в жизни русского человека огромную роль. Многочисленные верования, связанные с деревом имеют глубокие корни. Привычная нам береза, негласно считающаяся символом России, когда-то была тотемным деревом восточных славян. Не отсюда ли досталась нам память о священном дереве и такая непонятная любовь к нему?

Считалось, что дерево сохраняло свои магические силы при любой обработке и могло передавать их мастерам-плотникам. У плотников были свои поверья и приметы, дошедшие до нас в народных сказках и деревенских историях. У каждого дерева была собственная сила, и не всякое дерево можно было использовать для строительства дома. К примеру, нельзя было брать для строительства домов деревья, растущие на перекрестках и на заброшенных старых дорогах. [1].

Вера в священную силу дерева не исчезла с течением времени, она изменялась, вплетаясь в сознание человека, и дошла до нас в виде домовой резьбы.

Традиция украшать резьбой элементы конструкции жилых домов возникли достаточно давно. Мотивы рисунков несут в себе народную память о бытовавших в древности языческих символах, оберегах.

Существуют различные типы изображений домовой резьбы:

Наличник – фигурное накладное (часто резное) обрамление оконного (реже дверного) проема. Служит для украшения и защиты от попадания влаги между стеной и рамой окна (двери).

Волоковое окошко – древнейший тип окна в русских избах. Окошко вырезалось в двух смежных бревнах и закрывалось (заволакивалось) дощатой задвижкой. Отсюда и название «волоковое» окошко. В настоящее время волоковые окошки остались практически только в хозяйственных постройках.

Крыльцо – открытая площадка небольшого размера перед входом в дом. Основная задача – защита входа от дождя и снега.

Ворота – проем в стене или ограде для прохода или проезда. Закрывается одной или двумя створками. Красные ворота – главные ворота, украшенные декоративной резьбой

Фрагмент фасада – стена с двумя-тремя окнами, которая дает представление о взаимном размещении декора дома.

Подзор – подзор или карнизная доска – в архитектуре декоративная (резная) доска простой или сложной конструкции, окаймляющая свесы выступающих частей дома (кровли, мансарды, крыльца, наличника и т. п.). Обиходные местные названия подзоров: крылья (костром.), косы (подзоры по косому краю крыши), опушка (подзоры на деревянных лавках).

Причелина – 1) фронтовая доска, закрывающая торцы подкровельных слег; 2) доска, закрывающая торцы бревен сруба (иначе – прибоина).

Конек – стык двух скатов кровли или скульптурное завершение охлупня (бревна на завершении крыши). [2].

Наиболее эффектным и красивым декоративным элементом, во многом определяющим эстетику всего дома, являются резные наличники. Существует большое разнообразие типов наличников, встречающихся на территории Томской области и Шегарского района в частности. Наличники могут быть с прорезным очельем, с полочкой над окном, с точеными и накладными деталями. Верхняя часть наличников может быть прямой, угловатой или дугообраз-

ной, а также с разрывом. Часто в центре рисунка может быть медальон. Часто встречающимся элементом пропильных наличников являются ушки или рожки, торчащие на краях верхних полочек. Можно встретить ушки в виде языков костра, развесистых кустиков, цветочков, точеных кеглей, башенок, крестиков и т. д. Нижняя часть наличников может иметь завершение в виде «юбки».

«Наличник» – «находящийся на лице». Фасад дома – это его лицо, обращенное к внешнему миру. Лицо должно быть умытым и красивым. Но внешний мир не всегда добр и, порой, от него надо защищаться. Двери и окна – это не только выход наружу, это возможность попасть внутрь. Каждый хозяин старался защитить свой дом, обеспечить семье сытость и тепло, безопасность и здоровье. Как он мог это сделать? Один из способов защиты – окружить себя охранными знаками и заклинаниями. И наличники не только закрывали щели в оконном проеме от сквозняков и холода, они защищали дом от нечистой силы [2].

В современной исторической науке особую остроту приобретает тема самобытности русской культуры. Социальная значимость темы определяется восполнением в пробелах знаний по данной теме, пробуждением интереса к истории самых обычных, повседневных, на первый взгляд, вещей.

В наше время, когда глубинка интенсивно заселяется дачниками, многие дома утрачивают свой первозданный вид. Вместо изумительных деревянных наличников зачастую вставляются пластиковые окна, уродующие исторический облик деревенских домов. Поэтому очень важно сохранить их первозданный вид, если не в натуре, то хотя бы в фотографиях, чтобы подрастающее поколение имело представление, в каких домах жили их пращурь.

При исследовании источников о домово́й резьбе было установлено, что наибольшее развитие данная резьба получила к началу XX в. Резьбой украшали все детали дома – полотенца и балкончики, карнизы и фризы, наличники окон и дверей, крыльцо с навесом, лестничный вход с перилами, очелья калиток, ворот, ограды [1].

Исследование показало, что на протяжении XIX–XX вв. шло накопление сведений об истории домово́й резьбы, изучалась семантика декора наличников. Наиболее ранним по времени источником в работе (начало XIX века) является книга графа А. А. Бобринского «О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаматике всех народов Европы и Азии» [3]. Значительные сведения содержатся в работах Е. А. Ащепкова [4]. В 1950-е гг. выходят две его большие монографии «Русское деревянное зодчество» и «Русское

народное зодчество в Западной Сибири». До Ащепкова никто из ученых, ни до революции, ни тем более после, всерьез народным сибирским зодчеством не интересовался, а для него это было делом всей жизни. В своих трудах Ащепков доказывал, что «ни одна область русской культуры не изучена так мало, как народное зодчество. В особенности это относится к Сибири, прочно сохранившей древние архитектурно-строительные традиции».

Исследуемая проблема находит свое освещение в обширном круге научной литературы, вышедшей в 1980-е гг. Советский историк и археолог Б. А. Рыбаков в книгах «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» освещает вопросы о зарождении и далеком прошлом славянства, его религии и культуре, представлении славян об окружающем мире, рассмотрены этногенез славян, святилища, погребальные обряды праславян, жилища и их символика [5]. Эволюции русского деревянного зодчества Сибири посвящена книга С. Н. Баландина [6], в книге С. И. Дмитриева «Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера» представлена информация о традиционном искусстве русских, обусловленном историей заселения края, экономико-культурными связями с соседними народами [7].

Большое значение для исследования заявленной темы имели работы Михаила Вилисова «Моя крестьянская усадьба» [8], В. Г. Бурикова и В. Н. Власова «Домовая резьба» [9], С. В. Рябчикова «Славянская знаковая система: новые источники» [10]. Изучение данных работ привело к пониманию, что оберегом служил магическо-заклинательный орнамент украшения дома с такими символами как: солярные знаки (изображение солнца); знаки небесной воды, «громовые» знаки, растения, животные.

Цель настоящего исследования – изучение значения символики оконных наличников.

Источниковой базой исследования являются, прежде всего, результаты работы автора исследования в период прохождения студенческой музейной практики по изучению резного декора наличников Шегарского района Томской области летом 2013 г. Эти фотографии (около 200 фотоснимков), собранные в нескольких населенных пунктах Шегарского района, позволили автору накопить определенную визуальную «насмотренность», что является исключительно важным для сравнения и анализа конструкций наличников и их стилизованных композиций.

Обращаясь к истории возникновения домовой резьбы, необходимо отметить, что привычные нам окна появились в избах отно-

сительно недавно – в XVIII–XIX вв., когда стало использоваться стекло. До этого в основном использовались маленькие волоковые окошки. Они прорубались в двух смежных бревнах и изнутри закрывалось дощечкой-задвижкой. Но узорчатой резьбой украшались окна уже в те времена – доказательством тому является старинное волоковое окошко в Кижях [11]. Орнаменты для наличников были перенесены с подзоров на крышах домов и причелин (досок по краям избы). Этим объясняется то, что на наличниках можно встретить очень древние, архаичные, символы [1].

Не менее важным является изучение смыслового значения орнамента наличников. Все эти узоры и образы когда-то имели определенный смысл, являясь по своей сути охранными знаками. Ими украшены старинные обрядовые предметы, они же красуются и на наличниках. Народная традиция пронесла эти знаки сквозь века. Но со временем они утратили для нас магическое значение и суть их забыта. Древние архаичные узоры превратились в декоративные элементы, разбавленные современным орнаментом, не связанным с прошлым их смыслом.

Для настоящего исследования большой интерес представляет классификация наличников, созданная академиком Б. А. Рыбаковым в книге «Язычество древней Руси». В этой классификации скомпонованы смысловые и композиционные признаки.

Группа I. В эту группу входят наличники с явным преобладанием солярных знаков.

Группа II. Определяющим признаком является особенность композиции – завершение наличника в виде двухскатного покрытия или полукруга, и двух крупных фигур по обеим сторонам завершения (берегини-рожаницы). Б. А. Рыбаков определил наличники Ярославского Поволжья в качестве типичных представителей этой группы.

Группа III. Композиционно отсутствуют небосвод и «хляби небесные» – завершение наличника плоское (горизонтальное), при этом явно выделяется одна (центральная) фигура, возможно обрамление ее звериным орнаментом.

Художественный язык деревянной резьбы развивался самобытно и самостоятельно, достаточно независимо от смены стилей появляющихся в художественных центрах. Он существовал параллельно с классицизмом, модерном и другими «большими» стилями, непринужденно и чутко откликаясь на изменения форм городского декора. В XX в. произведения деревянного зодчества стали восприниматься как элементы декора. В связи с этим орнамент

наличников претерпел некоторые видоизменения, например, была внедрена техника выпиливания, позволяющая создавать более тонкие «кружевные» композиции. Но древние символы, изображаемые на наличниках, причелинах, подзорах передавались мастерами из поколения в поколение и, хотя они и «заросли» со временем декоративными элементами, но не утратили своего глубокого подтекста, зачастую неизвестного и самим мастерам. Орнаментика резьбы консервативна и очень традиционна. Именно благодаря стойкости культурных традиций, мы получаем возможность видеть древние символы, элементы, украшавшие жилища наших предков.

Источники и литература

1. <http://www.shushara.ru/windows/index.php>.
2. <http://nalichniki.com/zhuki-na-okonnyh-nalichnikah/>.
3. Бобринский А. А. О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаматике всех народов Европы и Азии. Спб., 1902. 372 с.
4. Ашепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1953. 74 с.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 548 с.
6. Баландин С. Н. История градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978.
7. Дмитриев С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.
8. Вилисов М.И. Моя крестьянская усадьба. М.: Изд-во «Ариан», 1992.
9. Буриков В.Г., Власов В.Н. Домовая резьба М.: Изд-во «Нива России». Серия: Библиотека сельского умельца. М., 1992.
10. Рябчиков С. В. Славянская знаковая система: новые источники //Этно-Журнал. 2006 (май).
11. Галкина Т. В. Адаптация и апробация психологических методов исследования музейной аудитории в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижы» (Карелия) // Вестник ГТПУ. 2013 Вып. 2. С. 195–204.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВАЛЕНТИНА БОРИСОВНА МОИСЕЕВА: ОПЫТ НАПИСАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

М. С. Барский

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. В. Галкина, к.истор.н., доц.

В современном, потерявшем многие былые ориентиры российском обществе профессия учителя утратила прежние высоты,

и необходимость в её реабилитации, реставрации не вызывает сомнения. Реализуемый историко-филологическим факультетом ТГПУ проект «Выдающиеся выпускники Томского государственного педагогического университета» является важным не только для истории университета, так как может поднять профессиональный престиж учителя, но и для будущих выпускников ТГПУ. Систематизация информации о выдающихся выпускниках ТГПУ направлена на восстановление и поддержание статуса школьного учителя, а также на формирование у студентов педагогического вуза позитивного отношения к получаемой профессии, развитие профессиональной компетентности будущих учителей.

При этом в ходе прохождения учебной архивной практики студентами приобретаются новые компетенции по освоению таких принципов научной биографики, как объективность исследования, опора на фактологический материал (письменные /документальные/ источники), соблюдение хронологических параметров исследования, выявление и проверка комплекса источников и литературы [1].

Одним из таких педагогов, удостоенных почетного звания «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», является выпускница ТГПУ, директор Бабарыкинской средней школы Шегарского района Томской области Валентина Борисовна Моисеева. Большой профессиональный опыт и стремление к инновациям отмечены педагогической общественностью: ей посвящена статья учительницы Бабарыкинской средней школы Натальи Егоровой «Спасибо за мечту», опубликованная в газете «Шегарский вестник» в 2014 г. [2]. Эта статья стала хорошим подспорьем для написания биографии Заслуженного учителя школы Российской Федерации В. Б. Моисеевой, однако в ней не были освещены студенческие годы и обучение в Томском государственном педагогическом институте.

Исходя из вышесказанного, целью данной работы является выявление новых материалов биографического характера и составления полной биографии Заслуженного учителя России В. Б. Моисеевой.

В ходе работы надписанием биографии были изучены различные материалы, связанные с обучением и профессиональной деятельностью В. Б. Моисеевой. Среди них особое значение занимает личное дело № 5399 студентки факультета русского языка и литературы Томского государственного педагогического института В. Б. Моисеевой, найденное в архиве ТГПУ [3]. Личное

дело В. Б. Моисеевой содержит материалы, охватывающие период времени с 1971 по 1984 гг. В этом личном деле (всего 40 листов) содержатся два типа источников: как письменные, так и художественно-изобразительные источники (фотографии). Что касается письменных источников, то можно выделить наличие двух классов источников: документальные, к которым относятся направление на учёбу, приказ о зачислении в институт, диплом № 363720, зачётная книжка, экзаменационные листы, характеристики, учебная карточка студента-заочника, а также нарративные источники (различные заявления студентки, автобиография). Анализ всех представленных в личном деле документов позволит достаточно полно охарактеризовать период обучения В. Б. Моисеевой в ТГПУ.

Наряду с этим при написании биографического очерка были использованы материалы картотеки Управления образования Администрации Шегарского района Томской области, указывалось, что В. Б. Моисеева – директор базовой, одной из лучших инновационно развивающихся школ Шегарского района, самый опытный в муниципалитете руководитель, возглавлявший Бабарькинскую среднюю школу с 1984 г. [4].

Кроме этого в работе использовалась дополнительная информация о деятельности Бабарькинской средней школы под руководством В. Б. Моисеевой, найденная на официальном сайте Бабарькинской средней школы [5] и других сайтах Шегарского района Томской области, содержащих материалы о Бабарькинской средней школе. Так, значительный интерес представляет Программа развития открытой сельской школы МОУ «Бабарькинская средняя общеобразовательная школа» Шегарского района Томской области на 2009–2014 годы, подписанная директором В. Д. Моисеевой в 2009 г. [6].

Таким образом, все перечисленные выше источники и публикация позволяют создать достоверный биографический очерк Заслуженного учителя школы России В. Б. Моисеевой.

Валентина Борисовна Моисеева родилась 13 октября 1945 г. в селе Новая Поляна Zubovo-Полянского района Мордовской республики. Родители Валентины Борисовны были крестьянами: отец – Моисеев Борис Павлович – механизатор, мать – Устинья Алексеевна – домохозяйка. В семье было пятеро детей: три сестры и два брата. В 1952 г. Валентина начала учиться в школе, но в 1958 г. семья переехала в Молчановский район Томской области, где она продолжила учебу и в 1963 г. окончила Тунгусовскую среднюю школу. В школе Валентина была пионеркой, а в 1961 г.

вступила в комсомол. В семье Валентина была старшей из пяти-рех детей, поэтому после окончания школы, чтобы помочь родителям, стала работать библиотекарем в сельской библиотеке (до 1965 г.). В 1965 г. она поступила учиться в Томское педагогическое училище, которое окончила в 1967 г. После окончания училища в 1967 г. получила назначение в Шегарский район Томской области в Бабарыкинскую восьмилетнюю школу, где и работает в настоящее время.

25 мая 1971 г. В. Б. Моисеева подала заявление на заочное отделение факультета русского языка и литературы Томского государственного педагогического института. Своё заявление она подкрепила направлением на учебу от Шегарского исполнительного комитета (отдела народного образования) ректору заочного отделения Томского педагогического института Н. В. Жуковой. Направление подписал заведующий районным отделом народного образования (РОНО) Г. Кицис [3, л. 5].

Директор школы написал ей следующую характеристику: «С 1968 года работает в школе; проявила себя способным учителем, творчески подходит к работе; активно участвует в общественной жизни (деятельности) села; является комсоргом учительской группы; агитатор на селе; участвует в художественной самодеятельности; имеет авторитет и доверие среди товарищей и жителей села; является депутатом сельского совета. Все уроки целенаправленны, содержательны. Даёт детям глубокие, прочные знания. Много времени уделяет работе с учащимися, связывает уроки с жизнью всей страны. Многие учатся по её предмету на 4 и 5. Проводит воспитательную работу (например, экскурсии по живописным местам села)» [3, л. 2, 24–25].

На вступительных экзаменах В. Б. Моисеева сдала экзамены по профильным дисциплинам (русский язык и литература: 13 июня 1971 года, оценка 4) и сочинение (10 июня 1971 года, оценка 3), а также по непрофильным дисциплинам (история СССР: 16 июня 1971 года, оценка 4) [3, л. 16]. Это позволило ей поступить в институт и начать учёбу. Как и у многих студентов, на первом курсе у нее возникли проблемы со старославянским языком, поэтому она была вынуждена написать проректору Н. В. Жуковой заявление от 11 июля 1972 г. с просьбой условного перевода на второй курс, так как не сдан старославянский язык.

Интересным фактом является то, что за время учёбы у неё были хорошие оценки по дисциплинам, связанных с русским языком, и большая часть удовлетворительных оценок по литературным

предметам. Это замечание призвано не очернить Валентину Борисовну, а наоборот, показать, что оценки – это не главное. Главное – это подходить к работе с душой и желанием. Тем более, что молодая учительница вела активную профессиональную и общественную работу как в школе, так и в селе. 12 июля 1984 года Валентина Борисовна получила диплом № 363720 о высшем образовании по специальности «Русский язык и литература» с присвоением квалификации «учитель».

Вспоминает Наталья Егорова, учитель Бабарыкинской школы: «И вот однажды появилась она, молодая женщина с добрыми глазами. Она вошла в горницу, открыла портфель и достала ... школьные тетрадки. И началось волшебство: красный карандаш в её руке бежал по строчкам. Я была очарована. Так зародилась мечта стать учителем. Когда пришла моя пора, меня спросили: «Зачем ты идёшь в школу?» – «Я люблю проверять тетради», – сразу же вспомнила я Валентину Борисовну Моисееву» [2].

В 1984 г. В. Б. Моисеева была назначена на должность директора Бабарыкинской восьмилетней, а с 1990 г. – средней школы и возглавляла её более 20 лет. За время работы ежегодно добивалась высокой качественной успеваемости учащихся, первая в районе оборудовала хороший кабинет начальных классов со всеми требованиями, затем первая получила паспорт кабинета русского языка, где накопила необходимый дидактический материал, активно участвовала в методических объединениях, на базе школы по её предметам проводили семинары для словесников района. Одновременно вела большую общественную работу: член бюро райкома партии, политинформатор, председатель профсоюзного комитета школы, член совета директоров. Школа неоднократно становилась победителем по подготовке к новому учебному году, по участию в различных конкурсах. Вспоминает Наталья Егорова: «В её устах инновации приобрели человеческий облик, потому что не говорила, а делала, и не для себя, а для людей, для детей, для школы. Проекты, форумы, фестивали... Вместе с Валентиной Петровной Плешкуновой, директором соседней, Баткатской школы, они строили новую школу. Конкурентное сотрудничество – так называют взаимодействие партнёров-конкурентов стремящихся к одной цели. Это когда учишься находить в другом лучшее, чего нет у тебя, когда искренне радуешься успехам друг друга. И всё впервые: сетевое обучение, детские проекты и исследования, первые гранты и сразу две победы в президентском конкурсе. И в награду – по миллиону рублей на развитие школ.

Повторить такое невозможно. Когда в Томск приехала делегация из десяти директоров британских школ, сомнений не было по поводу того, куда везти, что показывать, чем удивлять. Выбор пал на элитные томские школы, Молчаново и, конечно, Баткат и Бабарыкино. Прощаясь, потрясённые гости сказали: «В ваших сёлах мы увидели, что Россия – действительно великая страна» [2].

Только у Валентины Борисовны, бесконечно преданной детям, могла появиться идея привлечь состоятельные семьи к решению проблемы сиротства. Она любит вспоминать: «Это был настоящий праздник, когда школьный автобус привёз в село этих ребят. Их встречали как дорогих гостей. Во время переезда дети сидели притихшие, взволнованные, в ожидании чего-то необычного, нового. Первого сентября все пришли в школу, быстро влились в коллектив и стали самыми активными его членами» [2]. В Программе развития открытой сельской школы МОУ «Бабарыкинская средняя общеобразовательная школа» Шегарского района Томской области на 2009–2014 годы отмечено: «Педколлектив стал думать о системе работы с замещающими семьями и детьми, искать формы проведения внеклассных мероприятий по адаптации приёмных детей, создали пакет нормативных документов по работе с данной категорией детей и родителей, составили поэтапный план сопровождения приемных детей» [6].

«Валентина Борисовна – человек команды, генератор идей, вдохновитель, превосходный организатор. Что бы она смогла сделать, не будь у неё слаженной команды? Вместе с Людмилой Александровной Кузьминых и Тамарой Михайловной Парковой ей было всё по плечу. Вместе они взяли курс не на выживание, как большинство сельских школ, а на развитие. Вместе пошли в прорыв и победили» [2], – говорит Наталья Егорова.

Одной из первых школа поставила задачу работы с одаренными детьми, реализовав ее путем создания Центра развития способностей учащихся «Лидер», где школьники осваивают культуру проектной и исследовательской деятельности. Ученики Бабарыкинской школы – постоянные участники и призеры районной научно-практической конференции «Новый интеллект» и образовательных событий, разворачивающихся на базе Северной гимназии. Достаточно высокий уровень качества образования достигается за счет использования различных механизмов: сложившейся системы работы педагогов по повышению мотивации школьников к обучению, использования здоровьесберегающих технологий, освоения таких современных образовательных технологий, как «Развитие

критического мышления через чтение и письмо», сопровождение образовательных инициатив, проектно-исследовательская деятельность и многое другое. С 2005 г. школа включена в Российско-Британский проект «Разработка и апробация моделей сопровождения индивидуальных образовательных программ в профильном обучении». Систематически обобщая накопленный опыт, школа участвует в муниципальных и региональных конкурсах: она призер районного конкурса «Школа года – 2004» и лауреат областного этапа Всероссийского конкурса «Лучшие школы России – 2005».

2006 год стал для Бабарыкинской школы годом триумфа – она вошла в число победителей приоритетного национального проекта «Образование» в конкурсе лучших инновационных школ, затем победителем конкурса «Ресурсно-внедренческий центр инноваций – 2007».

Занимаясь распространением ценного педагогического опыта в муниципалитете и области, коллектив Бабарыкинской школы под руководством В. Б. Моисеевой эффективно использовал инвестиции: на разработку и внедрение инновационных технологий в образовательный процесс школы, на укрепление и развитие материальной базы, повышение квалификации работников по управлению развитием образовательным учреждением. Разработаны и тиражируются разработки методических программ, создан сайт школы.

В 1991 г. В. Б. Моисеева получила нагрудный знак «Отличник народного просвещения». Школой была налажена тесная связь с хозяйством, которое выделило безвозмездно трактор, в школе изучали тракторное дело и вручали удостоверения тракториста-машиниста III класса. Для того, чтобы снизить плату за питание учащихся, в Бабарыкинской школе создали свое подсобное хозяйство: разводили свиней и кроликов. Этот опыт перенимали другие школы как Шегарского, так и других районов.

В. Б. Моисеева выработала эффективную политику работы с родителями. В Программе развития школы особо выделено: «Педагогический коллектив школы находит правильные пути взаимоотношений с родителями. Сила убеждения, корректность, педагогическая тщательность анализа различных ситуаций, совместные размышления – все это побуждает родителей видеть в лице школы своего союзника. На взаимодействии школы и родителей чрезвычайное влияние оказывает авторитет педагогического коллектива, что определяет репутацию школы в селе. Школа регулярно информирует родителей о своей работе, проводит со-

местные праздники, приглашает родителей в качестве экспертов проектно-исследовательских работ учащихся» [6].

В 1996 г. за эффективную организацию работы школы В.Б. Моисеева получила почетное звание «Заслуженный учитель школы Российской Федерации». Она открыто передает опыт работы школы своим коллегам: неоднократно выступала на областных педагогических конференциях в РЦРО по обмену опытом работы школы, разработала элективный курс по литературе «Литература и музыка», изданы сборники «Сетевая модель предпрофильной подготовки и профильного обучения в сельском образовательном округе», каталог образовательных возможностей. Как говорит Наталья Егорова: «Надо признаться, планка, которую задала Валентина Моисеева Бабарькинской школе, очень высока, и удержать её будет нелегко» [2].

Как писала В. Б. Моисеева: «Наша школа из места для усвоения уроков превращается в культурно-образовательный центр, где классы, учебные мастерские, спортивный зал, площадки для игр, библиотека, лаборатории открыты для всего населения, где организован совместный труд детей и взрослых, где учат жизнестойкости, общению, умению работать в группе, проявлять инициативу. В воспитательных моментах особое внимание уделяется связи школы с жизнью села, воспитанию любви к земле и сельскому труду, использованию нестареющих народных промыслов» [6].

В. Б. Моисеева, как талантливый руководитель, всегда находится в постоянном поиске и умело направляет деятельность сформированного ею сплоченного коллектива единомышленников [4].

В 2000 г. В. Б. Моисеева была избрана депутатом Думы Шегарского района I созыва, в 2005 г. – II созыва, 2010 г. – III созыва. Валентина Борисовна замужем за Моисеевым Анатолием Петровичем, у них есть двое сыновей: Евгений и Вячеслав.

Таким образом, скрупулезный анализ источников и литературы позволил составить образец исторической биографии выдающейся личности, такой, как выпускница Томского государственного педагогического института, Заслуженный учитель школы Российской Федерации Валентина Борисовна Моисеева, для которой педагогическое дело стало профессиональным и личным призванием.

Источники и литература

1. Галкина Т. В. Жизнеописание Александра Волкова: принципы научной биографии // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 2 (39). Сер.: гуманитарные науки (философия, культурология). С. 162–167.

2. Егорова Н. Спасибо за мечту // Шегарский вестник. № 20 (9486). 2014. 4 марта.
3. Личное дело Валентины Борисовны Моисеевой // Архив ТГПУ. Ф. Р. 566. Оп. 1. Д. 5399.
4. Картоотека Управления образования Администрации Шегарского района Томской области.
5. <http://sheg-babschool.edu.tomsk.ru/>.
6. <http://www.pandia.ru/text/78/139/24582.php>.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МАКСИМ МАКСИМОВИЧ СЕНЧИК: ОПЫТ НАПИСАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

К. А. Бехтерева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. В. Галкина, к.истор.н., доц.

Приступая к написанию исторической биографии, хотелось бы сказать о её актуальности. «Выдающиеся выпускники Томского государственного педагогического университета» – это проект, реализуемый историко-филологическим факультетом ТГПУ. Этот проект является важным для вуза, так как восстановление полного списка всех Заслуженных учителей, которые прославились не только в сфере образования, но и науки, культуры и спорта, носит имиджевый характер для вуза. Так же восстановление биографий педагогов, удостоенных почетного звания «Заслуженный учитель РСФСР (Российской Федерации)», начиная с 1960-х гг. до настоящего времени, имеет большую историческую значимость. При этом главными основополагающими принципами являются объективность исследования, историзм, проверка достоверности источников [1].

Одним из таких педагогов, удостоенных почетного звания «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», является выпускник Томского государственного педагогического института, Максим Максимович Сенчик.

Следовательно, целью данной работы является составление полноценной биографической статьи Заслуженного учителя России М. М. Сенчика. Задачи, которые помогут добиться этой цели, носят научно-теоретический и научно-практический характер. В первом случае – это выявление комплекса биографических источников для составления биографии личности, а именно архивных (личного дела студента ТГПИ М. М. Сенчика). Во втором, это поиск и изучение дополнительной информации личного

характера; обработка полученных данных и составление биографической справки и презентация результатов.

В ходе работы над написанием биографической статьи были изучены различные материалы, связанные с обучением и профессиональной деятельностью М. М. Сенчика. Среди них особое значение занимает личное дело № 1553 студента физико-математического факультета Томского государственного педагогического института М. М. Сенчика, хранящееся в архиве ТГПУ [2]. Личное дело М. М. Сенчика содержит материалы, охватывающие период времени с 1965 по 1970 гг. В этом личном деле содержатся (всего 13 листов) два типа источников: как письменные, так и художественно-изобразительные источники (фотографии). Говоря о письменных источниках, можно выделить наличие их двух классов: документальные, к которым относятся учебная карточка, открепительный листок, медицинская справка, личная карточка студента, диплом № 140924, зачётная книжка, студенческий билет, экзаменационные листы, характеристики, а также нарративные источники (автобиография). Анализ всех представленных в личном деле документов позволит достаточно полно охарактеризовать период обучения М. М. Сенчика в педагогическом вузе.

В написании статьи также привлекалась дополнительная информация о профессиональной деятельности М.М. Сенчика, найденная на официальном сайте Богашевской средней школы им. А.И. Федорова [3]. Также была привлечена биография М.М. Сенчика, найденная на официальном сайте муниципального образования Томского района [4].

Таким образом, все перечисленные выше источники позволяют создать достоверный биографический очерк Заслуженного учителя школы РФ М. М. Сенчика.

Максим Максимович Сенчик родился 10 ноября 1946 г. в селе Тегульдет Томской области. Родители М. М. Сенчика на момент поступления в ТГПИ были пенсионерами: отец – Максим Емельянович Сенчик работал в конторе коммунальных предприятий бухгалтером, мать – Анисья Сенчик (отчество полностью не прописано, указана только буква «И»). В семье было 4 детей: 3 сестры, двое старших из которых не жили с родителями, а одна жила с родителями. Как отмечается во всех автобиографиях того времени, так и в автобиографии М. М. Сенчика было написано: «Родственников за границей нет» [2, л. 2]. Максим Сенчик начал учиться в школе в 1954 г. В пионеры вступил в 1957 г., а в комсомол – в 1964 г. В 1965 г. он окончил среднюю школу [2, л. 2]. Классный

руководитель Максима Сенчика написала ему следующую характеристику: «В школе учился хорошо, в основном на «4». Очень упорный и усидчивый, особенно любит точные науки, увлекается физикой, хорошо знает её. Был активным членом школьного физического кружка. Много занимается самостоятельно. Был выбран в классе членом комиссии порядка. Увлекается спортом. Имеет спортивные разряды. Выполнял различные общественные поручения. Хороший товарищ, пользуется уважением в классе» [2, л. 3].

Из личного дела известно, что в августе 1965 г. М. М. Сенчик подавал документы в приемную комиссию Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева на радиофизический факультет. Там он сдал вступительные экзамены, из которых три сдал на «удовлетворительно» (Русский язык и литература (письм.), математика (письм.), математика (устно) и один (физика (устно) на отлично [2, л. 5]. Также в личном деле содержится приказ о его зачислении в 1965 г. на физико-математический факультет (по специальности «Физика и математика») Томского государственного педагогического института [2, л. 1].

Во время учебы в институте М. М. Сенчик принимал активное участие в строительных студенческих отрядах: работал на строительстве школы в Кривошеинском районе и городе Стрежевом Томской области. За отличную работу в студотрядах он был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ [4].

На 5-м курсе педагогического института параллельно с учебой работал в школе № 52 [4]. Судя по зачетной книжке, М. М. Сенчик учился в институте основном на «4» и «5», удовлетворительные оценки встречаются очень редко.

1 июля 1970 г. М. М. Сенчик получил диплом № 140924 о высшем образовании с присвоением квалификации учителя физики и математики средней школы. Диплом с отличными и хорошими оценками, лишь по дисциплинам «История КПСС» и «Основы научного коммунизма» – оценки «удовлетворительно». Государственные экзамены, а именно «Общая физика», «Педагогика с методикой преподавания физики» и «Марксистско-ленинская философия» сданы на «отлично». Педагогическая практика пройдена на «отлично». После окончания вуза он получил направление на работу в Басандайскую среднюю школу № 2 Томского района Томской области [2, л. 11–12].

В 1971–1972 гг. М. М. Сенчик служил в Советской армии в Заполярье под Норильском. После демобилизации он вернулся в школу № 52, в которой был назначен директором в 1974 г.

Через 5 лет, в 1979 г. он был назначен директором Богашевской школы, где работал директором до 1985 г., а учителем – до 1988 г. В 1985 г. М. М. Сенчик был назначен начальником Управления образования Томского района Томской области. В этот же период, начиная с 1988 г., продолжал работать учителем физики в школе № 44 г. Томска вплоть до 1995 г., когда был переведен на должность начальника управления образованием Томского района и заместителя Главы администрации Томского района по социальным вопросам. За период работы директором Богашевской школы и начальником Управления образования он дважды избирался в районный Совет депутатов, а в 1990 г. избирался в состав областного Совета депутатов. В 2009 г. ушел на пенсию с должности заместителя главы Томского района Томской области.

В настоящее время работает методистом в Богашевской вечерней школе и учителем в Богашевской средней школе [4]. Имеет многочисленные педагогические награды, такие как «Отличник образования Российской Федерации», «Отличник образования СССР», имеет высшую квалификационную категорию [3]. Но особо стоит отметить, что 19 января 1993 г. Указом Президента Российской Федерации № 98 «О присвоении почетного звания «Заслуженный учитель школы Российской Федерации» работникам образования Томской области» за заслуги в обучении и воспитании учащихся и многолетний добросовестный труд Максиму Максимовичу Сенчику – заведующему отделом народного образования администрации Томского района присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы Российской Федерации» [5].

Таким образом, анализ источников и литературы позволил составить биографический очерк выдающейся личности, такого, как выпускник Томского государственного педагогического института, Заслуженный учитель школы Российской Федерации М. М. Сенчик.

Источники и литература

1. Галкина Т. В. Жизнеописание Александра Волкова: принципы научной биографии // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 2 (39). Сер.: гуманитарные науки (филология, культурология). С. 162–167.
2. Личное дело Максима Максимовича Сенчика // Архив ТГПУ. Ф. Р. 566. Оп. 1. Д. 1553. 13 л.
3. МБОУ «Богашевская СОШ им. А.И.Федорова» Томского района // <http://tom-bgschool.edu.tomsk.ru/uchitelskaya/senchik-m-m/>
4. Официальный сайт муниципального образования Томского района // <http://www.tradm.ru/senchik.html>

5. Указ Президента РФ от 19.01.1993 N 98 «О присвоении почетного звания «Заслуженный учитель школы Российской Федерации» работникам образования Томской области» // <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/ukaz/sbor16/text16051.htm>

**НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА**

Е. С. Кофанова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: П. Л. Нестеренко, к.истор.н., доц.

Национальный вопрос для нашей страны всегда будет актуальным. Особенно для территории Сибири, так как здесь проживает большое количество разных народов и этносов. Важное место в истории Гражданской войны занимает период правления адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) и связанный с ним комплекс проблем по определению и реализации национальной политики омского режима. Эта тематика находит отражение во многих трудах, а также и в современной сибирской историографии, посвященной национальному вопросу в годы Гражданской войны [1].

В основе политики А.В. Колчака лежала идея сохранения «единой и неделимой» России. В обращении к населению верховный правитель России утверждал: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и порядка» [2, с. 240]. Также указывалось стремление к созданию демократического государства, равенству всех слоев и классов перед законом. Правительство обещало, что «все они без различия религий и национальностей получат защиту государства и закона» [2, с. 241].

Летом 1918 года было создано Министерство туземных дел во главе с автономистом-областником М.Б. Шатиловым. Министерство туземных дел руководствовалось в основном идеями сибирского областничества. Были подготовлены «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». [3] В дальнейшем некоторые пункты «Основные положения...» рассматривались в проекте, но не были учреждены.

В проекте говорилось, что предоставление отдельным национальностям Сибири территориально-политической автономии

затрагивает сущность политического устройства Сибири и может быть решено только Всероссийским учредительным собранием. Поэтому самопровозглашенные национальные автономии не признавались.

В тоже время до созыва Учредительного собрания народам Сибири предоставлялась культурная автономия, «гарантирующая свободное развитие каждой отдельной национальности». Этот статус включал в себя организацию всех звеньев учебных заведений с преподаванием на местном языке и изучение русского, причем субсидирование предусматривалось из средств государственного бюджета, если не хватало «местных национальных средств». [4]

Политическое самоопределение народов не предусматривалось, а реализация культурно-национальной автономии была объективно крайне затруднена. Таким образом, в рамках региональной автономии были достаточно четко разработаны вопросы национальной политики с учетом специфических интересов и задач этнокультурного развития народов Сибири. Их реализация могла бы существенно ускорить процесс модернизации социальной, экономической, культурной жизни огромного региона.

Создавались местные суды, в которых разрешалось применять местные обычаи, если они не противоречили «основным правовым принципам цивилизованных народов».

Вопросы государственного управления, железные дороги, почта, телеграф, телефон, военное дело, регулирование внешней торговли, таможенное дело, налоговое обложение и денежное обложение – все оставалось под контролем Сибирского правительства. Но в тоже время предусматривалось назначение части должностных лиц и служащих государственных учреждений из лиц, владеющих национальными языками.

Что касается национальных организаций, то они рассматривались «как правомерные представительные органы соответствующих национальностей по культурной автономии и местного самоуправления». Также оговаривались условия защиты прав национальных меньшинств в рамках национально-культурного самоуправления. Все меньшинства, составляющие не менее 10% местного населения, «могли организовываться для защиты своих национально-культурных интересов и обращаться за поддержкой к Сибирскому временному правительству». [6, с. 37]

Постепенно авторитет Министерства туземных дел понижался. Одной из причин, был арест 21 сентября 1918 года М.Б. Шатилова.

В июне 1919 г. на имя Верховного Правителя России А.В. Колчака поступила записка «Отношение Сибирского областничества к современному историческому положению России», подготовленная инициативной группой сибирских областников, в их числе были – Г.Н. Потанин, Н.Н. Козьмин, В.М. Крутовский, И.И. Серебренников. В документе отмечалась закономерность центробежных тенденций в крае, удаленном от российских центров власти. В качестве решения предлагались неотложные меры по национально-территориальному преобразованию данного региона. Также была предложена идея «культурно-областной автономии». Местное законодательство должно было приниматься сибирским представительным органом, структура и полномочия которого определялись бы Всероссийским национальным собранием. Областные учреждения должны были решать назревшие задачи местной жизни. К ним относилось прежде всего землеустройство «без нарушения прав и хозяйственного уклада старожильского, казачьего и инородческого населения Сибири». Другим не менее важным вопросом областники считали «культурно-хозяйственное устройство и административную организацию сибирских инородческих племен в соответствии с их национальными и бытовыми особенностями», оказание им помощи в переходе к прогрессивным формам хозяйствования. Особую программу составляли меры в культурно-правовой области. Восстановление единой России возможно лишь «путем организованной самостоятельности местных сил [5, с. 110].

Вскоре Министерство туземных дел и во все было ликвидировано. Так как работа в Министерстве не имела каких-либо результатов, большое количество Министерства туземных дел просуществовало до сентября 1919 года [2, с. 244]. Большинство проектов, так и оставалось на бумаге.

К концу 1919 года национальная политика, также как и само омское правительство потерпело крах. Военные поражения приостановили деятельность правительственных органов. Национальный вопрос, так и остался открытым. Можно выделить ряд причин, по которым правительство адмирала А.В. Колчака потерпело крах.

Во-первых, военные неудачи. Уже к концу 1919 года армия адмирала А.В. Колчака терпела поражения. «Красные» армии заняли практически всю территорию Сибири и установили на местах свое правительство.

Во-вторых, отстаиваемую колчаковской властью идею «единой и неделимой» России национальные движения и организации

воспринимали как возвращение к дореволюционной политике. Как писал один из участников событий тех лет, эсер Е. Колосов, «...вопрос о создании центральной государственной власти, которая, будучи действительной властью, вместе с тем сумела бы учесть все местные особенности и наладить свои отношения с группами, отличающимися центробежными тенденциями, – такой вопрос являлся тогда кардинальнейшим... Правительство Колчака не сумело разрешить его и погибло». [7, с. 50]

В-третьих, недовольство местного населения проводимой политикой Всероссийского правительства. Большинство предложений и преобразований оставались, только на бумаге. Также, местное население не хотело идти на уступки «белым правительствам». Особенно остро решался вопрос, о наборе «инородцев» в ряды белых армий.

В условиях Гражданской войны, крайне тяжело было проводить грамотную политику в области национального вопроса. А. В. Колчак понимал, что этот вопрос является очень важным, но его окончательное решение отодвигалось до победного конца.

Литература

1. Нам И.В. Национальная политика Временного Сибирского правительства // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 78–81; Наумова Н.И. Структура власти и решение национальных проблем: создание Совета по туземным делам и департамента туземных дел в колчаковском правительстве // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 196–200; Шевелев Д.Н. Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 90–94.
2. Национальная политика в России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
3. Вестник временного всероссийского правительства. 1918. 20 ноября.
4. Правительствонный вестник. 1918. 24 ноября.
5. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белое движение и право наций на самоопределение // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998.
6. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
7. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Петроград: Издательство «Былое», 1923. 190 с.

РАСКОЛ РПЦ ПОСЛЕ ПЕРФОРМАНСА ГРУППЫ PUSSY RIOT

Я. С. Мариненко

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О. В. Хазанов, к. истор. н., доц.

Христианство на протяжении своей многовековой истории не раз подвергалось преобразованиям, которые дробили одну из крупнейших мировых религий на различные течения и конфессии. Подобные процессы имеют место и сегодня, хотя последствия их, пожалуй, не настолько глобальны, как это было, допустим, во время Реформации в Европе. Одним из примеров может служить нашумевшее дело Pussy Riot, ставшее камнем преткновения между общественностью, государством и Русской Православной Церковью. 21 февраля 2012 года феминистки из группы Pussy Riot осуществили перформанс в храме Христа Спасителя, взобравшись на амвон и исполнив так называемый панк-молебен «Богородица, Путина прогони!». Через несколько дней они были задержаны, и 17 августа после судебных разбирательств Хамовнический суд Москвы вынес приговор, согласно которому девушек осудили на 2 года колонии общего режима по статье «хулиганство по мотивам религиозной ненависти». Средства массовой информации запестрили статьями с заголовками типа «Как Pussy Riot раскололи Церковь». Естественно, возникает вопрос – явился ли казус феминисток в ХХС катализатором раскола РПЦ, и существует ли он на самом деле?

В силу специфики большинства гуманитарных терминов сразу важно определить, что в данном случае подразумевается под понятием «раскол». Диакон, профессор московской духовной академии Андрей Кураев считает, что «раскол и разномыслие – совсем не одно и то же. Раскол – это отказ от совместной молитвы с другими христианами, отказ от общих церковных таинств и от элементарных норм церковной дисциплины. При этом откол и раскол – тоже разные вещи. Ну как личная эмиграция и сепаратизм. Откол (эмиграция) – это личное решение и трагедия одного человека. Раскол (сепаратизм) это уже некоторая альтернативная организация. В канонах это называется «самочинное собрание». [1] Получается, что пользоваться определением «раскол» здесь не совсем корректно. Правомернее использовать понятие «раскол идеологический», то же разномыслие. Цитата из речи Сергея Чапнина, секретаря Комиссии по вопросам взаимодействия Церкви, государства и общества Межсоборного присутствия РПЦ о по-

следствиях казуса Pussy Riot: «Идеологический раскол в церкви действительно существует, есть серьезная палитра противоположных мнений, которые противостоят друг другу». [2]

Так как проблема касается в первую очередь области религии, то рассмотрим изначально точки зрения непосредственных ее представителей относительно инцидента в храме Христа Спасителя. Уже упоминаемый Андрей Кураев уверен, что никакого раскола Церкви нет, и не будет. «Результат будет ровно противоположный, – отметил он. – Вот есть человек, который не смог понудить себя к согласию с каждой из фраз Заявления Высшего церковного совета. И что – в раскол? Нет, конечно. Скорее, в свое собственное неофитское прошлое. <...> Если некоторые члены Церкви и пастыри не (п)оказались приятны во всех отношениях, это не значит, что они стали тотально неприятны, то есть неприемлемы для соучастия в одной молитве с нами, всецело, конечно, хорошими. Замеченное и даже царапнувшее разногласие в третьестепенных вопросах особенно резко и правильно подчеркивает единомыслие в главном. В Символе веры. А в остальном – «Друг друга бремена носите – и тако исполните закон Христов». [3]

Газета The New Times опубликовала мнения некоторых религиозных экспертов, которые считают, что история с Pussy Riot свидетельствует об усилении правого, консервативного крыла внутри РПЦ. «Консервативное крыло сплотилось и громче, чем обычно, заявило о себе. В информационном пространстве Церкви оно сейчас доминирует. Несколько слабых голосов церковных «модернистов» не слышны за канонадой ненависти», – говорит религиозный публицист Александр Солдатов. Религиовед Борис Фаликов также считает, что консервативное крыло Церкви активизировалось. «И патриарх сейчас в общем-то с ними», – считает он. На это диакон Кураев, в свою очередь, жестко возразил. «Есть разногласия. Но это не гражданская война и уж, конечно, не раскол – это слово для Церкви табуировано. Дискуссии тоже нет. Если даже я и высказываю свою точку зрения на происходящее, то не веду внутрицерковную полемику с кем-то конкретным» – сказал он в интервью The New Times. [4]

Категоричность отца Андрея в отрицании наличия идеологического раскола не совсем объективна. Самым ярким показателем этого является дело Сергея Баранова – бывшего клирика Тамбовской епархии, который обратился с открытым письмом к патриарху Кириллу, в котором объявил о разрыве с РПЦ и ходатайствует о снятии с себя священнического сана. Некоторые выдержки

из этого обращения: «Я остаюсь верующим христианином, но находиться в одной Церкви с лжецами, стяжателями и лицемерами считаю для себя совершенно невозможным из соображений этики. Я дорожу своей верой, но остаться после случившегося в РПЦ означало бы, что я одобряю их действия и, следовательно, соучаствую в них. Считаю, что Церковь как институт нуждается в очищении и обновлении – лишь тогда человек честный и порядочный сможет с чистой совестью вновь переступить ее порог. <...> Девушек из Pussy Riot осудили фактически не по уголовной статье, а по морально-нравственным понятиям раннего Средневековья. И вот, согласно этим понятиям, Русская Православная Церковь позиционируется как такой моральный, нравственный эталон в нашем обществе с подачи государства. Этот процесс стал тяжелым ударом по Церкви. Для тысяч людей стало окончательно ясно, что наша Церковь отделена не от государства – наша Церковь сама себя отделила от Бога и истинно верующих людей. Верующих не станет меньше, а вот желание ходить в храм у многих уже пропало. Это решение суда вносит раскол во внутреннее единство Церкви и разбивает верующих на два фронта. Те православные, которые простили и молятся за девочек-узниц, это те люди, которые, может быть, составляют меньшинство сейчас, тем не менее это наиболее образованная, наиболее активная социальная группа верующих, это мыслящие люди. В значительной степени за этой частью будущее, потому что эти люди влияют на общественное мнение все большего числа верующих, но они не хотят себя идентифицировать с РПЦ, которая все больше срачивается с государственной властью». [5] Сергея Баранова не просто лишили всех степеней священства, а еще и предали анафеме. Уже при анализе только этого инцидента можно назвать позицию Андрея Кураева весьма спорной.

Владимир Пастухов в рамках рассматриваемой проблемы выразил свое мнение в статье «На пути к расколу». Автор говорит об идеологическом расколе между массой православных христиан в лице ортодоксов и т.н. модернистов – людей, пытающихся мыслить критически и познать суть исповедуемой ими религии. «Встав на сторону власти, церковь сделала выбор в пользу себя, но не в пользу пасты. Она выталкивает активную, думающую и по-настоящему верующую часть общества за пределы церковного круга. В качестве компенсации она проводит мобилизацию фанатиков, которые должны защитить церковь от людей, ищущих подлинную веру и истину. Иступленные фанатики должны создавать видимость религиозного подъема там, где давно поселился

религиозный упадок. Именно с этой целью Патриархии понадобилось раздуть вселенский пожар из спички. Если бы «Pussy Riot» не существовало, то церкви пришлось бы их выдумать. И надо признать, что контрпропагандистская операция прошла на славу. И власть завелась, и фанатики всколыхнулись. <...> Остается ведь главный вопрос – что все-таки делать с той массой «новых верующих», которым тесно и душно в современном русском храме? Церковь одержала «пиррову победу». Мобилизовав миллионы статистов, она отодвинула от себя, буквально вышвырнула из Храма сотни тысяч активных, искренне верующих или ищущих путь к вере людей (об убежденных атеистах разговор отдельный, хотя они тоже по-своему верующие – они верят в то, что ни во что не верят). Этим людям ведь тоже надо куда-то идти. Они будут продолжать искать свою дорогу к Богу и строить свой Храм. Поэтому непонятно еще, как аукнется эта песенка в истории русского православия. <...> Сегодня внимание православной общественности приковано к внешнему: к часам, к виллам и к прочей пыли Патриарха. Но есть куда более существенные вопросы – об истинной вере, о новой церкви, о взаимоотношениях паствы и пастырей, князей церкви и князей света. Эти вопросы поставлены самим ходом русской истории и ждут своего ответа. Причем время не терпит». [6]

Скорее всего, в этом и заключается суть раскола – слишком отделились друг от друга священство с прихожанами, утонувшими «в пышности обряда и бормотании не очень понятных молитв на старославянском» [7], от тех, кто искренне желает укрепить собственную веру и постичь суть учения Христа. Достижение единства мнений внутри даже одной конфессии всегда было достаточно сложно, а в свете последних событий – практически невозможно. К сожалению, большинство людей, позиционирующих себя как православные, неосознанно полагают, что человек религиозный и человек верующий – это одно и то же. Они могут часами рассуждать о том, какую пищу можно употреблять во время поста, юбку какой длины надевать девушкам в храм, сколько раз читать молитвенное правило накануне какого-либо христианского праздника и т. д., – то есть главный упор делают на обрядность. В то же время мало кто интересуется историей своей религии, единицы могут хотя бы кратко изложить то, чему учил Иисус Христос и Его ученики. Сознание работает исключительно на религиозность и механическое повторение церковных обрядов, а способность к рефлексии в связи с этим автоматически атрофируется. Поэтому человек, желающий постичь сущность своей веры, часто остается

непонятым. С этим же столкнулась РПЦ после выступления группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя: подавляющее большинство «истинно верующих» православных сразу категорически осудило девушек, требуя им в наказание чуть ли не смертной казни. Те же православные (как священнослужители, так и обычные прихожане), пытавшиеся осмыслить перформанс и понять, что хотели сказать феминистки этой акцией, были, выражаясь языком Пастухова, «вышвырнуты» из храма. Этим и можно ответить на вопрос, поставленный вначале: раскол РПЦ действительно существует, раскол идеологический. И присутствует он, главным образом, в среде непосредственно православных христиан, в лице которых ярче всего отобразилась многогранность казуса Pussy Riot и поляризация мнений относительно его последствий.

Литература

1. Протоиерей Андрей Кураев: Никакого раскола Церкви из-за «Pussy Riot» нет и не будет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hram-evenkya.ru/novosti/protodiakon-andrey-kuraev-nikakogo-raskola-tserkvi-iz-za-pussy-riot-net-i-ne-budet>, свободный.
2. Существует ли раскол в Русской Православной Церкви? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2012/09/14/001/>, свободный.
3. Кураев: никакого раскола Церкви из-за Pussy Riot нет и не будет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/08/20/1024727.html>, свободный.
4. Панк-раскол. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/51393/>, свободный.
5. Диакон Сергей Баранов отказался от сана после приговора Pussy Riot. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.9111.ru/articles/2012-08-20/52522-diakon-sergiy-baranov-otkazalsya-ot-sana-posle-prigovora-pussy-riot.html>, свободный.
6. Владимир Пастухов: На пути к расколу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2012/04/30/church/>, свободный.
7. Сергей Митрофанов: Духовность и государство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2012/04/23/sm230412/>, свободный.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ ХАРИЗМЫ (НА ПРИМЕРЕ Б. Н. ЕЛЬЦИНА)

Д. А. Попцов

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: И. Ю. Николаева, д.истор.н., проф.

Анализ харизмы того или иного политического деятеля очень популярная тема еще в 90-е г. XX в. удивительным образом ушла в тень в современных гуманитарных исследованиях. Многие авторы пытались понять природу харизмы, той неоспоримой веры и тайной силы, которая заставляет людей безоговорочно следовать за своим лидером. На сегодня большинство исследователей по прежнему исходят из определения харизмы как явления иррационального и не поддающегося исследовательскому анализу. М. Вебер, впервые определивший этот феномен, писал, что: «“Харизмой” следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [1].

Однако оказалось, что природа харизмы отнюдь не иррациональна, она содержит в себе и рациональные компоненты, поддающиеся анализу [2]. Более того, мы можем говорить и о том, что в современной науке имеются адекватные методологические ресурсы для ее анализа в режиме верификации. В основе данной методологии лежит органическое соединение нескольких теорий взятых из определённого круга областей гуманитарного знания: социологии, психологии и истории. Автор данной статьи попытается показать некоторые из методологических возможностей данной технологии на примере анализа феномена харизмы первого президента РФ Б.Н. Ельцина, с позиций теории установки Д.Н. Узнадзе, концепции авторитарной личности Э. Фромма и концепции харизмы М. Вебера. Накладывая данные теории на исторический материал, мы попытаемся выявить роль архаических установок в понимании харизмы, акцентируя внимание на том, как они проявились в детстве лидера.

Прежде всего, стоит отметить, что Б.Н. Ельцин приобретал харизму в условиях кризиса и краха советской системы. Однако как определить начальную точку отсчёта этого приобретения? Большинство авторов считает, что «бунтарский дух» в Ельцине проснулся ещё на Октябрьском пленуме ЦК КПСС (1987), где он выступил с жёсткой критикой аппарата. Однако, Б.Н. поплатился за эту выходку, был отстранён от политики, и более того просил политической реабилитации на XIX партконференции (1988), считая себя полезным для партии, и говоря о том что полностью подчиняется её дисциплине [4, с. 51]. Так в чём же дело, почему Ельцин спасовал и не пошёл дальше? Очевидно, что бунтарство

будущего лидера носит тут какой-то непоследовательный характер, сигнализирует о неуверенности в себе и как то не согласуется с расхожим представлением о харизматическом вожде.

Именно обращение к концепции Э. Фромма позволяет усмотреть здесь архаический базовый комплекс черт сознания в поступках Ельцина, как, впрочем, в той или иной степени и всех других харизматиков. Согласно Фромму в человеческом характере параллельно сосуществуют садистские и мазохистские стороны, желание властвовать (превалирующая садистская сторона) и желание подчиниться (превалирующая мазохистская сторона). Однако Э. Фромм писал, что: «С людьми, у которых мятежность преобладает, можно легко ошибиться, решив, что структура их характера прямо противоположна характеру мазохистского типа. Кажется, что их протест против любой власти основан на крайней независимости... Однако борьба авторитарного характера против власти является, по сути дела, бравадой. Это попытка утвердиться себя, преодолеть чувство собственного бессилия, но мечта подчиниться, осознанная или нет, при этом сохраняется» [3, с. 146]. Заметим, что в условиях России, поздно в сравнении со странами Запада порвавшей с пуповиной традиционности, этот комплекс был более укоренен в ментальности.

Следы этой «бравлады» мы можем усмотреть и в действиях Б.Н. Вспомним, Ельцин был назначен на пост первого секретаря московского горкома КПСС в 1985 г., и начал свою деятельность с борьбы против привилегий номенклатурной верхушки, против новообретённого закоренелого коллектива «аппаратчиков» столичного горкома, где ему: «Был вынесен приговор со всеми вытекающими отсюда последствиями: “чужой”» [4, с. 42]. «Попытка утвердиться себя, преодолеть чувство собственного бессилия», вот что правило Ельциным на новом посту, поскольку здесь он не был «хозяином своей земли», как когда-то это было в Свердловске, здесь его остерегались и считали очередной провинциальной выскочкой. Как верно подметил Ю.М. Батурич: «Неверно представлять Б. Ельцина периода 1985 года неким оппозиционером, бросившим вызов аппарату» [4, с. 41].

Однако желание подчиниться, присущие авторитаризму, давно сформировавшиеся установки на всевластие партии, в конечном итоге возобладали в сознании Ельцина, о чём говорит его просьба о политической реабилитации и признании своих ошибок в июне 1988. Стоит заметить, что по свидетельствам современников Ельцин после Октябрьского пленума (1987) пережи-

вает острый личностный кризис, и чуть не кончает жизнь самоубийством [4, с. 52].

Однако, как бы ни был важен для фокуса нашего исследования этот личностный кризис, и повлиял ли он на становление в Ельцине альтернативного лидера, все его проявления остаются в тени из-за отсутствия подробных источников. Но возможно именно в этот момент шёл сложный процесс приобретения новой идентичности Ельциным, точнее сказать процесс кризиса «старой» идентичности как выразился бы Э. Эриксон.

Уже в структуре «старой» или по иному ранней идентичности, ещё в детстве Ельцина обнаруживается целый комплекс установок, который он путём рационализации актуализирует в авторитарной идеологической обстановке советского общества. Прежде всего, это видно из мемуаров Б.Н. Особо интересно для ракурса нашего исследования выглядят ситуации из детства, описанные Ельциным. Проявления авторитарного комплекса, заключающегося в стремлении безоговорочному подчинению и противоположному ему стремлению к власти, видны ещё в структуре идентичности Ельцина-ребёнка. Источник позволяет, с помощью теории установки, проследить как приращивались установки уверенности в себе, отодвигая на дальний план слабость, неуверенность, но не искореняя их до конца.

Начнем с жажды власти. Проявившаяся в самом феномене харизмы Ельцина (на уровне единой нефиксированной установки), она видна в его детстве. Ельцин унаследовал от отца тот жесткий нрав, связанный с ее присутствием. Обратимся к источнику: «У отца главным средством воспитания был ремень, и за провинности он меня здорово наказывал» [5, с. 13]. Видно психологическое подавление отцом Б.Н. за любую провинность: «У соседа яблоню испортили, или в школе учительнице немецкого языка насолили, или еще что-нибудь, – ни слова не говоря, он брался за ремень» [5, с. 13]. И Ельцин бунтовал, хотя и испытывал страх, как он взбунтуется не раз, уже будучи зрелым политиком. Но в один прекрасный момент он твердо скажет отцу, что пороть его тот больше не будет. После инцидента с отчислением из школы он вспоминает: «Отец пришел домой злой, взялся, как это нередко бывало, за ремень, – и вот тут-то я схватил его руку. Первый раз. И сказал: «Все! Дальше я буду воспитывать себя сам». И больше уже никогда я ни в углу не стоял целыми ночами, и ремнем по мне не ходили» [5, с. 15].

Можно с уверенностью сказать, что «дух бунтарства» в конце концов преобразованный в умение не пасовать перед сложностями,

не впадать в панику, но и не стремиться любыми усилиями сохранить ее (вспомним как Б.Н. отказался от власти, оказавшись первым российским правителем сделавшим это добровольно, хотя вполне мог оставить ее за собой) берёт своё начало из того опыта самостоятельности, которые Б.Н. прошёл в раннем возрасте во многом благодаря суровой среде советской деревни. Ельцин вспоминал: «С шести лет, собственно, домашнее хозяйство было на мне. И за младшими ребятами ухаживать – одну в люльке качать, за другим следить, чтобы не нахулиганил, и по хозяйству – картошку сварить, посуду помыть, воды принести...» [5, с. 12]. Такого рода опыта (или накопления в подкорке установок уверенности в себе) ребенок и юноша Боря Ельцин приобрел немало – с указанием перечисления их со ссылкой на источники, или краткого упоминания событий (поход, волейбол). Нельзя забывать и того, что эта психологическая уверенность в себе взрастала и на почве материнской любви и поддержки : «У мамы мягкий, добрый характер» [5, с. 12].

Иными словами, говоря о конфигурации идентичности Ельцина словами Фромма, он – «<...> невротик, который не сдался в борьбе за собственную личность» [3, с. 83]

Теория Фромма, описанный им защитный механизм рационализации [3, с. 65], путём которого соответствующие психологические установки превращались в сознании Ельцина в своеобразные идеологические ценности, дает нам инструмент для понимания того, например, факта, почему и как сформировалась та часть его харизмы, которая была связана с недосыгаемым, но очень привлекательным идеалом равенства. Идеала, который был психологически и рационально близким и последователям Б.Н., поскольку они были воспитаны в той же традиции. Стремление Б.Н. устранить психологический дискомфорт, связанный лишь с прокламацией идеала равенства, а не конкретным воплощением его в жизнь в советском обществе, выливалось в поездках первого секретаря московского обкома партии на общественном транспорте, борьбе за отмену номенклатурных привилегий¹. Ельцин, устраивая борьбу с партаппаратом как бы следовал принципу – «я делаю это ради того, чтобы все были равны» – а эта идиологема уже была и в ментальном коде общинно-социалистическом, да и отчасти, несмотря на, казалось бы, атеистический склад, христи-

¹ Ельцин, пробившийся во власть из «ни от куда», наиболее чётко видел и осознал социальную дифференциацию в «коммунистическом» обществе, неравенство среднего класса и партноменклатуры, поскольку смотрел на это с позиции своего жизненного опыта, с позиции «простолюдина» на руководящем посту.

анских ценностях, которые по большому счёту этот общинный социализм и взрастили².

Бунтарство Ельцина, его стремление делать всё наперекор системе, борьба с привилегиями верхушки имели своим истоком стремление к власти, но в силу защитных механизмов психики, переносились на других, «оправдывались» тем, что он борется за народные интересы. Но это не было полным самообманом. За обвинениями Ельцина в популизме может быть и есть какая-то доля правды, но гораздо важнее другое. С точки зрения теории установок в конфигурации его ментальности жил опыт предков (не только христианские ценности, но и общинный дух – вспомним, что дед был крестьянином, родители тоже трудились причем в условиях нарождавшегося духа социалистической системы). Примечательны в плане детских установок Ельцина, воспоминания матери Б.Н., которые привёл А. Хинштейн в своей книге: «Мать Ельцина, Клавдия Васильевна, описывает, как впервые проявился у него протест против социальной несправедливости. В каком-то магазине, куда пришли они с малолетним Борисом Николаевичем, пытливый ребенок обнаружил особый отдел: для избранных. Он даже пролез туда, обалдел от представленного ассортимента – сыр, пшеничный хлеб, американская тушенка – словом все то, чего и на картинках люди тогда не видывали. На расспросы сына мать объяснила: это, Боречка, специальная секция, для начальников, нам отовариваться там не положено. Интересна реакция дошкольника: «Мама, – заявил он в ответ, – несмотря ни на что, я буду начальником» [6, С. 9].

Точно также многочисленные и разнообразные потребности тех, а их было очень много, для кого Ельцин оказался кумиром, требовали наделения его неким ореолом привлекательности, основанным на собственном опыте. После XIX партконференции, на которой был снят занавес с октябрьского пленума и так называемого «дела Ельцина», Б.Н. приобрёл репутацию революционера, жертвы партийной машины репрессий, что создало вокруг его имени общественный резонанс и шумиху и сделало харизматическим лидером. Его неизменно успешные выступления перед людьми, дискуссия и смелый разговор на самые животрепещущие темы, открытость берущая своё начало ещё с «барачно-общинного» детства, сам стиль политического существования Ельцина,

² «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но всё у них было общее» Новый завет Деяния святых апостолов 4:32–5:9. С. 256.

его демократическая необузданность граничащая с популизмом, наиболее полно вписывались в новую обстановку гласности и наиболее продуктивно функционировали в обстоятельствах приобретения новой идентичности. Ельцин сумел рационализировать старые установки, органически вписать их в новую среду нарождающейся демократии, сумел стать наиболее ярким воплощением новых ценностей. Фромм же писал, что если последователи психологически готовы к принятию определенных идей, что вполне вписывается в характеристики перестроечного общества, то они видят в его носителе лидера. [3, с. 64]

Политика гласности и демократизма, насаждаемая сверху, что типично для российской модернизации, породила новые мутации в общественном сознании, о чем свидетельствует периодическая печать того времени – наиболее живой источник эпохи 1985–1991 гг. Именно благодаря ей мы можем судить о динамике происходящих процессов, о формировании новой идентичности в среде советского общества, плавно переходящего в разные национальные выражения [7].

Перестройка помимо гласности и плюрализма, по большому счёту не выдвигала новых ценностей и установок перед обществом, ему всё так же был присущ коллективизм, поскольку новая политика предлагала сплотиться перед решением совместных проблем, руководила страной всё та же сильная рука партии во главе с генсеком. Иными словами, мы имели возможность убедиться, что использованный методологический инструментарий позволяет глубже понять феномен харизмы Ельцина как знаковой фигуры харизмы XX в., показав, как преобразовывались архаические установки, связанные с историческим и личностным опытом (вспомним понятия филогенеза и онтогенеза) в уникальную структуру личности лидера.

Литература

1. Вебер М. Харизматическое господство [Электронный ресурс]: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Veb_HarGosp.php (Дата обращения 05.03.14)
2. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории Томск: Изд-во Том. ун-та. 2010. 410 с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы М.: Академический проект, 2008. 256 с.
4. Батурин Ю.М., Костиков В.В., Пихоя Л.Г. Эпоха Ельцина М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина. 2011. 815 с.
5. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему М.: Огонёк. 1990. 120 с.
6. Хинштейн А. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: Олма Медиа Групп. 2009 с. 579.

7. Попцов Д.А. Образ Б.Н. Ельцина в центральной периодической печати «эпохи перестройки» // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире» (29–30 апреля 2013 г.): Ч. 4 – Уфа: Издательство РИЦ БашГУ, 2013. С. 208–213; Попцов Д.А. Образ Б.Н. Ельцина в томских периодических изданиях «эпохи перестройки» // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы развития науки и образования: теория и практика» (30 сентября 2013 г.): Ч.4–Москва: Издательство АР-Консалт, 2013. С. 118–127; Попцов Д.А. Образ Б.Н. Ельцина в «толстых журналах» и широкоформатных газетах 1987–1991 гг. // III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.): Т. IV: История. Философия. Культурология. Социальные науки / ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». Томск: Издательство ТГПУ, 2013. С. 32–37.

ПАМЯТНИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПО УЛИЦЕ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ Г. ТОМСКА

Ю. А. Рудницкий

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. В. Галкина, к.истор.н., доц.

Старинный Томск, отмечающий ныне свое 410-летие, имеет богатую историю и давние традиции, знаменит в числе крупных сибирских городов как город богатый памятниками каменного и деревянного зодчества.

Памятники деревянного зодчества являются гордостью Томска, составляют его славу вот уже более века. Томичи хорошо знают свой город и им не нужно объяснять, что такое «дом с драконами», «дом с жар-птицами», «дом с шатром». Эти деревянные творения давно стали неофициальными символами Томска [1, с. 5].

Задача данной статьи заключается в том, чтобы рассказать об истории улицы Красноармейской (бывшей Солдатской), а также о домах – памятниках федерального значения, находящихся на этой улице.

Источниками для работы послужили: книга О. В. Богдановой «Сибирский шедевр архитектора Хомича» [1], Г. Н. Стариковой, Л. А. Захаровой, Е. В. Мороз и др. «История названий томских улиц» [2] и «Томские экскурсии» под редакцией Т. В. Галкиной [3].

История названия улицы связана с появлением в Томске в 1867 году солдатской слободки, образованной после выведения военного гарнизона с Воскресенской горы. Так постепенно

в образовавшейся слободке наметились ул. Солдатская, Офицерская и Жандармская.

До революции на Солдатской улице располагались богадельня Королёвых, открытая в 1892 г. в принадлежащей им усадьбе и «Общество содействия физическому развитию», основанное в 1895 г. Дополняли общую картину Солдатской узаконенные дома терпимости и Преображенское кладбище, находившееся в конце улицы [2, с. 107].

Памятники деревянного зодчества, украшенные резным декором возникли в конце XIX в. – начале XX в. [1, с. 5]. В настоящее время на улице располагается 5 домов, носящих статус памятника федерального значения и 4 дома, носящих статус памятника регионального значения.

Одной из первых по времени появления на улице является усадьба купца 2-й гильдии Леонтия Желябо (ул. Красноармейская, 65, 67а). История этой усадьбы начинается с утверждения 7 июня 1896 г. плана в Томской городской управе на постройку Леонтию Дмитриевичу Желябо. Чертежи были проверены исполнявшим должность городского архитектора Федоровским 31 мая 1896 г. и возвращены в управу 6 июня того же года с пометкой, что препятствий к возведению таковой не встречается. В 1907 г. городская управа утвердила план на пристройку двухэтажной деревянной конюшни и деревянного навеса. К тому времени на территории усадьбы находился главный дом и флигель [1, с. 50]. Веранды, украшенные резьбой, необычные навершья окон, декоративные башенки, жар-птицы на фронтонах, ажурная пропильная резьба карниза – все это вместе взятое составляет необычность восприятия этого дома-памятника [3, с. 67]. В советское время дом являлся жилым, но несмотря на это постановлением Совета министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. дому присвоен статус памятника республиканского значения. В настоящее время дом также является жилым.

Следующим по времени строительства является дом купца 2-й гильдии Егора Голованова (ул. Красноармейская, 71). Проект на постройку одноэтажного с мезонином деревянного дома на кирпичном фундаменте был подписан к постройке 2 июня 1903 г. Разрешение на строительство дома дал исполняющий должность городского архитектора К. А. Заранек [1, с. 54]. Архитектором дома является Станислав Хомич. 10 мая 1904 г. дом был построен «согласно плану» [1, с. 54]. Этот памятник деревянного зодчества является ярким представителем «русского» стиля. Здание отличается оригинальной симметрией, характерной для русского зодчества. Главным ак-

центром дома является восьмигранная башня, увенчанная шатром со шпилем. Здание украшено прорезной и накладной резьбой в виде резных кронштейнов, декоративных вставок между ними и солярного знака как символа счастья и благополучия. В 1908 г. дом и вся усадьба принадлежала сыну Егора Голованова Вениамину.

После Октябрьской революции 1917 г. дом был национализирован. Сразу после национализации в доме разместился санаторий для нервно больных детей. В годы Великой Отечественной войны здание было передано областному Дому ребенка, в нем жили дети, привезенные из блокадного Ленинграда. В 1975 г. бывший Головановский особняк сильно обветшал. В нем начались ремонтные работы. После ремонта здание было передано медицинскому училищу, а в 1993 г. – Центру немецкой культуры. В 1993–1995 гг. дом был закрыт на реставрацию, которую проводили специалисты Сибирского института «Спецпроектреставрация» [1, с. 59–60]. В настоящее время перед горожанами и гостями города во всей красе предстает этот шедевр деревянного зодчества.

Самым последним из домов, который в настоящее время имеет статус памятника федерального значения, был построен так называемый «дом с драконами» (ул. Красноармейская, 68). Его спроектировал и построил архитектор В. Оржешко в 1910-х гг. для учителя Бронислава Быстрицкого. По мнению искусствоведов, архитектор использовал тему средневековой церкви из северонорвежского города Бургунди [2, с. 108]. В 1974 г. «дом с драконами» получил статус памятника федерального значения. С 1983 г. и по настоящее время в доме располагается поликлиника профилактических осмотров.

Деревянные терема на Красноармейской являются свидетельством того, что Томск славился талантливыми архитекторами и мастерами – краснодеревщиками [2, с. 108]. Но в настоящее время дома из дерева возводятся все реже и реже. Памятников деревянного зодчества с резным декором остается год от года все меньше. Тем притягательнее они, тем большую ценность для города имеют, тем важнее сберечь сохранившиеся немногочисленные дома – терема. Растет и интерес томичей и гостей города к оставшимся памятникам деревянного зодчества, к истории их возникновения, к судьбам людей их создававших [1, с. 5–6].

На этой улице интерес представляют и дома второго плана, которые не только участвуют в формировании уникальной городской культурно-исторической среды, создавая узнаваемый визуальный облик города, но и одновременно являются местами настоящего

проживания городского населения. Речь идет, например, о жилом доме по ул. Красноармейской, 85а, который в настоящее время принадлежит потомкам выдающегося советского ученого и общественного деятеля Андрея Григорьевича Савиных (1888–1963). Имя лауреата Государственной премии, депутата Верховного Совета СССР 4-х созывов, Заслуженного деятеля науки, Действительного члена Академии медицинских наук А. Г. Савиных увековечено в названиях улицы и госпитальной хирургической клиники, в которой он проработал более 30 лет. В результате научного поиска и интервью с родственниками А. Г. Савиных была выявлена история строительства этого дома, его архитектурный стиль (советский классицизм в деревянной архитектуре), внутренняя планировка дома и даже некоторые семейные увлечения, например, музыкальные вечера. Были найдены уникальные фотографии этого жилого дома за 60 лет его существования [4].

Если же говорить об улице в целом, то необходимо сказать о том, что переименование её из Солдатской в Красноармейскую произошло 14 мая 1920 г. В настоящее время ул. Красноармейская является не только одной из самых протяженных улиц города – более 4 километров (на ней располагается 129 построек различного рода), но и визитной карточкой старинного Томска с уникальными объектами деревянной архитектуры, сохраняя культурно-историческую память прошлого [2, с.108].

Литература

1. Богданова О. В. Сибирский шедевр архитектора Хомича. Томск, 2004. 72 с.
2. Старикова Г. Н., Захарова Л. А., Иванцова Е. В., Нестерова Н. Г., Мороз Е. В., Банкова Т. Б. История названий томских улиц. Томск, 1998. 320 с.
3. Томские экскурсии /Под редакцией Т. В. Галкиной. Томск: ТГПУ, 2005. Вып. 1. 212 с.
4. Галкина Т. В., Рудницкий Ю. А. Историческая реконструкция места и личности как опыт нематериальной музеефикации // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. (13). С. 37–43.

СОСТАВ И БРАЧНО-ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. В. Рыков

Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул, Россия

Научный руководитель: Т.К. Щеглова, д.истор.н., проф.

Семья – один из древнейших социальных институтов, который возник еще во времена первобытно-общинного строя. Общественная ценность и значимость семьи, прежде всего, связаны с ее функциями. Основными функциями семья являются репродуктивная, экономическая, воспитательная, коммуникативная. Также она имеет и ряд других функций.

Особой разновидностью семьи является крестьянская семья. Крестьянская семья в самом общем понимании этого слова это семья, занимающаяся сельским хозяйством на своем участке [1, с. 84]. Главной характеристикой, которая отличает крестьянскую семью, является то, что крестьянская семья помимо потребления занимается еще и производством для своих нужд, в частности сельскохозяйственной продукции.

Крестьянская семья за первые четыре десятилетия XX века пережила серьезные потрясения. Она прошла через войны, революции, коллективизацию, раскулачивание, репрессии. Все это значительно повлияло на развитие крестьянской семьи.

Особенно большие изменения в крестьянской семье произошли в 20–30-е гг. Советская власть уравнивает юридические права мужчин и женщин, как в семейных, так и в имущественных правах. Эта политика с одной стороны способствует процессу дробления больших семей на малые, а с другой стороны изменяет отношение к браку. Либерализация брака дает возможность вступать в брак по любви, но она же позволяет вступать в брак по несколько раз. Изменяется подход к рождаемости в семье. Крестьянские семьи становятся меньше вследствие уменьшения рождаемости. Таким образом, это время постепенного перехода от старой многодетной и многопоколенной крестьянской семьи к современной малой семье [2, с. 218].

В этот период также продолжается процесс раскрестьянивания – отчуждение работающих в сельском хозяйстве от земли и средств производства и превращение их в наемных работников [1, с. 84]. Начавшись еще в дореволюционный период данный процесс, продолжался и в советское время. Прежде всего, раскрестьяниванию способствовала коллективизация и раскулачивание. Большинство крестьян, потеряли свою землю. Многие крестьяне бежали в город, где стали рабочими на предприятиях.

С началом войны происходит изменение численности и состава крестьянской семьи. Это связано, прежде всего, с массовой мобилизацией трудоспособного мужского населения на фронт. Алтайский край от других регионов отличался тем, что в довоенный

период здесь был очень высокий процент сельского населения. В сельской местности Алтайского края по переписи 1939 г. проживало 83% населения. В то время как в других регионах этот процент был на порядок ниже [3, с. 26]. Это позволяет говорить о том, что большинство призывников было из сельской местности и военные мобилизации прежде всего ударили по трудоспособному мужскому населению села.

Всего с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1942 г., т.е. по результатам двух первых волн мобилизаций, военными комиссариатами Алтайского края было призвано и направлено в войска 345561 чел., в том числе призывников 1922–1924 г.р. 66053 чел [4, с. 153]. Всего за годы войны в Алтайском крае было призвано в Красную армию 572574 человека, из них по призыву – 137686 человек. Мобилизовано в действующую армию: солдат и сержантов запаса – 415803 человека, офицеров запаса – 12756. Были также призваны в Польскую армию – 2324 человека, в Чехословацкую армию – 4000. Из них свыше 16000 человек ушли защищать Родину добровольцами [4, с. 156].

Также численность населения в деревне снижали трудовые мобилизации крестьян на работу на предприятия промышленности и стройках. Подростки уходили в города для обучения в ФЗО и училищах. В частности, для работы в промышленности было мобилизовано из числа старших годов рождения и отчисленных нестроевых, возвратившихся из госпиталей – 116934 человека [4, с. 156].

В результате массовые мобилизации в армию, трудовые мобилизации в города трудоспособного мужского населения колхозов деструктивно повлияло на половозрастную структуру населения в деревне и привели к ее деформации. Если на 1 января 1941 года на сто колхозных дворов Алтайского края приходилось 49 мужчин в возрасте 16–60 лет, то уже через год на сто колхозных дворов приходилось 26 мужчин, а к 1 января 1945 года всего 19. Снижение мужчин в колхозных дворах Алтайского края происходит на протяжении всего периода войны. В свою очередь, численность женщин в колхозных дворах остается стабильно высокой. В 1941 году на сто колхозных дворов приходилось 100 женщин в возрасте 16–55 лет, в 1942 году – 105, а в 1945 году – 99 [1, с. 103].

Всего в Алтайском крае в сельской местности на начало 1945 г. на 100 женщин приходилось всего 27 мужчин [5, с. 20].

В результате, претерпели изменение нормы брачного выбора. К мужчинам стали предъявляться меньшие требования на «брачном рынке» в плане их происхождения, здоровья, равного с не-

стой материального положения, возраста или этнической принадлежности. В поле брачного выбора женщин чаще стали включаться мужчины, традиционно считавшиеся женихами «второго сорта»: вдовцы, разведенные, калеки, представители других этносов. Увеличилась доля вторых, третьих и даже четвертых браков. Часто любовь как критерий выбора партнера оттеснялась на задний план необходимостью иметь в доме «хозяина» или хозяйку [6, с. 106].

Также многие женщины оказались лишены возможности выйти замуж, создать семью и завести детей. Это отрицательно повлияло на уровень морали в брачно-семейных отношениях. Частыми стали безбрачные связи и роды вне брака. Снижение количества трудоспособного мужского населения привело к снижению уровня брачности. В первые дни войны индекс брачности стал резко увеличиваться. В частности в городах Алтайского края более чем в 2 раза. Мужчины, перед уходом в армию, спешили зарегистрировать фактически сложившиеся брачные союзы [7, с. 150]. Но затем уровень брачности стал неуклонно снижаться. Если в 1941 г. в Западной Сибири было зарегистрировано 40,7 тыс. браков, то в 1942 г. всего лишь 18,1 тыс. человек. С 1943 г. число зарегистрированных браков стало возрастать и к 1945 г. оно даже превысило показатели 1941 г и составило 53 тыс. браков [5, с. 22].

Меняется и возрастной состав вступающих в брак. В частности в алтайской деревне состав женихов ощутило помолодел: если до войны более половины женихов (53,1%) было в возрасте от 21 до 28 лет, то в 1942 году – примерно такую же часть составляли более молодые люди от 18 до 22 лет [2, с. 246]. Это было, прежде всего, связано с тем, что молодые люди, до своего призыва на фронт старались сразу вступить в брак и завести семью. Изменилась и женская брачность. Теперь она переместилась в младшие возрастные группы от 19 до 24 лет. Недостаток мужчин приводил к тому, что теперь женщины после 25 лет практически не имели шансов выйти замуж. Женщины стали значительно чаще выходить замуж за ровесников и мужчин значительно старше себя [7, с. 151].

Снижение брачности и изменение семейной структуры населения являлись одними из важнейших факторов, которые привели к снижению рождаемости. Кривая брачности полностью повторяет кривую рождаемости. В 1941 году в Западной Сибири на свет появилось 277 тыс. младенцев, в 1942 году – 204 тыс., в 1943 г. – всего 106 тыс., в 1944 г. – 111 тыс., в 1945 г. – 132 тыс. И если в 1941 г. на 1000 человек родилось 32 младенца. То в 1944 г. – 12 младенцев [4, с. 149–150].

Война значительно повлияла и на изменение соотношения уровней рождаемости в городе и деревне. Если в довоенный период рождаемость была традиционно выше на селе, то во время войны она была выше в городах. В 1941–1945 гг. уровень плодovitости в селах в Сибири сократился на 60,6% [8, с. 88]. Особенно рождаемость упала в регионах преимущественно с сельским населением. В частности в Алтайском крае в 1945 г. плодovitость по отношению к 1941 г. составила 37,2% [8, с. 89].

В результате массовые трудовые и военные мобилизации на фронт, а также снижение рождаемости явились одними из главнейших факторов, приведших к уменьшению размеров колхозной семьи и колхозных дворов. Эту тенденцию мы можем проследить по данным Ю.В. Арутюняна. В Алтайском крае в годы войны средний размер колхозного двора снизился с 4 чел. – в 1941 г., до 3,5 чел. – в 1945 г. Также происходит снижение наличных дворов в колхозов. Если в 1940 г. в Алтайском крае насчитывается 286,7 тыс. колхозных дворов, то к 1945 г. остается 260,8 тыс. колхозных дворов [9, с. 393–396].

Литература

1. Ильиных В.А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е – конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / Под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с.
2. Население России в XX веке : Ист. очерки : [В 3 т.] : Т. 2: 1940–1959 / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М., 2001. 416 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Сост. Ю. А. Поляков и др. – М. : Наука, 1992. 254 с.
4. Ростов, Н. Д. Деятельность военных комиссариатов Алтайского края по мобилизации людских ресурсов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Алтайский архивист. – Барнаул, 2006. № 2 (12). С. 140–157.
5. Исупов В.А. Соотношение полов в населении Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири: Сер.: Отечеств. история. Новосибирск, 2002. № 2. С. 18–23.
6. Болотова Е.А. Брак у русских Солтонского района Алтайского края в военные и послевоенные годы (гендерный анализ проблемы) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. С. 106–110.
7. Исупов В. А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.) : монография. – Новосибирск, 2010. 211 с.
8. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. 232 с.
9. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. 466 с.

РОЛЬ УРТАМСКОГО ОСТРОГА В ОСВОЕНИИ ТОМСКОЙ ЗЕМЛИ

И. А. Соболев

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, док. филос. наук,
канд. ист. наук, профессор

Освоение Сибири проходило медленно, и постепенно появилась необходимость в опорных пунктах, благодаря которым значительно ускорялось освоение Сибири и развитие уже освоенных земель.

Одним из таких опорных пунктов стал Уртамский острог. Уртамский острог располагался на территории современного села Уртам, что в Кожевниковском районе Томской области. К сожалению, в настоящее время Уртамский острог полностью разрушен. В целом местоположение острога было выбрано, хорошее на высоком, левом берегу реки Обь, в месте, где в неё впадает река Уртамка.

Существует множество определения термина «острог», однако большинство историков сходятся во мнении что острог – это тип оборонительного укрепления русских в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII веков. Но по вопросу о том, что следует считать острогом, в современной исследовательской литературе ведётся дискуссия.

Большинство острогов представляли собой однотипные постройки, обнесенные острожной стеной с угловыми и воротными башнями. В каждом остроге находились складские помещения под зерно, ясак и порох. Также в острогах располагалась тюрьма, позднее и сам острог стал ассоциироваться как тюрьма. Как правило, дома располагались за стенами острога и не служили для его обороны.

Новые русские поселенцы нуждались в защите от враждебно настроенных соседей. Для этой цели и строились остроги. Так в 1684 году Юрий Соболевский начал строительство Уртамского острога. Главной задачей этого острога была защита ближайших поселений, заимок. Под защиту Уртамского острога попадали земли от реки Таган до северных болот и около 20 км. вверх и вниз по течению реки Обь. Также служилые люди должны были собирать ясачную дань с местного населения и следить за людьми, которые приходили с правой «калмацкой» стороны реки Обь. Должны были спрашивать, зачем они направляются в Томск. Такие меры вызвали постоянные набеги кочевников [1]. «Уртамский острог с трех

сторон обнесен тыном, имел две башни с проезжими воротами и вооружен тремя пушками и защитной пищалью».[2]

С основанием Уртамского острога, очень активно начало развиваться земледелие, строились новые заимки и распахивались поля, выделялись луга под сенокос и выпас скота. Интересен тот факт, что со времени Юрия Соболевского выделенные им земли под сенокос и выпас скота не изменились [3, с. 123]. В целом климатические условия благоприятно способствовали развитию земледелия. Земли севернее Томска менее пригодны для земледелия. Но даже к югу от Томска нередки случаи поздних заморозков и гибели урожая. Развитию же скотоводства мешали как естественные условия (ограничение заготовки корма для скота на зиму) так и многочисленные набеги кочевников, которые угоняли скот. Но, несмотря на все это южный район развивался, и вскоре отпала необходимость привозить хлеб для Томска из Тобольска [1, с. 107].

Основными жителями новых освоенных земель были служилые люди и вольные переселенцы, но были и ссыльные. Так, Юрию Соболевскому были даны в подчинение 80 ссыльных людей для строительства острога [1]. Но таких людей было очень мало по сравнению с вольными переселенцами. На долю эти людей выпадали различные повинности [2, с. 63].

Со временем под защитой Уртамского острога выросли новые поселения. Заимка казаков Кожевниковых выросла в деревню (в настоящем районный центр), появилась Уртамская слобода.

Литература

1. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Томск, 1981. 358 с.
2. Окладников А.П., Шунков В.И. История Сибири с древнейших времён до наших дней. В 5 томах. Том 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: «Наука», 1968. 562 с.
3. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск: Издательство ТГУ, 1980. 350 с.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ НА ЛИТЕРАТУРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II

Е. О. Стецова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: С. Л. Кинёв, к истор.н., доц.

Екатерина II (урождённая София – Фредерика – Августа) – одна из центральных фигур российской истории. Её царствование показало, на что способна эта женщина, её же реформы способствовали развитию страны в политическом и культурном аспекте. Екатерина смогла укрепить Российскую империю, смогла провести достаточно грамотную политику, а также за время своей жизни написала огромное количество документов, проектов и литературных произведений. Будучи немкой, она всем сердцем любила ту страну, в которую её «привёл Господь». Также она говорила «Слава страны – создаёт мою славу». И она к ней действительно стремилась. Поэтому-то её и прозвали Екатериной Великой.

Эта тема мне кажется достаточно актуальной, так как не каждый государственный деятель или монарх могли писать и общественные документы, и произведения для потомков, современников и друзей, а также переводить труды других авторов. Правление Екатерины Алексеевны привело Россию к «просвещённому абсолютизму». Она смогла приблизить русскую культуру к культуре западной.

До некоторого времени существовали и проблемы изучения жизни этой великой императрицы. Многие десятилетия ею не интересовались историки. 83 года, с 1907 по 1990 не переиздавалось ни одно её произведение. Она была женщиной века, хотя многие её считали тиранкой в связи с ужасами крепостного права, восстанием Е. Пугачёва и непонятным, тогда ещё, в XX веке, термином «просвещённый абсолютизм».

Задачи данной работы:

- 1) рассмотреть причины, по которым Екатерина начала увлекаться французскими просветительскими трудами;
- 2) показать, как повлияли эти труды на литературную деятельность императрицы.

А всё началось с того, что княгиня Екатерина, выйдя замуж за Петра – будущего российского императора, страдала скукой. Муж не обращал на неё никакого внимания, не было у неё и своего дела, кроме различных «выездов в свет»: балов, спектаклей и т. д. И Екатерина находит для себя увлекательное занятие – чтение. Вот как пишет Бильбасов В.А.: «В инструкции для великого князя чтение «романов» прямо воспрещалось, а «чтение книг» рекомендовалось как забава от обеда до ужина» [1]. Поначалу она читала романы «про пастушков и пастушек», как пишет Анисимов Е.В. [2]. Многие знакомые, такие, как Лесток – придворный врач, Мардефельд – прусский посланник, Гюлленборг – шведский граф,

советовали княгине совершенствовать свой ум, больше читать и получать удовольствие от такого занятия. И она действительно занималась самообразованием, отрываясь от чтения лишь на обед, да и то с большой неохотой. Вскоре романы ей наскучили, и она перешла к «Письмам мадам Севинье», которые имели огромную популярность. В них Екатерина находила настроения, созвучные с её душой, остроумность мысли, а также эмоциональность и яркость признаний. Далее молодая женщина перешла к книгам более серьёзным: от Тацита до «Всеобщей истории Германии» Барра, где она почерпнула знания об истории политики и жизни. История Барра состояла из десяти томов. И каждый том Екатерина старалась прочесть за месяц. Такую же усидчивость Екатерина продемонстрировала и тогда, когда изучала целых четыре года «Энциклопедию» П. Бэля – свод разнообразных сведений по истории, философии, религии, филологии, данных в оригинальной, критической трактовке. На долгие годы её кумиром стал Генрих IV – французский король, который был как образцом в политике, так и образцом государя. Читала она и труд под названием «Дух законов» Монтескье. Вот как говорит об этом обстоятельстве в своей монографии Валишевский К.Ф.: «Она объявляет впоследствии, что «Дух законов» должно быть «настойной книгой всякого государя, одаренного здравым смыслом». Впрочем, это вовсе не значит, что она ее понимает. В общем, Монтескье был в течение доброй половины восемнадцатого столетия писателем, которого более всего читали и менее всего понимали. У него все черпали мысли и теории, между прочими и Екатерина». [3, с. 108]. Сама императрица, стремясь воплотить идеи автора «Духа законов» и почерпнув в них многие идеи, создала некую небольшую копию этого труда – свой «Наказ». Но, будучи умной женщиной, она смогла отказаться от такой либеральной направленности.

В 1746 г. Екатерина стала читать сочинения Вольтера. Длительную же переписку с французским господином Екатерина начала с самого начала своего царствования, а закончилась эта переписка только со смертью Вольтера, в 1778 году. «Вольтер – мой учитель; он, или, лучше сказать, его произведения развили мой ум и мою голову; я – его ученица», – так она говорила, впоследствии, про себя. В нём она нашла действительно учителя, который ничего ей не внушал. Императрица восхищалась его философскими эмпирическими произведениями. В свою очередь, Вольтер также уважительно относился и к императрице. В одном из писем 1766 года он обращается к Екатерине: «Всемиловитейшая государыня!

Вы поистине самая блистательная Северная звезда, и толико благотворной у нас еще никогда не бывало».

Валишевский К.Ф. даёт такую характеристику Вольтеру: «Его свободомыслие, чисто интеллектуальное, вполне допускало выводы, склонные оправдывать всевозможные отклонения от принятых норм, не исключая и свободы современных нравов. Популярность Вольтера объясняется и этой стороной его мировоззрения...» [3, с. 111–112].

Такие же хорошие отношения, как и с господином Вольтером, императрица имела и с Дидро и Даламбером – создателями «Энциклопедии». Последнему она предлагала стать воспитателем своего старшего сына – Павла, но он отказался. Узнав же печальную новость о том, что Дидро беден, Екатерина Алексеевна купила его собственную библиотеку за 15 тысяч ливров (по тем временам очень крупная сумма). Он же был хранителем бывшей своей библиотеки, за что получал жалованье. Когда же Дидро приехал в Петербург, императрица приглашала каждый день его в гости во дворец и всегда мило беседовала с ним. Но, несмотря на такое хорошее отношение к Дидро, как-то раз она сказала графу Сегюру о нём: «Я много и часто беседовала с ним, но больше с любопытством, чем с пользою. Если бы я его словам поверила, то пришлось бы все поставить вверх ногами в моем царстве».

Возможен и такой фактор, что Екатерина II, наладив отношения с французскими просветителями, хотела всё же оставить после себя хоть что-то. И этим «что-то» оказались и «Мемуары», и аллегорические сказки, и многочисленные «Записки», и драматические произведения, и мн. др. Тем самым, общаясь с философами-писателями, она набиралась литературного опыта. Литература для Екатерины была неким основанием, которое позволяло действовать на политику со стороны культурной. Таким образом, «просвещённая монархия» пыталась укрепить своё политическое влияние.

Начала же свою литературную деятельность императрица с перевода романа «Велизарий» Мармонтеля, который она посвятила епископу Тверскому Гавриилу. Произведение было осуждено во Франции за проповедь веротерпимости. Буквально через год после этого события Екатерина II организует конкурс Вольного экономического общества (ВЭО), где выявляли лучшее сочинение. Конкурс не имел никаких реальных, но укрепил либеральную политику самой императрицы. Под разными предлогами она приглашает просветителей в Россию, а также параллельно ведёт переписку со знаменитым Вольтером. Также сюда стоит отнести

и тот факт, что в 1767 году Екатерина Алексеевна созывает Комиссию по составлению Нового уложения, а также и «Наказ», составленный ею самой и, как уже было сказано выше, основанный на идеях Монтескье.

Все эти мероприятия Екатерина проводила для того, что зарекомендовать себя как «просвещённую монархиню» и тем самым обратить на себя внимание Западной Европы.

В 1769 году, в Петербурге начал издаваться еженедельный журнал «Всякая всячина». Скорей всего, он возник в качестве «продолжателя» сторон, которые создавали Новое уложение. Время работы Комиссии показали Екатерине, что у её подданных появились мысли, которые угрожали её политике. И с помощью этого еженедельникам Екатерина решила воздействовать на их мнение. И теперь понятно, что журнал защищает существующую власть, т.е., в первую очередь, саму Екатерину. Это сатирический журнал, но сатира понимается императрицей совсем в другом смысле. «Следует отметить, что «Всякая всячина» очень много материала черпала из иностранной морально-сатирической журналистики, в частности из знаменитого «Зрителя» Аддисона и Стиля, послужившего образцом для множества журналов Западной Европы [4, с. 370]. Таким образом, «Всякая всячина» – это ранний классицизм.

Вскоре вступил в журнальную полемику с Екатериной П Н. Н. Новиков, издатель двух журналов – «Трутень» и «Живописец». Спустя некоторое время журнал «Всякая всячина» перестал существовать.

После этого случая императрица не бросила писать, хотя в публицистике она не появлялась довольно продолжительное время. Теперь её занимали мемуары, драматургия.

За время с 1770 по 1790 годы Екатерина Алексеевна – автор 6-ти редакций записок, нескольких педагогических трудов, а также автор более 20-ти драматических произведений. Вот как говорит в своей статье Фатеева А. о творчестве императрицы: «Основной массив пятидесятилетнего творчества Софьи Августы разделяется на три периода, которым соответствуют четыре ступени осознания мира. Разница в количестве проистекает от того, что «проба пера» в силу своей эпизодичности не может быть признана периодом творчества, но, вне всякого сомнения, стала первым уровнем развития ее мирозерцания, в тот момент обращенного к собственному внутреннему миру» [5, с. 126].

Да, она действительно старалась изначально следовать за французскими просветителями, но всегда, при любом раскладе пом-

нила, что она – русская императрица, которая обязана служить именно России и для России. Литературная деятельность этой «северной Семирамиды» интересная, захватывающая, требующая особого внимания. Но не нужно забывать и о том, что Екатерина описывала действительность так, как она видела это своими глазами. Знала, императрица, без сомнения, лучше всех немецкий язык, но писала на языке своих подданных, то есть на русском. Но изъясняться по-русски так и не научилась (она писала «исчо» вместо «еще», «заут» вместо «зовут» и т. д). Не ладилось у неё и склонениями и родами существительных. Вот как говорит Гукровский Г.А.: «Её русский язык являет собой странную смесь, с одной стороны, затрудненных и неправильных конструкций и форм, с другой – живых, не лишенных сочности и разговорной характерности красок» [4, с. 364].

Писала Екатерина Великая и на французском языке: труд «Антидот» (Противоядие) – развёрнутое разоблачение книги аббата ШаппаД'Отрош «Путешествие в Сибирь» (1768), который «напал» на Россию и «Тайна противунелепого общества» – брошюрка против масонских организаций, а также осмеяние их традиций, обрядов и т. д. Но эти сочинения, собственно, не относятся к истории России.

В заключении хотелось бы сказать, что Екатерина очень любила писать. «Я не могу видеть чистаго пера», писала она Гримму, – «без того, чтобы не пришла мне охота обмакнуть онаго в чернила; буде же еще к тому лежит на столе бумага, то, конечно, рука моя очутится с пером на этой бумаге». И заканчивается её писательская деятельность в 1789 году, когда случилось Великая Французская революция. Тогда императрица отказывается от всяческих идей французских просветителей, ведь ходили слухи о том, что эта революция «затронула» умы и троны.

Но значение царствования Екатерины велико. Она являлась продолжательницей политики Петра I, который «прорубил окно в Европу». Великая Екатерина сумела зарекомендовать себя как «просвещённая монархиня», о которой говорили за границей.

Литература

1. Бильбасов В.А. История Екатерины II / Т. I, – Бильбасов В.А. – Т. I, – [Электронный ресурс]: <http://www.runivers.ru/lib/book4351/>, дата обращения: 20.04. 2014.
2. Анисимов Е.В. Владычица Севера Екатерина II/ Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле, – [Электронный ресурс]: <http://read24.ru/fb2/evgeniy-anisimov-jenschinyi-na-rossiyskom-prestole/>, дата обращения: 20. 04. 2014.

3. Валишевский К.Ф. Екатерина Великая: исторический очерк / Т. I. – Валишевский К.Ф. – Т. I. – СПб. : Лениздат, «Ленинград», 2005. 352 с.
4. Гуковский Г.А. История русской литературы в 10 т. / Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий. Литература XVIII века. Ч. 2. – 1947. – Т. IV. 572 с.
5. Фатеева А. Екатерина II как писатель // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 121–132.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ТОМСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. А. Сячина

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, док. филос. наук,
канд. ист. наук, профессор

Открытие Томского университета имело историческое значение не только для Сибири, но и для всей России в целом. Томский университет явился первым университетом на территории Сибири и оставался таковым долгое время. Царское самодержавие считало, что в университетах России должны обучаться в большинстве своем выпускники классических гимназий, тогда как выпускники духовных учебных заведений такого права были лишены. И лишь Томский университет являлся едва ли не единственным вузом в России, куда имели право поступать студенты, принадлежащие духовному сословию [1]. Отличительной чертой сибирского университета явилось то, что до 1906 года в университет не принимали женщин. Кроме того, была установка ограничить до минимума прием коренных народностей Сибири.

В год открытия Сибирского университета было принято только 72 человека; из них 30 человек – бывших гимназистов, 40 человек – семинаристов, 2 человека были переведены из университетов европейской части России. В 1889 году было принято уже 123 человека. В последующие годы до открытия юридического факультета новый прием студентов колебался от 65 до 100–123 человек [2]. Таким образом, за первые годы деятельности Томского университета численность семинаристов была значительно больше. Если первоначально было много поступающих из Европейской России, то в последующие годы возрастает количество студентов-сибиряков. А с открытием в 1898 году юридического факультета, большую часть студентов составляли именно сибиряки.

Другим высшим учебным заведением Томска был Томский технологический институт, который явился и первым высшим

техническим заведением в России, куда согласно «Высочайшему повелению от 28 июля 1900 г. воспитанники семинарий получили право поступать независимо от разряда, по которому они окончили курс, при условии успешной сдачи вступительных экзаменов по русскому языку, математике и физике» [3].

Вплоть до 1906 года в Российских университетах не могли обучаться выпускники реальных и коммерческих училищ. Благодаря разрешению министра народного просвещения от 18 марта 1906 г. у университетов появилась эта возможность. Это разрешение сказалось на увеличении числа выходцев из крестьян и казаков в Томском университете [1].

Царское правительство было заинтересовано в постоянном пополнении числа студентов, чьи родители принадлежали к дворянскому и чиновничьему сословиям. Выпускников гимназий, где в основном учились эти студенты, принимали в университет без экзаменов. В Томский технологический институт право льготного поступления имели уроженцы Сибири и молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений Сибирского края [4]. Тем не менее, в составе студентов сибирского университета всегда наблюдался значительный процент разночинцев. Студентов из дворян и детей крупных капиталистов было незначительное количество. Это в основном определяло характер учебной деятельности студенчества за первое десятилетие: подавляющее большинство студентов училось с большой любовью, напористо, энергично. Конечно, это зависело и от качества учебного процесса. Молодой профессорско-преподавательский персонал читал лекции и организовывал практические занятия и упражнения на довольно высоком методическом уровне. Это захватывало учащихся и прививало им любовь к науке и научным знаниям [2].

Учили студентов хорошо. Их обучали пользоваться физическими приборами; им показывали химические опыты, демонстрировали и объясняли микроскопические препараты. Задавались на дом большие задания, и усвоение материала спрашивалось нелицеприятно и даже жестко [5]. Университет располагал солидной научно-учебной базой к началу своей деятельности, в том числе крупным книгохранилищем, была открыта научная библиотека, в фондах которой в 1888 году насчитывалось уже 96 тысяч томов. Это могло полностью удовлетворить не только запросы студентов, но и всего состава профессоров и преподавателей.

Библиотечный фонд пополнялся за счет подаренных и приобретенных университетом книг. В ней имелась и разнообразная

литература по медицине. В.М. Флоринский передал 300 томов книг по истории русской медицины. Профессор ВМА В.А. Манассеин подарил журналы по медицине, диссертации и книги, а в 1889 году он передал 9000 томов. Университетской библиотеке были подарены библиотеки И.Т. Глебова, бывшего вице-президента Медико-хирургической академии, заслуженного профессора Н.Ф. Зжекауэра, профессоров П.А. и Н.П. Загорских, профессора Харьковского университета Латкевича, доктора Пфейфера и др. В фонды библиотеки регулярно поступали отечественные и зарубежные медицинские журналы.

К началу XX века стало понятно, что имеющихся помещений не хватает. В декабре 1900 года специальная комиссия пришла к решению о необходимости строительства специального здания для библиотеки. Строительство здания началось только в 1912 году и через два года закончилось. Библиотека стала главным украшением университетской усадьбы и всего города, а актовый зал стал излюбленным местом для торжеств, научных и деловых заседаний университетской и томской общественности [6].

Особая роль в создании и дальнейшей деятельности Томского университета принадлежала попечителю Западно-сибирского округа Василию Марковичу Флоринскому. Первых студентов университета Василий Маркович воспринимал как собственных детей, старался заботиться о них. При его поддержке на усадьбе университета был выстроен трехэтажный каменный Дом общежития. Он лично следил, чтобы питомцы университета получали в общежитии хороший обед, ели за красиво сервированным столом. Вместе с тем надзор за студентами был особенно строг в общежитии и некоторые предпочитали жить на неблагоустроенных квартирах. Однако по существующему порядку студенты, получающие казенную стипендию, были обязаны селиться в общежитии [7].

Бытовые условия первых студентов в общежитии характеризуются следующим образом: «Дом общежития к началу учебного года успели меблировать едва на треть, и только в течение года постепенно, по мере покупки кроватей, белья и прочего, студенты занимали все новые и новые номера, ... с соответственной оплатой в полтора рубля, либо в два пятьдесят за кровать в месяц и еще с рублем в месяц за свечу, ... жили еще и у родственников, снимали углы и комнатухи у частных владельцев. Кормили ... с трехразовым горячим питанием ...» [5].

В материалах газеты «Сибирский вестник» № 95 и № 102 за 1889 год отмечается реакция на условия повседневной жизни

студентов Томского университета, значительная часть, которых жила в незавидных материальных условиях. Уже на второй год существования университета газета забила тревогу. В частности, газета писала: «Уже на первых порах университетской жизни, в первый год его существования, достаточно ясно обрисовывалась та упускаемая нами из виду истина, что для того, чтобы успешно учиться, надо, прежде всего, быть сытым, одетым и обутым» [8]. Отмечалось, что студенты даже не имеют возможности улучшить свое материальное положение подработками. Газета призвала организовать «общество попечения о студентах Томского университета» с целью оказания им конкретной материальной помощи для жизни. Сибиряки ответили на этот призыв. Они любили свой университет и шли навстречу его нуждам.

Кроме стипендий, выдаваемых их частных пожертвований, было еще 20 казенных и 10 стипендий главного переселенческого управления, впоследствии образовано было 68 стипендий в размере от 100 до 420 рублей в год. Однако все эти мероприятия удовлетворяли только весьма небольшую часть нуждающихся студентов, поэтому благотворительным обществам и землячествам было немало забот по устройству концертов, спектаклей, сборов и т. п. мероприятий оказания помощи нуждающимся.

Несмотря на все материальные трудности, все же студенчество сибирского университета проявило большое упорство в учении, желание в совершенстве овладеть научными знаниями. В то же время оно не чуждо было любви к родине, к «родной Сибири», проникнуто общественными идеалами и устремлениями.

Литература

1. Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. 1969. №2. Выпуск 1.
2. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В.Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 350 с.
3. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1904.
4. Положение о Томском технологическом институте Императора Николая II. Томск, 1900.
5. Тучин Б.И. Хроника Томского университета. Западно-Сибирское изд-во. Новосибирск, 1980. 263с.
6. Томск. История города от основания до наших дней: 400-летию Томска посвящается / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 462 с.
7. Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1994, 174 с.
8. Сибирский вестник. 1889. 6 сентября.

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В 1933–1945 ГГ.

Р. Ю. Терекоев

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, д. филос. н., проф.

Уже 7 лет, как каноническое пространство Русской Православной Церкви едино: нет разделения на зарубежную часть и церковь в России. Однако до сих пор для большинства россиян история зарубежной церкви остается неизвестной. Особенно это касается периода Второй мировой войны. Мы по-прежнему мало знаем о положении Православной Церкви и русской церковной эмиграции по другую сторону фронта. Не так много литературы посвящено этой теме. Степень изученности проблемы по-прежнему невелика и есть целый ряд вопросов, которые до сих пор мало изучены или даже не затронуты. В частности, к числу слабо изученных принадлежит и вопрос о положении русских православных приходов в Германии в период нахождения нацистов у власти.

К началу Второй Мировой войны Русская Православная Церковь вне пределов СССР не была едина. В 1931 году произошел раскол в Синоде РПЦЗ. Митрополит Евлогий (Георгиевский) и Западноевропейский Экзархат перешли под юрисдикцию Константинопольского патриархата. Так среди русской церковной эмиграции появились так называемые «евлогиане». Также границей были и приходы Московского Патриархата под омофором митрополит Сергия (Страгородского). Но, несмотря на это, Русская Православная Церковь Зарубежом оставалась самой крупной русской церковной юрисдикцией вне пределов Советского Союза. Хотя не в каждой стране количество приходов зарубежной церкви превышало количество приходов «евлогиан». Например, в Германии к 1935 году было 4 прихода РПЦЗ, один приход Московской Патриархии и 9 приходов Западноевропейского Экзархата митрополита Евлогия. Центрами русской церковной эмиграции в этот период времени были Франция, а позднее и Германия. В Париже была кафедра Митрополита Евлогия (Георгиевского), а в Берлин к 1944 году перебирается Архиерейский Синод РПЦЗ.

В 1933 году после изменения политического режима в Германии и создания национал-социалистического правительства новыми немецкими властями была утверждена епархия РПЦЗ с присвоением ей статуса корпорации публичного права, то есть

полноправного юридического лица, имеющего свою собственность, кассу и доверенное лицо. До 1933 года приходы Архиепископского Синода Зарубежной Церкви не имели ничего подобного. Также РПЦЗ получила под свой контроль всю церковную собственность на территории Германии. Такое неожиданное решение было вызвано планами нового руководства Германии унифицировать русские православные приходы на территории страны. Центром притяжения была избрана Германская епархия РПЦЗ, так как нацисты считали эту юрисдикцию более «консервативной в церковном и политическом плане, бескомпромиссной по отношению к коммунизму и, кроме того, самой многочисленной по числу прихожан за пределами СССР» [1, с. 66]. Евлогиганам немцы не доверяли, ибо считали, что они находились под французским и масонским влиянием. Как, впрочем, и не доверяли единственному приходу Московского Патриархата, священноначалие которого находилось под контролем Советского Союза. Немецким руководством даже была оказана шедшая помощь для ремонта девятнадцати православных храмов, находящихся в юрисдикции РПЦЗ в 1938 году.

Цель политики унификации была сформулирована в одном из писем немецкого руководства так: «Присвоение прав публичной корпорации открывает государству возможность воздействия на русские церковные отношения и тем самым – на культурную жизнь русской эмиграции. Присвоение будет с благодарностью воспринято эмигрантами внутри страны и за границей как акт особого дружеского расположения и, возможно, в отдаленном будущем окажет благоприятной воздействие в области внешнеполитических устремлений Германского Рейха. Благодаря присвоению ослабнет церковная связь с численно очень сильной русской эмиграцией во Франции ...» [1, с. 66].

Таким образом, немецкое руководство не ставило своей целью помочь русским эмигрантам в преодолении раскола, а лишь преследовало свои корыстные цели, желая поставить Русскую Православную Церковь в Германии под свой контроль.

План унификации был разработан чиновниками разных ведомств Третьего Рейха, но представители РПЦЗ в этой плане никакой самостоятельной роли не играли. Главным объектом унификации были приходы митрополита Евлогия, так как немцев не устраивала их организационная связь с церковным центром во Франции. Созданию отдельной епархии «евлогиган» немецкие власти препятствовали.

Подтверждением того, что немецкие власти желали установить контроль над РПЦЗ, служит устав Германской епархии, который был отредактирован чиновниками Третьего Рейха и позднее утвержден Архиерейским Синодом Зарубежной Церкви. Этот устав ставил под контроль властей многие важнейшие вопросы внутренней жизни епархии, в том числе и её отношения с Синодом. В частности в уставе было прописано, что при назначении её главы «он назначается русским православным Архиерейским Синодом Заграницей по согласию Рейхссправительства» [2]. Священники – «иностранный» назначались только по согласию немецких чиновников. Согласно уставу, принятие новых приходов тоже происходило при согласии властей. Также нацисты стремились поставить под контроль и финансы епархии.

Однако все усилия по унификации православных приходов оказались тщетны, так как приходы евлогиян всеми силами противились присоединению к Зарубежной Церкви. Поэтому в связи с очевидностью этого факта на одном из заседаний министерства религии было принято решение принудительно осуществить унификацию. Также заявлялось, что правительству Германского Рейха должно быть предоставлено право решать единолично и окончательно, кто в пределах границ его Рейха и на его собственной земле будет учреждать церковную юрисдикцию.

В это время шли активно переговоры между Архиерейским Синодом и митрополитом Евлогием о присоединении к РПЦЗ. От этих переговоров и зависело решение вопроса о воссоединении евлогиян с зарубежной церковью. Для ускорения этого процесса даже был избран новый глава Германской епархии, вместо отправленного на покой Владыки Тихона, который был очень непопулярен среди евлогиян. Новым архипастырем Зарубежной Церкви в Германии был избран епископ Серафим (Ляде). Нужно сказать, что фигура Владыки Серафима была просто идеальна для места главы епархии в это нелегкое время. Благодаря сдержанности и дипломатическому таланту ему удалось объединить вокруг себя все русские православные приходы в Германии. В ноябре 1939 года было подписано соглашение между архиепископом Серафимом (Ляде) и евлогиянским епископом Сергием (Королевым), по которому приходы евлогиян сохраняли свою юрисдикционную принадлежность, но при этом Владыка Серафим наделялся широким правом надзора за деятельностью этих общин. Таким образом, Германская епархия РПЦЗ во главе с её архипастырем стала единоличным представителем русских православных приходов перед властями.

В 1938–39 гг. территория Третьего Рейха расширяется. Присоединяются новые земли, а вместе с ними и новые приходы к Германской епархии. В 1938–39 гг. наступает новый этап в политике Третьего Рейха по отношению к русским православным приходам. 25 февраля 1938 года А. Гитлер подписал «закон о землевладении РПЦ в Германии», согласно которому государственные инстанции получали право распоряжаться собственностью Русской Церкви в Третьем Рейхе и на присоединенных территориях [3].

Изменения также коснулись и политики унификации. Ведомства стали стремиться раздробить единство православных приходов, которое было достигнуто в годы войны. Поэтому активно велось противодействие каким либо объединительным тенденциям. Сверху поступил запрет на расширение Германской епархии на восток. Священникам был ограничен доступ на оккупированные территории. Немецкое руководство противодействовало стремлению Церкви оказать помощь беженцам и рабочим, не допускало отправки гуманитарных грузов заключенным концлагерей. Контроль над приходами стал усиливаться, любые подозрительные субъекты арестовывались, на службах нередко были представители гестапо. Под запретом оказались все русские благотворительные организации, стремившиеся оказать любую помощь беженцам и военнопленным.

Возникает вполне логичный вопрос: с чем же были связаны указанные изменения в церковной политике Германии? Почему немецкое руководство, которое все эти годы поддерживало церковь, теперь чинит ей препятствия? Причина кроется в самой Зарубежной Церкви. За все эти годы она так и не поддалась на искушения властей и не стала послушным орудием в её руках. А русская церковная эмиграция ни в коей мере не разделяла стремлений Третьего Рейха. Это проявляется в частности в том, что нередко священники и простые прихожане участвовали или поддерживали освободительные движения на оккупированных территориях. Именно поэтому при некоторой внешней лояльности церковь пыталась оказывать посильную помощь жертвам политического режима. Все это и не устраивало немецких властей, которые пытались ограничительными мерами поставить церковь «на место».

Однако, несмотря на все ограничения, к концу 1941 года Германская епархия РПЦЗ состояла уже из 77 приходов и даже одного монастыря. Важным этапом в истории РПЦЗ в Германии стало прошедшее в январе 1942 года епархиальное собрание

в Берлине. В нем приняли участие представители 37 приходов Зарубежной Церкви и 13 евогианских. На собрании была высказана озабоченность в связи с препятствиями, чинимыми духовенству по работе в концентрационных лагерях. Для ведения проповеди на оккупированных территориях было принято решение создать миссионерский отдел. Также собрание приняло решение ходатайствовать перед Архиерейским Синодом РПЦЗ о создании Средне-Европейского митрополичьего округа и назначении архиепископа Серафима его главой. И 26 мая 1942 года Синод принимает соответствующее решение. Министерство утвердило это решение. Но дальнейший рост митрополичьего округа был прекращен указами нацистских властей.

В это время зарубежная церковь сталкивается с целым потоком эмигрантов из Восточной Европы. Среди них было немало духовенства. Для оказания помощи пожилым священнослужителям и их семьям были созданы специальные приюты. В это нелегкое время митрополиту Серафиму нередко приходится спасать паству от преследований гестапо. В частности он спас от высылки из страны архимандрита Иоанна (Шаховского), который был духовным лидером евогиан. Священники и миряне, участвовавшие в освободительном движении стран оккупированных Германией, также компрометировали РПЦЗ в глазах немецких властей. Поэтому чиновники министерства религии и чинили препятствия для расширения пределов епархии и округа.

Митрополит Серафим пытался смягчить удары, обрушившиеся на духовенство и мирян его епархии. «Во многих его проповедях и посланиях военных лет содержатся призывы к прекращению человеконенавистнических отношений, кровопролития и мировой войны. Репрессии, подобные тем, что были в протекторате, на православных священников в Германии не обрушились, и в этом заключает немалая заслуга митрополита, умевшего нейтрализовать враждебные акции нацистских ведомств» [4]. Тем не менее, удары наносились. Так было запрещено создание богословского института, не отпускались свечи, запрещались службы. Многое в Церкви теперь происходит только под контролем чиновников.

Но в этой непростой обстановке совместная пастырская работа привела к сглаживанию былых юрисдикционных расхождений. И в этом тоже немалая заслуга митрополита Серафима. Его усилиями епархия только росла и к 1945 году включала в свой состав около 160 приходов. Несмотря на сопротивление властей

Церкви по многочисленным просьбам верующим передавались в пользование старые русские храмы, до этого долгие годы оставшиеся пустующими.

Священник Аркадий Маковецкий указывает, что «большинство пастырей не пошли на сделку со своей совестью, что делало невозможным использование их фашистскими ведомствами и своих целях» [4]. И попытки изолировать священнослужителей эмигрантов от своей паствы в Восточной Европе оставались тщетными. РПЦЗ была тем единственным общественным институтом, который пытался в столь нелегкое и трагическое время оказывать помощь тем, кто в этом нуждался и кто был скрыт от мира за стенами концлагерей. Несмотря на то, что Церкви было запрещено вести работу с военнопленными, священникам удавалось уговорить руководство лагерей пустить их. Священники совершали там богослужения. Нередко по инициативе заключенных и при согласии администрации строились храмы на территории лагерей. «Попав в концентрационные лагеря, где каждый день имелась реальная возможность расстаться с земной жизнью, они в большинстве своем обратились к Богу, это наблюдалось даже в тех лагерях, куда доступа священникам не было» [4]. И действительно сотни и тысячи обитателей лагерей при появлении священника присоединялись к богослужениям, вспоминая свою веру. Нередко удавалось даже составить хор из немалого количества певчих, которые по памяти могли спеть всю службу. Участие в таких богослужениях было абсолютно добровольным и показывало высокую степень религиозности заключенных, даже среди красноармейцев и в частности офицеров.

Каждое богослужение в лагерях сопровождалось оказанием их узникам и материальной помощи в виде продовольствия и одежды, собранной в церквях РПЦЗ. Оказывать централизованную и регулярную помощь не удавалось, ибо военное командование препятствовало её поступлению и нередко конфисковывало все собранные вещи и продовольствие. Позднее многие священники зарубежной церкви также спасали советских военнопленных от насильственной высылки в пределы СССР. Нередко батюшки в порыве отчаяния ложились под колеса машин, пытаясь хоть так остановить высылку.

Зарубежная Церковь, которая вначале поддерживалась немецкими властями, теперь оказалась в списке неблагонадежных. Попытки прекратить её рост и работу по оказанию помощи беженцам, военнопленным ни к чему не привели. И все те законодательные

ограничения, которые были направлены на умирения русской церковной эмиграции, не смогли смирить желание людей оказывать помощь нуждающимся. Как это не странно церковная политика Германии в период с 1933–1945 гг. чем то напоминала систему церковно-государственных отношений в СССР. Как и в Советском Союзе, немецкие власти стремились заручиться поддержкой Церкви для повышения своего авторитета в глазах международной общественности. Даже оказывали щедрую помощь в ремонте и строительстве храмов. Советские власти, конечно, не строили храмы, но в период войны решили немалую часть закрытых снова открыть. Церковь и в Германии и в СССР в период войны вышла на легальное положение. Однако любое неповиновение властям наказывалось репрессиями. И здесь мы можем увидеть немало сходств. Религиозная политика германской оккупационной администрации также имела много общего с советской довоенной.

Таким образом, положение РПЦЗ в Германии в это период можно охарактеризовать как период выживания. Несмотря на сильное давление со стороны властей, Зарубежная Церковь осталась оплотом нравственности и сопротивления тоталитарному режиму, а нацистским ведомствам так и не удалось сделать епархию Зарубежной Церкви послушным орудием в своих руках.

Литература

1. М.В. Шкаровский. Крест и свастика. Нацистская Германия Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512с.
2. М.В. Шкаровский. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов / Сборник документов. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003. 366 с. // Twirpx.com [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/413569/> (Дата обращения: 01.04.2014).
3. Протоиерей Андрей Новиков. Русская Православная Церковь за границей в нацистской Германии и во II мировую войну// Русская народная линия [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=314086> (Дата обращения: 01.04.2014).
4. Протоиерей Аркадий Маковецкий. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора. М.: Питер, 2009. 320 с. // Либрусек [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/227878/read> (Дата обращения 01.04.2014).

**ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОФЕССОРА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. А. МАЛИНОВСКОГО**

К. А. Чукмасова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

Научный руководитель: С. А. Некрылов, д.истор.н., проф.

Профессор Томского университета по кафедре истории русского права, академик ВУАН, ученый-юрист Иоанникий Алексеевич Малиновский был ярким представителем научной интеллигенции города Томска начала XX в. С 1898 по 1911 гг. судьба Иоанникия Алексеевича была тесно связана с Томским университетом. Его лекции по истории русского права пользовались популярностью у студентов. Благодаря своей преподавательской деятельности и целому ряду фундаментальных научных работ, он заслужил уважение и авторитет в университетской среде. Научная деятельность не смогла всецело поглотить такого разностороннего человека как Малиновский, поэтому он активно участвовал в общественной и культурно-просветительской жизни Томска. На его счету практически сразу после приезда в Сибирь значится предложение в числе других профессоров о создании Юридического общества при Томском университете, работа в редакции газеты «Сибирская жизнь» и многое другое.

Известно, что открытие университета в Томске стало толчком к развитию культуры и просвещения, активизации общественной жизни. Императорский Томский университет стал местом проведения юбилейных торжеств, благотворительных вечеров, регулярными стали чтения публичных лекций по гуманитарным дисциплинам. И. А. Малиновский 1899 году выступил со своей первой публичной лекцией в Томске. В актовом зале университета он прочитал две лекции на тему «Ссылка в Сибирь». Сборы с первого выступления поступили в фонд «Пушкинской премии», учрежденной при Томском университете за лучшие студенческие сочинения [1, с. 605].

Профессора участвовали в проведении юбилейных торжеств, посвященных памяти русских поэтов, писателей и общественных деятелей, в собраниях по случаю юбилейных дат. Наиболее запоминающееся торжество было посвящено 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, прошедшее 26 мая 1899 года на котором

И.А. Малиновский выступил с докладом «Русская общественная жизнь в поэтическом изображении А.С. Пушкина». Весной 1901 года на торжественном заседании, посвященном памяти Н.В. Гоголя, Малиновский выступил с актовой речью «О жизни и деятельности Н.В. Гоголя». Лекции профессоров чередовались с танцами и выступлениями студенческого хора.

Весной 1904 года Юридическим обществом был организован ряд лекций с целью популяризации юридических знаний среди населения. Программа прочитанной профессором И.А. Малиновским в аудитории бесплатной библиотеки лекции «О праве», состояла из ответов на вопросы: «Что такое право?; Кому принадлежит право?; В чем заключается?; Какими способами право приобретается и теряется?; Какими бывают права?» Такая популяризаторская работа должна была способствовать развитию юридических форм сознания у населения, подготавливая его к существованию в правовом государстве. К сожалению, публики было мало, но присутствующие проявляли интерес к предмету лекции [2, с. 3]. В выступлении Иоанникий Алексеевич заострил внимание на актуальных научных и общественно-политических темах.

Иоанникия Алексеевича интересовали также вопросы образования и просвещения, поэтому он много работал со студентами, принимал участие в содействии развитию среднего и высшего образования в Томске. Вместе с М.Н. Соболевым он участвовал в работе Педагогического общества, организованного в 1904 г. в Томске. Малиновский был даже избран его председателем, но собрание 7 ноября, на котором происходило избрание, попечителем Западносибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым было признано недействительным в виду малочисленности участвующих в выборах [3, с. 3]. Фактически, общество начало свою работу лишь в 1909 году и занималось в основном решением вопросов образования. На его заседаниях обсуждались доклады и рефераты по проблемам образования и воспитания. Общество организовывало и популярные образовательные лекции.

В числе других деятелей города И.А. Малиновский принимал непосредственное участие в создании женского ВУЗа. Вопрос о приеме женщин в ВУЗы на равных условиях возник в среде небольшого кружка томской интеллигенции еще в 1901 году, но политические условия того времени не позволяли действовать открыто. И.А. Малиновский состоял в комиссии по выработке устава Общества. Таким образом, именно благодаря активной де-

тельность интеллигенции, в 1910 году в Томске открылся третий вуз – Сибирские высшие женские курсы [4, с. 2]. Это было единственное в Сибири высшее учебное заведение для лиц женского пола. Профессора и преподаватели добровольно взяли на себя обязанность вести учебную работу на курсах. По мнению Иоанникия Алексеевича, женщины-студентки были «светлым явлением университетской жизни, в подавляющем большинстве случаев они отличались скромностью, высокой культурностью и большой работоспособностью» [5, с. 86].

В годы первой русской революции Иоанникий Алексеевич не приостановил свою деятельность в Юридическом обществе. Заседания были перенесены в здание Окружного суда. Задачей своей деятельности И.А. Малиновский видел обсуждение вопросов, которые наиболее всего волновали общественность в это время. Первым для обсуждения был намечен доклад Малиновского на тему «Из истории земских соборов в России».

Попечитель Л.И. Лаврентьев информировал министра о том, что сообщения о земских соборах могут привлечь самую разношерстную толпу. Лаврентьев подчеркивал «развращающее влияние таких докладов» и просил указаний, как поступить с Юридическим обществом. Несмотря на это, заседания общества продолжались. 18 марта 1905 года одно из них было посвящено комментированию «Высочайшего рескрипта министру внутренних дел от 18 февраля». Заседание привлекло большое число слушателей. С докладом «Исторические основы Высочайшего рескрипта 18 февраля» выступил профессор И.А. Малиновский. Незадолго до этого в газете «Сибирская жизнь» были опубликованы сообщения профессора на данную тему: «Право петиций: по поводу Высочайшего указа 18 февраля» и «Общество и правительство». По мнению Малиновского, наступило время для реализации идеи участия народа в государственном управлении в новой форме. Иоанникий Алексеевич ссылаясь на опыт такого участия народа в управлении в форме вечевых собрания Древней Руси, Боярской думы, рад и сеймов в Великом княжестве Литовском, Земских Соборов. Тем не менее, докладчик признал, что по закону не повторности исторических явлений ни одна из вышеперечисленных форм не может быть восстановлена в настоящий период. «Теперь, в начале XX века, система правления осталась прежняя, а общественный дух поднялся на неизмеримо более высокую ступень своего развития, так что бюрократическая опека над обществом становится совершенно невыносимой» [6, с. 3].

В начале мая 1905 года члены юридического общества профессора М.Н. Соболев, И.А. Малиновский, М.И. Боголепов и др. подготовили «Проект основных начал положения о земских учреждениях Сибири». Этот проект был одобрен другими сибирскими общественными организациями [7, с. 3]. Члены общества были вынуждены временно приостановить свою деятельность только в конце 1905 года, в условиях разворачивавшихся революционных событий.

Иоанникий Алексеевич принимал участие в редактировании газеты «Томский листок», которая впоследствии была преобразована в большую ежедневную газету «Сибирская жизнь» [8, с. 181]. Издаваемая с перерывами до конца 1919 года, эта газета была, без сомнения, самой крупной и авторитетной не только в Томске, но и во всей Сибири. С конца 1905 и до октября 1906 гг., с 8 апреля 1907 и до 1910 гг. в руки Малиновского и его коллеги М.Н. Соболева переходит редактирование «Сибирской жизни». При них газета стала самой читаемой в Сибири, поскольку давала достоверную картину политической и общественной жизни, знакомила с новостями науки, культуры, искусства. Кроме того, вокруг газеты объединялись немногочисленные интеллигентские группы, причем различной политической ориентации (либералы, народники, эсеры, социал-демократы), такие как, В.А. Обручев, В.И. Анучин, Г.Н. Потанин [9, с.15]. В 1907 году, после обыска редакции, по распоряжению губернатора газету закрыли на три недели, хотя ничего компрометирующего не нашли. Через три года Иоанникию Алексеевичу пришлось официально отказаться от редактирования газеты по требованию, исходящему из Министерства, в связи с многочисленными доносами попечителя Л.И. Лаврентьева. В одной из докладных записок о «революционно-агитаторской деятельности профессора И.А. Малиновского» газету «Сибирская жизнь» охарактеризовали как одно из самых вредных провинциальных изданий в России [10, с.104].

Таким образом, Иоанникий Алексеевич Малиновский превосходно проявил себя не только как ученый-правовед, но и как талантливый публицист, редактор газеты и общественный деятель. Обладая литературным даром, он оставил после себя множество публицистических статей на волнующие темы того времени, а его деятельность оказала благотворное влияние на культурную жизнь города, способствуя превращению не только в научный, но и культурный центр Сибири. В конце своего жизненного пути Иоанникий Алексеевич рассуждал о том, насколько полезной

оказалась его общественная деятельность. Будучи уже академиком Всеукраинской Академии Наук И.А. Малиновский писал, что общественные дела постоянно отвлекали его от науки, что он делал бы больше, не вмешиваясь в существующий порядок вещей, но и быть безучастным, когда рядом насилие, он не мог. К сожалению, это повлекло за собой расшатывание здоровья и проблемы, сопряженные с работой. В своих воспоминаниях он писал так: «Можно было избежать проблем, отказавшись от общественных выступлений, от общественной деятельности, вообще от общественных интересов, но для меня это было невозможно. То настоящее, которое меня окружало, настойчиво требовало протестовать против существовавшего порядка вещей. И казалось, что такой протест – прежде всего долг интеллигенции, в особенности квалифицированной, как деятели науки» [11, с. 4].

Литература

1. Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.): Дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2009.
2. Сибирский вестник. 1904. 14 марта.
3. Сибирская жизнь. 1905. 6 января.
4. Сибирская жизнь. 1910. 26 октября.
5. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева (1880–1955). Томск, 1960.
6. Сибирский вестник. 1905. 23 марта.
7. Сибирские вопросы. 1905. № 1.
8. Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994.
9. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 2. Новосибирск, 1995.
10. ГАТО. Ф. 125. Оп. 2 Д. 2604 в.
11. Воспоминания И.А. Малиновского. Ейск. 1928.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ПРОЦЕССОВ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В РОССИИ И ФРАНЦИИ XIV–XVI ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. А. Великанова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Зайцева, к. истор. н., доц.

На протяжении XIV–XVI вв. в России и во Франции развернулись процессы централизации. Одну из значительных ролей в деле становления единых государств играли политические лидеры, которых одни слои населения поддерживали, а другие, наоборот, препятствовали объединению стран. Историки обратились к данной проблеме еще в XIX в. В течение XX в. концепции исследователей менялись, эволюционировали. В последние несколько десятилетий в силу ряда причин (отход от формационного подхода, антропологический поворот в истории, обращение к «истории ментальностей») взгляды ученых на данную проблематику претерпели некоторые изменения. Цель данной работы – рассмотреть взгляды современных российских и французских историков на проблему определения социальных слоев, поддерживающих объединительные процессы в России и Франции XIV–XVI вв.

Дореволюционные отечественные историки рассматривали в основном политический аспект процессов централизации России и не обращались специально к характеристике их социальной составляющей. Среди слоев, поддерживающих политику московских князей по «собираению» русских земель, ученые выделяли духовенство. Так, представитель государственной школы С. М. Соловьев, в числе факторов, способствующих возвышению Москвы и объединению вокруг нее русских земель, выделил перенесение резиденции митрополита, который своей деятельностью и влиянием оказывал поддержку московскому князю [1, с. 444]. В советской историографии, в силу более пристального внимания к социально-экономическим аспектам, проблеме социальной поддержки процессов централизации было уделено больше внимания. Закономерно, что одной из главных движущих сил объединения России некоторые авторы, в частности Л. Н. Черепнин, считали межклас-

совую борьбу (например, противостояния боярства и дворянства) и развитие самосознания трудящихся масс [2].

Новый взгляд на определение социальной поддержки процессов централизации представил В. Б. Кобрин в своей работе «Власть и собственность средневековой России» (1985). Он выступил против традиционного для советской историографии противопоставления «прогрессивного дворянства» – поборника централизации и «реакционного боярства» – ее противника [3, с. 199]. Историк считал, что к объединению страны тяготели все социальные группы господствующего сословия Руси [3, 212]. По мнению В. Б. Кобрина, стремление к новым приобретениям толкало бояр на поддержку объединительных действий княжеской власти [3, с. 211].

В современной отечественной историографии имеет место критика и пересмотр некоторых утверждений, сделанных дореволюционными историками. Так, в своей работе «Политика Московских князей. Конец XIII – первая половина XIV вв.» (1999) Б. Н. Борисов опровергает выдвинутый С. М. Соловьевым тезис о поддержке митрополитами деятельности первых московских князей по объединению русских земель [4, с. 11]. Согласно его мнению, еще в начале XIV в. московский князь Даниила Александрович, следуя своей доктрине «тихой экспансии», создал условия для привлечения в Московское княжество различных слоев населения из других русских земель. Среди них автор выделяет бояр, недовольных политикой великого князя Алексея Александровича, которые способствовали усилению Москвы и расширению ее владений [4, с. 372].

Похожих взглядов придерживается А. А. Горский. В своей статье «К вопросу о причинах «возвышения» Москвы» (1997) он отмечает, что важной поддержкой политики Даниила Александровича по укреплению позиций Москвы был приток в нее бояр из Южной Руси, что способствовало усилению военной мощи Московского княжества, так как каждый из них привел с собой воинский контингент [5, с. 9].

По мнению исследовательницы Санкт-Петербургского государственного университета И. Б. Михайловой, значительный вклад в процесс становления единого русского государства внесли дети боярские, дворяне и промысловые люди. Как пишет историк в своей диссертации «Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века» (2004), слой детей боярских связывала идея государственной службы, которая доминировала

над родовыми и узкосемейными интересами [6, с. 24]. Согласно автору, важную роль в усилении великокняжеской власти и ускорении централизации русских земель сыграли дворяне – представители Государева двора при Василии Темном. И. Б. Михайлова характеризует их как реформаторов, направивших свои усилия на перестройку вооруженных сил, обновление административного аппарата, укрепление правопорядка [6, с. 28].

В российской и французской историографии XIX – первой половины XX вв., посвященной процессам централизации во Франции, были намечены основные направления исследований их социальной базы. Так, отечественный историк Н.И. Кареев рассмотрел в своей работе «Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков» (1908) влияние социально-представительного органа (Генеральных штатов) и так называемых нотаблей (узкого круга лиц, избираемых из трех сословий) на усиление королевской власти во Франции [7, 59–63]. Французский исследователь Р. Фавтье в книге «Капетинги и Франция» 1940-х гг. отметил, что еще в начале XIV в. одним из социальных слоев, поддерживающих монарха в деле централизации страны, была буржуазия, которая связывала свои местные интересы с интересами королевства в целом. На стороне короля были также обычные ремесленники и крестьяне, освободившиеся от поземельной зависимости [8, с. 265].

Современная российская исследовательница Н. А. Хачатурян в монографии «Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.» (1989) отмечает, что в начальный период французской централизации XIV–XV вв. королю удалось заручиться поддержкой практически всех слоев населения, особенно городского сословия, из состава которого вышло новое подконтрольное монарху чиновное дворянство (дворянство мантии), и крестьянства, с которым правитель сблизился во время Столетней войны [9, с. 240–242]. Однако, по мнению историка, эта связь не исключала различные народные движения и сепаратистские тенденции, которые возглавляли крупные вотчинники, владельцы апанажей [9, с. 241–242].

Еще одна отечественная исследовательница И. Я. Эльфонд в работе «Потестарные институты во Франции в позднее средневековье и раннее Новое время» (2011) отмечает большую роль корпорации государственных служащих в объединительных процессах во Франции XIV–XVI вв. Согласно автору, большая часть представителей этой корпорации вышла из верхушки третьего сословия, а основанием их аноблирования было служение королю и государству. По мнению историка, специфические условия только

способствовали формированию собственных политических представлений чиновничества и выработке убеждения в том, что именно профессиональные чиновники являются подлинной опорой государства и королевской власти [10, с. 79].

Французский историк Ю. Метивье в монографии «Франция в XVI–XVII вв.» (1982) также обращается к проблеме влияния различных социальных слоев на процессы централизации во Франции XVI в. По его мнению, королевская власть умело играла на интересах и чаяниях разных социальных страт французского общества. В частности, автор ссылается на то, что король спекулировал на противоречиях дворянства и развивающейся буржуазии. Первые, согласно Ю. Метивье, получали от короля посты и милости, а из числа последних черпались кадры для работы в финансовых ведомствах и судах [11, с. 75]. Эти слои населения поддерживали усилия короля по централизации государства.

Сходной точки зрения придерживаются авторы «Истории Франции» (1987) Ж. Карпантье и Ф. Лебрен. Они утверждают, что в деле централизации страны король заручился поддержкой многих слоев населения, в числе которых духовенство, дворянство, буржуазия. К ним, по мнению историков, примыкали городские и сельские жители разных провинций, которые воспринимали короля как своего покровителя и гаранта единства королевства [12, с. 206–208].

Подведем итоги. Большинство современных отечественных историков отмечают, что главными социальными силами, поддерживающими старания московских князей по централизации русских земель в XIV–XVI вв. были высшие слои населения: бояре, дети боярские и дворяне. Согласно мнению современных отечественных и французских историков, обратившихся к проблеме социальной поддержки объединительных процессов во Франции того же периода, опорой короля в деле централизации составляли почти все слои населения: высшая знать, новое дворянство, духовенство, буржуазия, а также городское и сельское население страны.

Литература

1. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 т. Кн. 2. М.: Мысль, 1988. 765 с.
2. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 898 с.
3. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985. 278 с.

4. Борисов Н.С. Политика Московских князей. Конец XIII – первая половина XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1999. 391 с.
5. Горский А.А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.
6. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Автореф. ... канд. доктора ист. наук. СПб., 2004. 38 с.
7. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
8. Фавтье Р. Капетинги и Франция. Пер. с фр. Цыбулько Г.Ф. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
9. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. 272 с.
10. Эльфонд И.Я. Потестарные институты во Франции в позднее средневековье и раннее Новое время // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: КДУ, 2011. С. 76–120.
11. Метивье Ю. Франция в XVI–XVII вв.: от Франциска I до Людовика XV. Пер. с фр. А.В. Голубкова, С.В. Панова. М.: АСТ: Астрель, 2005. 190 с.
12. История Франции / Под редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена; пер. с фр. М. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. 607 с.

МИГРАЦИЯ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ГЕРМАНИЮ

Н. Н. Гордиенко

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Г.Г. Супрыгина, к.истор.н., доц.

Одна из самых многочисленных групп мигрантов в Германии – это поздние переселенцы, большинство из которых являются российскими немцами. Несмотря на этническую и культурную общность с коренным населением Германии, многие из них испытали интеграционные и языковые проблемы после переезда, вопрос их интеграции – важная часть миграционной политики ФРГ. Сегодня перед Германией стоит острая дилемма: тяжелая демографическая ситуация требует привлечения мигрантов, а недовольство местного населения приезжими вынуждает руководителей страны создавать преграды для притока иностранцев.

До Второй мировой войны население страны увеличивалось быстрыми темпами, её относили к странам эмиграции. Однако, после поражения фашистской Германии в войне ситуация изменилась. По решению Потсдамской конференции свыше 12 млн так называемых изгнанных были вынуждены покинуть бывшие территории Третьего рейха и поселиться в зонах оккупации союзников. Миграция поздних переселенцев находит свои корни

в ранней истории ФРГ. После окончания миграции изгнанных на территории стран Восточной Европы, прежде всего в СССР, Польше, Чехословакии и Румынии, ещё около 4 млн немцев осталось в 1950 г. По Конституции ФРГ эти люди и их потомки считались представителями немецкого народа. Имея статус переселенцев они имели исключительное право переезда в ФРГ и получения гражданства. С начала 50-х до середины 80-х годов около 1,5 млн переселенцев сумели воспользоваться этой возможностью [1]. Общее число переехавших в Германию переселенцев вместе с их семьями с 1950 г. по настоящее время превышает 5 млн человек. Пик миграции пришелся на конец 1980-х – 90-х гг. Позиция советского правительства по отношению к свободному выезду за границу изменилась с объявлением Горбачёвым в 1985 г. Гласности и Перестройки в 1986 г., способствовавших разрушению «железного занавеса». С крушением социалистического блока и распадом Советского Союза этнические немцы массовым потоком потянулись на историческую родину. Выезд из страны был разрешен законом «О порядке выезда из СССР» от 20 мая 1991 г., хотя активное переселение началось еще в конце 1980-х.

Одновременно с нарастанием кризисных событий в бывшем социалистическом лагере увеличивалось число беженцев из этих стран в Германии. В 1992 г. в ФРГ было подано почти 440 тыс. запросов на предоставление убежища. Озабоченные увеличением численности некоренного населения, немецкие власти приняли ряд законов, сдерживающих приток мигрантов, тем более, что в это время бюджет страны к тому же был обременён огромными затратами на воссоединение Германии.

Но, одновременно с ограничительными мерами, среди претендентов на въезд в Германию выделялась отдельная группа граждан, получивших преимущества при въезде в страну – «поздние переселенцы». Закон об устранении последствий войны 1992 г. относил к ним жителей германского рейха, находившихся на его территории до 31 декабря 1937 г., лиц немецкого происхождения, проживавших на территориях, отошедших союзникам. В эту категорию были отнесены этнические немцы, в том числе бывшие граждане СССР, подвергшиеся в 1941–1945 гг. депортации и другим преследованиям из-за своего происхождения. В группу «поздних переселенцев» были включены и граждане ГДР, бежавшие в ФРГ до 1990 г., а также евреи, пострадавшие в период Третьего рейха и их потомки [2, с. 575]. В соответствии с этим законом для того, чтобы стать поздним переселенцем были необходимы индивидуальные

доказательства принадлежности к немецкому народу и свидетельства политического гонения (последнее не требовалось от переселенцев из СССР). Закон вводил также квоту миграционного потока, в год было решено принимать не более 220 тыс. поздних переселенцев [3]. Выделяя среди лиц, претендующих на гражданство ФРГ группу поздних переселенцев, правительство страны стремилось обеспечить приток молодых, работоспособных граждан, восприимчивых к культуре страны и имеющих немецкие корни. Постарение населения в Германии вело к перенапряжению социальной системы, а в будущем могло спровоцировать нехватку рабочей силы.

Ещё одна группа поздних переселенцев – это евреи из республик бывшей СССР. Для них была сделана открытая, то есть нефиксированная квота. Многие евреи, столкнувшись в конце 80-х – начале 90-х гг. с экономическим и политическим кризисами, переселялись в экономически более благополучную Германию, используя появившуюся возможность свободного выезда из СССР. Власти ФРГ, движимые чувством вины немецкой нации перед еврейским народом за Холокост, придали еврейским эмигрантам статус беженцев, дающий ряд преимуществ при въезде в нее. Законодательством гарантировались различные виды помощи еврейским переселенцам при эмиграции в страну.

Интеграция еврейских поздних переселенцев в ФРГ имеет свои особенности. Большая их часть не обладает еврейской идентичностью в культурно-религиозном смысле. Они плохо знают иврит, мало интересуются иудаизмом, не соблюдают национальные традиции. Около половины переселенцев в 1990–2000 гг. приезжали по поддельным документам [4, с. 529]. Многие из приехавших вступали в еврейскую общину исключительно с целью получить материальную помощь от общины. Эти факторы осложняют интеграцию еврейских поздних переселенцев в Германии. Для евреев процесс миграции в ФРГ имеет противоречивый характер. С одной стороны, переезд в страну, которая в годы Второй мировой войны осуществила массовое истребление евреев в годы осуждается многими представителями еврейской диаспоры. С другой стороны, проживающие в Германии евреи трактуют пребывание в стране как разновидность победы над нацистами, которые хотели превратить Германию в место, свободное от евреев, но потеряли в этом поражение [4, с. 530]. С падением железного занавеса до конца 2000-х годов в страну прибыло почти 160 тыс. еврейских переселенцев только из республик бывшего СССР, из них 137 тыс. с 1990 г. по 2000 г.

Всего с 1990 г. по настоящее время в Германию переехали свыше 3 млн поздних переселенцев. Традиционно большинство приезжающих имеют странами происхождения Россию и Казахстан. Более чем 200 тыс. человек с 1991 по 1995 г. ежегодно переселялись в Германию. До 1995 г. 50% от общего числа въехавших в ФРГ являлись поздними переселенцами [2, с. 576].

Увеличение числа переселенцев усиливало финансовую нагрузку на бюджеты земель и коммун. Для выравнивания миграционной нагрузки на федеральные земли в 1996 году был принят указ о «принудительном» расселении поздних переселенцев. Людям приходилось селиться вдалеке от свои живущих в Германии родственников, они в течение определённого времени обязаны были проживать только в той земле, в которую их распределили. В отличие от коренных жителей, имеющих возможность покинуть восточные земли со слабой инфраструктурой в поисках работы, поздние переселенцы в случае переезда рисковали лишиться поддержки государства. Конституционное право на свободу перемещения для поздних переселенцев было ограничено. Пострадавшие от последствий Второй мировой войны, российские немцы восприняли закон, устанавливающий места расселения, как знак непонимания их тяжелой судьбы.

Недовольство российских немцев вызывало несправедливое на их взгляд распределение социальных выплат. По закону о пенсиях для иностранцев от 1992 г., переселенец мог получать пенсию не выше 60% от уровня местных пенсионеров. Многие переселенцы трудоспособного возраста, обладая пригодными для Германии профессиями (педагоги, инженеры, врачи), не имели возможности работать по специальности. Общественный деятель и историк А. Айсфельд писал в 2011 г. о том, что удовлетворительного решения о признании дипломов из СССР (СНГ) так и не удалось достичь [3]. Знания и профессиональный опыт целого поколения поздних переселенцев оказались не востребованы.

Несмотря на многочисленность поздних переселенцев, в Германии до сих пор не существует партии или политической организации, которая бы отстаивала их интересы. Недовольство некоторых переселенцев своей жизнью в Германии нередко используют в своих интересах радикалы, как правые, так и левые.

Одной из главных проблем поздних переселенцев остается слабое знание немецкого языка. Это приводит к недостаточной адаптации в новых условиях и проблемам интеграционного характера. В 2000-е годы около 3/4 российских немцев въезжали

как члены семей поздних переселенцев, более четверти – это дети до 18 лет. В большинстве случаев молодые родственники переселенцев обладали недостаточными знаниями немецкой культуры и языка. В 2003 г. официальные службы констатировали, что только каждый пятый поздний переселенец владеет немецким языком [1]. Принятый в 2005 г. закон об управлении и ограничении иммиграции был направлен на привлечение высококвалифицированных работников и одновременно ужесточал материальные требования к мигрантам. По новому закону не только поздние переселенцы, но и члены их семей, намеревающиеся мигрировать в Германию, должны были иметь сертификат о знании немецкого языка и обязаны были посещать интеграционные курсы [2, с. 576].

В последние годы количество поздних переселенцев существенно снизилось, особенно заметно это стало после принятия закона об иммиграции 2005 г. Начиная с 2006 г. цифра ежегодно въезжающих не превышает нескольких тысяч, в основном за счет переселенцев из бывшего СССР. В 2012 г. их число составило всего 2 тыс. человек. Число поздних переселенцев из Венгрии, Чехии, Словакии, бывшей Югославии и балтийских стран последние годы исчисляется несколькими десятками человек.

Причинами спада потока поздних переселенцев являются несколько факторов. Уменьшилось число семей потенциальных переселенцев, так основная масса людей с немецкими корнями, например, из России выехала. По данным переписи населения в России, в 1989 г. немцами считали себя 842 тыс. человек, в 2010 г. это число составило только 394 тыс. После вступления стран Восточной Европы в ЕС, значимость иммиграции в Германию для многих немцев снизилась, некоторые из них были ассимилированы благодаря благоприятным условиям в странах проживания. В 90-е годы государственная помощь постоянно сокращалась, таким образом к 2000-м годам поздние переселенцы по закону о пребывании имели такие же права на интеграционную поддержку, что и остальные иностранцы [1]. С вступлением в силу в 2005 г. нового иммиграционного закона серьёзным препятствием для многих членов семей поздних переселенцев, желающих получить немецкое гражданство, стало незнание немецкого языка.

Одновременно с программой по приёму переселенческих семей Германия проводит политику сотрудничества со странами, где проживают немцы и поддерживает немецкие меньшинства. Она направлена, прежде всего на улучшение уровня жизни этнических немцев в странах проживания, в том числе в России. Осуществляя

внешнюю культурную политику и помощь в развитии другим странам правительство ФРГ одновременно управляет миграцией поздних переселенцев в Германию и ограничивает её. Для того чтобы, у немцев было желание оставаться в стране проживания, с помощью германской стороны проводятся различные культурные, экономические, гуманитарные мероприятия. В последнее время, однако, выделение бюджетных средств на такие программы снизилось. Правительство ФРГ свергивает затратные проекты в развитии инфраструктуры и инвестиции в области экономики и сельского хозяйства в других странах. Вместо этого предполагается проводить адресную политику и открывать конкретные перспективы перед людьми в местах их проживания, организуя языковые курсы, проводя работу с молодежью, способствуя получению ею более качественного образования и повышению её квалификации. Цель таких программ – стимулировать самоорганизацию этнических немцев, позволить им самим участвовать в своём развитии (проходит под девизом «Hilfe zur Selbsthilfe»), при этом сохранить связь немецкого меньшинства, проживающего в других странах, с Германией. Прежде всего такие программы проводятся в России и Польше [1].

Литература

1. Aussiedlermigration in Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung : [сайт]. [2005]. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/56395/aussiedlermigration> (дата обращения: 04.04.2014).
2. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – М. : КДУ, 2008. – Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века.
3. Eisfeld A. (Spät-)Aussiedler in Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung : [сайт]. [2013]. URL: <http://www.bpb.de/apuz/156779/spaet-aussiedler-in-deutschland> (дата обращения: 04.04.2014)
4. Супрыгина Г. Г. Евреи в послевоенной Германии: от катастрофы к возрождению / Разрушение и возрождение в истории Германии и России : сборник статей международной научной конференции. 2010. № 7. С. 514–533.

ТРАДИЦИОННЫЙ МИР КИТАЙСКОЙ ЕДЫ И ОБЫЧАЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

К. А. Губанова

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия*

Научный руководитель: А. Н. Полукин, к.истор.н., доц.

Китайская культура, повседневная жизнь всегда вызывали особый интерес. Отдельная страница культуры и повседневной жизни Поднебесной – это традиционный мир китайской еды, застолья. Интересно посмотреть на эту проблему через восприятие русских путешественников XIX – начало XX вв. Взгляд со стороны всегда интересен. Тем более этому аспекту не уделялось должного внимания. История путешествия русских в Китай и описание ими традиций китайской кухни недостаточно исследована. Поэтому представляется важным проследить историю отношения русских путешественников к китайской кулинарной традиции и традиции употребления пищи.

Для изучения и раскрытия заданной темы использовались следующие исторические источники. Во-первых, это воспоминания, посвященные исследованию Китая, его населения, самобытности, нравов и традиций. Здесь следует выделить труды отца Иакинфа (в миру – Никита Яковлевич Бичурин) (1777–1853) – известного востоковеда и путешественника, жившего в Китае в составе Девятой Духовной Миссии с 1808 по 1821 годы. Личные впечатления, воспоминания их автора – весомая и составная часть этих работ. Интересны для изучения очерки путешествий известного китаеведа, переводчика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951), а также книга «Китайцы как самостоятельная раса», написанная доктором медицины Э.В. Эриксоном, побывавшем в Китае. Во-вторых, это воспоминания и заметки русских военных, которые они оставили после посещения Китая. К ним можно отнести воспоминания Александра Васильевича Верещагина (1850–1909), который участвовал в подавлении восстания Ихэтуаней, записки участников русско-японской войны Михаила Владимировича Грулёва (1857–1943), Павла Россова, а так же Сергея Рунича.

Следует предположить, что на восприятие китайской кулинарной традиции русскими путешественниками существенное влияние оказало первое знакомство с ней. Каждый человек, впервые употребляя в пищу, неизвестное блюдо или продукт будет испытывать смешанные чувства страха и любопытства.

Большое внимание каждый из путешественников уделяет описанию тех продуктов, которые употребляет в пищу китайский народ. Самый распространенный и любимый многими китайцами продукт – это рис. В северных районах страны его может заменять пшеница, горох или просо. Но рис все равно является традиционной основой большинства китайских блюд [1, с.261]. В зависимости от того какие продукты добавлены к рису, например кревет-

ки, овощи, бамбук, мясо птицы, или акульи плавники китайские блюда могут значительно различаться по вкусу [2, с. 10]. Из риса же делается самая лучшая мука, которая затем используется для приготовления лапши, лепешек, хлебцев, сладостей и квашеных булок [1, с. 263].

Кроме зерновых в Китае употребляют в пищу, и привычные для русского человека продукты, такие как картофель, лук, чеснок, капуста, огурцы, морковь, очень популярны различные посолы и маринады. Если не считать морепродуктов, то для китайцев особой роскошью считается мясо [3]. На столах состоятельных людей блюда из свинины, говядины, птицы можно встретить часто, но большинство китайцев едят мясные блюда очень редко только по большим праздникам [1, с. 262]. Это касается также молока и молочных продуктов. А.В. Верещагин замечает в своих воспоминаниях, что «объясняется это тем, что на скотине работают, и что молоко необходимо детёнышу, и поэтому грешно его отнимать у матери. Мясо тоже избегают есть, дабы сохранить рабочий скот» [2, с. 11].

Заменителем мяса и молока в китайской кулинарии являются зернобобовые культуры, из них готовятся соевое молоко, масло и творог [2, с. 11].

Кулинарные традиции китайцев и русских почти противоположны. В воспоминаниях русских путешественников большой интерес вызывают описания экзотических пристрастий китайцев в еде. Помимо привычных для европейцев блюд, любимыми кушаньями для китайцев являются ласточкины гнезда, плавники акул, тухлые яйца, бамбук, различные черви, черепахи, улитки и т. д. «Особыми лакомствами для богатого китайского населения являются крестец оленя, мясо полоза, щенок собачий, это лучшие блюда в этикетном столе», – сообщает Н. Я. Бичурин [1, с. 262]. Если китаец очень беден и голоден, он ест все без разбора, не считаясь с предрассудками и вкусовыми потребностями [3]. Такой изощренный вкус китайской нации вызывает у всех авторов удивление и отвращение.

Все китайские блюда на вкус очень пресны, так как местной кухне неизвестно употребление соли; иногда кушанье приправляется соей, приготовленной из особого рода проса, выдерживаемой в подвалах очень долго. Обращая на это внимание, М.В. Грулёв упоминает народную поговорку, согласно которой качество сои ценится по количеству крыс, потонувших в чанах[4].

Для создания более насыщенного вкуса блюд, китайцы используют разнообразные приправы, такие как петрушка, пастернак,

морская капуста, уксус, чеснок, сушеные грибы, горчичный корень и множество других. Едят китайцы для вкуса вприкуску с солеными овощами. Не употребляют в Китае и хлеб, вместо него уже в конце обеда подается вареный рис, лапша без бульона, или китайские пельмени (момо) [1, с. 267].

Повседневным, и своего рода священным напитком, как для бедных, так и для обеспеченных китайцев, является чай, который считается и первым обязательным видом угощения гостя. Помимо чая в китайской кухне существуют и более крепкие напитки, наиболее известны из них различные ликеры, водка, и хлебное вино, все подогретое, что придает напиткам крепость и приятность. Пьют очень мало, поэтому и чарки для спиртного делают не более наперстка [1, с. 267].

Из очерков мы узнаем о почти полном отсутствии пьянства в Китае. Возможно, это объясняется отсутствием необходимых ферментов для переваривания и усвоения алкоголя, вследствие чего китайцы себя ограничивали. П.А. Россов вспоминает: «Китайцы не обнаруживают пристрастия к вину, и видеть пьяного китайца – большая редкость. Каждый китаец – лакомка, но любовь к вкусным кушаньям не приводит его к мотовству» [5, с. 69].

Несмотря на то, что основой китайской кухни являются продукты растительного происхождения, и мясо в ней используется редко, количество китайских блюд просто поражает. Даже используя несколько самых простых продуктов в разнообразном сочетании, китаец может приготовить более 10 блюд, и это не в самой богатой семье. Доказательством этого может служить цитата из воспоминания М.В. Грулева: «Мне пришлось однажды быть случайным гостем китайского чиновника средней руки: несмотря на неожиданность моего посещения, гостеприимный хозяин умудрился таки угостить меня обедом из 24 блюд, которые все, без исключения, приготовлены были из одного поросенка; кажется, даже копыта были пущены в ход, а из крови каким-то способом приготовлены были два блюда, в виде весьма красивых грибков» [4].

Очень удивляет Э.В. Эриксона то, что при всем разнообразии блюд, ест китаец очень мало, многие тратят всего лишь от 2 до 5 копеек в день на пищу. Среди китайцев даже из купеческого сословия никогда не встретишь толстяков с огромными животами, объясняется это умеренностью в еде, преобладанием растительной пищи, отказом от повседневного употребления спиртных напитков [3].

Некоторые путешественники, и особенно Сергей Рунич акцентируют внимание на неопрятности китайцев в приготовлении

пищи. Путешественник приводит в пример множество китайских трактиров, где повар на глазах у невзыскательной публики грязнейшими руками копается в тесте, рисе или каких-нибудь особенных китайских макаронах, накладывая все это руками же в миски [6].

Но это свидетельство не касается богатых китайских семей и роскошных ресторанов, там все чисто, и аккуратно, хоть и непривычно по вкусу для русских.

В сервировке и внешней отделке блюд китайские кулинары славятся мастерством. И изысканные блюда богачей и убогая трапеза простолюдинов отличаются украшением и декорацией подаваемых блюд [4].

В своих очерках Н.Я. Бичурин рассказывает о традиции приготовления и принятия пищи. Блюда китайской кухни готовятся в низенькой печке – лу-цзы, сложенной из кирпича в виде жаровни – с двумя небольшими отверстиями, одно внизу с боку, для разведения огня, и другое сверху посередине, для угля, и приготовления пищи [1, с. 265].

Обычно китайцы едят по три раза в день. В пять и шесть часов утра подают завтрак дянь-синь, в 9–10 часов – обед цзао-фань, между 5 и 9 часом пополудни ужин ван-фан [1, с. 266].

Обеденные столы четырехугольные, не высокие. Когда гостей много, то столы не сдвигают, а отдельно сажают за каждый стол по четыре человека. Для каждого гостя на стол ставится прибор, состоящий из пары палочек, салфетки и тарелочки с соевым соусом или уксусом [1, с. 269].

Едят китайцы палочками. У русских путешественников, проживающих в Китае, это вызывало особое неудобство. Китайцы же управляют ими очень ловко. А. В. Верещагин приводит объяснение: «У китайцев вся пища готовится своеобразно. Мясо и рыба подаются без костей, нарезанные маленькими кусочками, так что нож за столом совершенно не нужен. Затем растительные кушанья, которые они так любят, – морская трава, водоросли, вермишель, – всё длинное, тягучее, подхватывается палочками гораздо удобнее, чем вилкой. Кушанье подаётся каждому отдельно в маленьких чашечках. Когда оно подходит к концу, то чашку подносят к самому рту и палочками выгребают остатки прямо в рот, до последней мелочи. Презабавно смотреть, когда голодный китаец ест своими палочками и как быстро подхватывает ими пищу» [2, с. 12].

О состоятельности человека в Китае, по мнению Н.Я. Бичурина, говорит количество блюд, подаваемое за обедом, чем больше

блюдов, тем состоятельнее человек. У китайцев нет особого порядка употребления пищи, могут есть вместе острое и сладкое блюда. Интересно, что обычный китайский ужин начинается с десерта, а за ним следует все остальное [1, с. 268].

М. В. Грулев отмечает интересный факт, по принятому в Китае обычаю каждый из гостей, сидящих за одним столом, должен, прежде чем отведать каждое блюдо, положить сначала своим соседям. Это подкладывание ведется практически непрерывно с двух сторон и приводит к тому, что в чашечке гостя получается, в конце концов, небообразимый винегрет [4].

По окончании стола каждый берет свои палочки обеими руками за концы и приподнимает перед собою горизонтально – в одно время с другими. Это знак вставания из-за стола [1, с. 270].

В. М. Алексеев особо подчеркивает то обстоятельство, что каждый китаец считает прием гостей особой церемонией, где этикет разработан до мельчайших тонкостей, и малейшее несоблюдение которых является причиной негодования и ссор [7].

Таким образом, проанализировав воспоминания русских путешественников о китайской кухне, можно прийти к выводу, что национальная кулинария в Китае своеобразна и уникальна. С одной стороны, путешественников из России поражают странные вкусовые пристрастия китайцев, употребление в пищу очень «экзотических» продуктов, что не может вызывать отвращения у непривычного человека. Но с другой стороны китайская кулинарная традиция удивляет русских своим разнообразием, гостеприимностью и самобытностью. Безусловно, национальная кухня отличается для бедных и для богатых китайцев. Но как для тех, так и для других основами китайской кухни и обычая употребления пищи являются – рис, чай, палочки.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1840. – 443 с.
2. Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы. 1901–1902 гг. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1903. – 223 с.
3. Эрикссон Э.В. Китайцы как самостоятельная раса. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Eriksson_E_V/text1.htm (дата обращения 24.02.2014)
4. Грулев М. Из поездки в Манчжурию. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Grulev/iz_poezdki.htm (дата обращения 21.02.2014)
5. Россов П.А. Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. – Порт-Артур: Типография газеты «Новый Край», 1901. – 181 с.

6. Рунич С.В. В Манчжурии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Runic/text3.htm> (дата обращения 22.02.2014)
7. Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Alekseev/text22.htm> (дата обращения 24.02.2014)

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ НЕМЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Н. А. Жмурова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Г. В. Грошева, к. истор. н., доц.

Германия сегодня является одной из самых открытых к эмиграции стран Западной Европы. Этнические немцы-переселенцы из стран бывшего СССР к концу 1990-х гг. стали одной из самых многочисленных групп новых жителей Германии. Активная миграция русскоязычных немцев в Германию началась в 1989 г. после падения Берлинской стены и пришлось на неблагоприятное время. Объединение ФРГ и ГДР, высокая безработица, глобализация – именно на этом сложном фоне протекала и протекает интеграция русскоязычных мигрантов [1]. По разным статистическим данным, численность российских немцев в Германии колеблется от 2 до 4 млн. человек [2, с. 66–67; 3]. Эта группа эмигрантов, так называемые переселенцы (с 1993 г. их называют «поздними», нем. Spätaussiedler), или «русские немцы» (нем. Russlanddeutsche) составляет более 80% от общего количества эмигрантов из России и СНГ в Германию [3].

Переезд представителей этой группы в Германию обусловлен рядом причин. Во-первых, воссоединение семьи, желание сохранить и поддерживать немецкие традиции и культуру. Во-вторых, этнические немцы считаются привилегированной группой иммигрантов в Германии. Люди с большей вероятностью иммигрируют в страну, где у них есть друзья, знакомые и поддержка системы, поскольку это уменьшает затраты и риски при миграции. За годы переселения в Германии сформировалась достаточно большая группа этнических немцев из России, и новые переселенцы знают, что получат при необходимости помощь и поддержку [4, с. 55–58]. Немецкоязычные переселенцы (нем. Aussiedler) имеют «легкий старт». Они приезжают в страну, где созданы условия для их адаптации, а также, что столь же важно, в сообщества, где уже

есть люди, готовые им помочь – своего рода субсообщества. Хотя это и облегчает им условия проживания в новой стране, впоследствии эти же субсообщества препятствуют интеграции мигрантов в обычное немецкое сообщество. Привыкая к модели жизни внутри определенной группы, этим людям сложнее решиться выйти вовне.

Этническим немцам, переселяющимся в Германию из других стран, предоставляются наиболее широкие права во всех сферах общества, такие как: гражданство, интеграционные курсы, изменение имени, признание академической и профессиональной квалификации, получение государственной поддержки в виде пособия и т. д. Несмотря на все эти преимущества, интеграция проходит не безболезненно [4, с. 55–58].

Самая серьезная проблема, усложняющая процесс интеграции, – языковая и культурная неподготовленность «русских немцев». Проживая в русском обществе, за многие десятилетия они ассимилировались, растворились в нем. На сегодняшний день весьма малый процент «русских немцев» в достаточной мере владеет немецким языком и знает немецкие традиции. Ситуация усугубляется сокращением длительности языковых курсов, предоставляемых переселенцам немецким правительством, и неудовлетворительной работой немецких культурных центров в России. В повседневной жизни переселенцам необходимо говорить по-немецки, чтобы быть воспринятым коренным населением в качестве «немца». Большинство переселенцев, прибывающих в Германию на постоянное проживание понимают это. Тем не менее, языковой барьер является главной проблемой бывших русских немцев на пути интеграции в новое общество [5]. С каждым годом доля переселенцев владеющих немецким языком снижается, растет доля членов семей не немецкой национальности. Если на раннем этапе переселения в начале 1990-х годов 75% заявителей на выезд в Германию были немцы, владеющие немецким языком, и только 25% составляли члены их семей, не владеющих элементарными знаниями немецкого языка, то к началу XXI в. это соотношение сменилось на противоположное: 75% переселенцев составляют члены семей, не владеющих немецким языком [3].

В то время как правовая интеграция, как правило, занимает несколько месяцев, а материальная несколько лет, социокультурное внедрение в общество является долгосрочным процессом, длящимся, возможно, на протяжении целого поколения, хотя при этом следует учитывать, идет ли речь о детях, трудоспособных взрослых или пенсионерах.

Приезжая на постоянное место жительства в Германию, переселенцы сталкиваются с новым образом жизни, социальными отношениями, культурой, сильно отличающейся от русских традиций. На первом этапе интеграции в немецкое общество у переселенцев возникает ряд трудностей, преодоление которых может вызвать озлобленность и недовольство ситуацией, и, как следствие, может выразиться в намеренной и сознательной самоизоляции. Особенно там, где переселенцы селятся в больших количествах, они замыкаются в отдельных группах. Возникает русскоговорящее «общество в обществе», в котором происходит обмен информацией. Молодое поколение переселенцев формируется в отдельные группы, в которых они находят признание и отделяются от окружающего мира. В таком замкнутом контингенте интеграция может вообще не состояться. Около 2 млн. «русских немцев» в Германии живут в самостоятельно созданных гетто. В этих местах компактного проживания работают русские магазины, функционируют учреждения для отдыха и развлечений, основным языком является русский [6, с. 46–49].

Чтобы избежать или устранить подобные проблемы, немецкое правительство приняло ряд мер, способных создать оптимальные условия для интеграции. В то же время отмечается, что успешная интеграция возможна лишь при соблюдении переселенцами следующих условий: овладение языком и культурой другого общества; наличие желания стать полноправным членом нового общества; реализация модели социального поведения, отвечающей требованиям и стремлением общества. В качестве причины, усложняющей процесс интеграции называется и отсутствие мотивации быть признанными немецким обществом в качестве равноправного члена [7, с. 47–58].

Русскоязычные немцы сталкиваются и с проблемой поиска этнической идентичности: проживая долгое время в России и приехав в Германию, они сталкиваются с восприятием представителей другой этнической группы. Это ведет к растерянности и фрустрации, неприятию и агрессии к немцам в Германии и стремлению к единению с представителями своей группы. [8, с. 114–119]. И сами «русские немцы» в Германии воспринимаются не всегда положительно. Прежде всего, среди представителей этой группы относительно высок уровень безработицы, отсюда выше доля получающих социальное пособие фактически за счет работающего населения, которое оплачивает налоги. В 1990-е гг. среди этой категории населения был высок уровень преступности, и хотя

сейчас данная проблема не столь остра, представление коренных немцев о немцах-переселенцах сложно изживаются.

Таким образом, ключевыми проблемами интеграции русскоязычных немцев в немецкое общество являются их языковая и культурная неподготовленность, самоизоляция, кризис этнической идентичности, обусловленный столкновением с новой культурой и не всегда позитивным восприятием немцев-переселенцев коренным населением Германии.

Литература

1. Русскоязычные мигранты приехали в Германию в трудное время. Интервью с руководительницей отдела межкультурных связей городской администрации Кельна Иной-Беатой Фольмайстер [Электронный ресурс]. – URL: http://germany-koeln.net/search/index.php?id_mess=5438 (Дата обращения: 16.04.2014).
2. Беляева Н.Г. Поздние переселенцы и российские немцы в Германии // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции «Язык, культура и общество в современном мире» (Нижний Новгород, 28–30 мая 2012 г.). Нижний Новгород, 2012. С. 66–67.
3. Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (Дата обращения: 20.03.2014).
4. Скорняков И.А. Эволюция законодательства в области регулирования репатриационных, иммиграционных и интеграционных процессов в ФРГ // Вестник ТГУ. 2009. С. 55–58.
5. Угера А. Русские немцы. Как остаться немцем в России? Как стать немцем в Германии? Проблема поиска идентичности на пути интеграции в общество Германии // Русскоязычный Кельн [Электронный ресурс]. – URL: http://www.germany-koeln.net/our_russian/index.php?limit=271 (Дата обращения: 20.03.2014).
6. «Интеграция остается ключевой задачей». Интервью с М. Бемер // Deutschland. № 5. 2008. С. 46–49.
7. Войлокова Т.Н. Русские в Германии – пример успешной интеграции? // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 2(102). С. 47–58.
8. Скорняков И. А. Интеграционная политика ФРГ: Выбор стратегии на современном этапе // Вестник КемГУ. 2011. № 1(45). С. 114–119.

ОБРАЗ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

С. Н. Закутняя

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. А. Гончарова, к.истор.н., доц.

В современных условиях с усилением миграционных потоков и, как следствие, с ростом межэтнических контактов вопрос изучения образа «другого» стал особенно актуальным. Существует множество механизмов, через которые формируются представления народов друг о друге. Это могут быть личный опыт, книги, газеты, а также кино. Активное развитие масс-медиа привело к тому, что значительную часть сведений о других народах мы получаем из кинематографа. Нередко героями художественных фильмов становятся представители кавказских народов. В советское время, как отмечает Н. Ю. Силаев, знания о Кавказе, за исключением немногочисленного сообщества специалистов, ограничивались тем набором стереотипов, который в сжатой форме был представлен в фильмах того времени [1, с. 144].

Образ кавказских народов в отечественном кинематографе уже оказывался в центре внимания исследователей. Например, И. В. Новикова занималась этой темой на материалах советских фильмов [2]. Образ кавказцев в российском кино сквозь призму чеченской войны рассмотрен в работе О. Саркисовой [3]. Однако, несмотря на наличие этих работ, исследований, посвященных анализу образу кавказских народов, как в советском, так и российском кинематографе, нет. Этому сюжету и посвящена данная статья.

Кинематограф советского времени представляет вниманию зрителей достаточно фильмов, где киногероями выступают представители кавказских народов, яркие художественные образы которых хорошо известны зрителям.

Один из первых фильмов, где горец выступает в романтическом образе, относится к 1940-м гг. Речь идет о музыкальной комедии Ивана Пырьева «Свинарка и пастух». Сюжетной линией, которая проходит через всю комедию, выступают чувственные отношения между свинаркой Глашей и пастухом Мусаибом. Любовь, возникшая с первой встречи, смогла претерпеть и время, и расстояние. Мужественный и решительный Мусаиб, благодаря своему стремлению, оказался рядом с возлюбленной.

В этом фильме пасторализация «романа» наций и процесс создания советской семьи востребовали образ кавказца – благородного, воспитанного, нежного, вежливого и красавца, что положило начало забываемому идеалу кавказской маскулинности. Успех довоенной советской кинокомедии «Свинарка и пастух» был продиктован, в значительной степени, обновленной идеологией гендера, этничности и образами мужественности и женственности в советском «семейном романе» [2, с. 71]. Музыкальная комедия

И. Пырьева выступает явным свидетельством того, что уже в сталинскую эпоху начался достаточно долгий период формирования позитивных стереотипов о народах Северного Кавказа и Закавказья [4, с. 93].

Во второй половине 1960-х гг. на советский экран выходит знаменитая комедия Леонида Гайдая «Кавказская пленница». Главная героиня фильма – «спортсменка, комсомолка и просто красавица» Нина, приехавшая на Кавказ к родственникам, была насильно просватана местному чиновнику Саахову, который купил ее за двадцать баранов и импортный финский холодильник. Товарищ Саахов, хитростью выкрававший Нину, запер ее в своем доме. Если рассматривать сюжет сквозь призму горских обычаев, то похищение невесты против ее воли было бы вполне приемлемым явлением, но Нина, выросшая вдали от родины и получившая образование в городе, этого уже принять не могла. Еще один сюжет, в котором отражены взаимоотношения между мужчиной и женщиной, – это сцены с дядей Нины, Джабраилом и его женой. Патриархальный уклад их семьи является типичным примером того, как выстраиваются отношения между мужчиной и женщиной у кавказских народов [2, с. 80].

Фильм конца 1970-х гг. «Мимино» – грустный перифраз мечты, чудесно-пасторальной, когда герой, добравшись до Москвы, говорит в телефонную трубку: «Ларису Ивановну хочу». Прибыв из тихого грузинского городка, он открыт и добродушен к людям, желая получить тоже самое в ответ. Но Москва, которая «его не хочет», вдруг превращается в моральную противоположность миру Мимино – город денег, связей, безразличия, отчуждения и жульничества. Лариса Ивановна, покорившая его сердце с первой встречи, также не оправдала ожиданий. Для зрителя имеет значение и то, что грузинский язык в фильме маркирует автономность его среды. Когда действие разворачивается в Грузии, идет перевод на русский язык. Это позволяет вывести советского зрителя за пределы мира Мимино, тем самым расширяет зрительное представление о Кавказском крае [2, с. 74].

Художественный фильм грузинского кинорежиссёра Резо Чхеидзе «Отец солдата» вышел на экран в 1960-е гг. Его тема – отцовство и война. Этот фильм принадлежит к числу культовых кино о мужском грузинском, или шире – закавказском характере, романтических, независимо от жанра фильма. Образ кавказского отца, по сути, совершенно аналогичен отцу русскому. Покинув родную деревню, Григорий идет через всю войну в надежде оты-

скать своего сына. Общие ценности разных народов размывают грани, разделяющие их. Как писал критик, Чхеидзе одним из первых в советском кино сумел показать эпизод «большой войны» через призму национального восприятия [2, с. 73].

Разнообразие советских фильмов, где киногероями выступали представители кавказских народов, давала зрителю возможность увидеть горцев в образе не только романтических покорителей женских сердец, но и в образе благородных отцов, ценности которых, по сути, были также близки и им. Так, А.А. Остапенко пишет, что уважительное отношение к культуре любого народа, пусть самого немногочисленного, закладывалось литературой, кинематографом, эстрадой. Народы гор представляются как гостеприимные люди, готовые принять со всеми почестями любого путника. Посредством фильмов воспитывалось доброе человеческое отношение к другим народам [5, с. 36].

Однако уже в 1990-е гг. ситуация стала складываться иначе. По мнению Л.М. Дробижевой, главным образом это было связано со сменой политического и социального пространства в стране. Это отразилось во всех сферах жизни когда-то единого общества. Сменились и сами установки власти, и видение СМИ данной проблемы. Теперь кавказские народы представлялись, преимущественно, в негативном образе [6, с. 357].

Унаследовав от кинематографа советских лет мотивы борьбы за жизненное пространство, в том числе и свое собственное, кинематограф постсоветский столкнулся с необходимостью заново определить себя через границы репрезентируемого пространства и инвентаризацию «своих» и «чужих». Примерно с середины 1990-х гг. кинематографисты и кинокритики занялись поиском «новой идеологии» в постсоветском пространстве. При этом, «привыкнув» к «смерти» Союза и независимости России, они включились в перевод происходящих в стране событий с языка «постсоветского» на язык «внутренних российских проблем». В связи с чеченскими войнами фильмы, снятые по их сюжету, представляли зрителю в большинстве своем негативный образ кавказцев. По военным мотивам были сняты такие фильмы, как «Кавказский пленник» (1996); «Чистилище» (1997); «Время танцора» (1997); «Две луны – три солнца» (1998); «Блокпост» (1998); «Война» (2002) [7, с. 15].

В фильме режиссера Сергея Бодрова «Кавказский пленник» прослеживаются три линии сюжета – война, отцовство и любовь. Попавший в плен молодой парень Иван Жилин влюбляется в дочь

воина, пленившего его, Дину. Для всех них троих этот плен является пыткой. Абдул-Мурад, всего лишь отец, пытающийся вернуть своего сына из русского плена. В фильме он представлен как гордый и стойкий воин, готовый на все ради спасения сына. Его дочь, Дина, показана кроткой, скромной девушкой гор, которая ради любви была готова пойти даже на предательство семьи. Абдул-Мурад, узнав, что его сын был убит при побеге, по обычаям должен был отомстить, убив пленного. Чувство глубокой горести по сыну не дает ему этого сделать, ведь он осознает, что Иван тоже чей-то сын, по которому мать страдает не меньше. И он опускает его. Линия отцовства в фильме показывает зрителю, что даже на войне, где есть лишь месть и убийство, находится место простым человеческим ценностям, которые не зависят от того, к какому народу принадлежит человек.

Очевидно, что художественные фильмы с ярко выраженными образами кавказцев-воинов еще больше подкрепляли у зрителей недобрые чувства к «иногородцам», добавляя топлива в огонь ксенофобий. Так, после фильма «Чистилище» (1997) А. Невзорова прошла волна погромов уроженцев Кавказа, торгующих на провинциальных рынках страны. Они были представлены зрителям, как преступники, злодеи, носители чуждой культуры [7, с. 126].

Так, с изменением политического и социального пространства образ горца, романтического, комедийного в советском кино, в постсоветское время сменился на образ врага.

В настоящее время в кино с участием представителей кавказских народов стал вновь востребован комедийный жанр. Разрабатываются различные телевизионные проекты, среди них шоу, сериалы, скетчи и фильмы. Среди наиболее ярких и охвативших широкую аудиторию зрителей, можно назвать сериалы «Последний из Магикян», «Дружба народов» и др.

Так, в сериале «Дружба народов» ироничный образ кавказца воплощен в главном герое Джабраиле. Он – уверенный в себе отец семейства, который в силу своего традиционного воспитания считает, что главный всегда мужчина и его слово. Как человек, родившийся и получивший образование в советское время, он укоренился в Москве. Приехав в столицу пятнадцать лет назад, он основал клинику стоматологии. Он давно уехал с Кавказа, но сильные родственные связи сохранились и далеко за пределами родной земли. Панибратство является основной составляющей всех событий сериала. Пожалуй, характерной особенностью является то, что в сериале встреча русской и кавказской культур в

одной семье является положительной для обеих сторон. Несмотря на разность традиций, обычаев, менталитета между родственниками Джабраила и его жены Лены отличные взаимоотношения.

Таким образом, прошедший долгую эволюцию образ кавказских народов для зрителя представляет собой большую палитру. В советское время, главным образом, в силу политического заказа в кинематографе горец был представлен дружелюбным соседом, являющимся неотъемлемой частью одного большого советского пространства, чье гостеприимство славилось далеко за пределами родного края. Такие известные фильмы, как «Свинарка и пастух», «Кавказская пленница», «Отец солдата» становились тем механизмом, через который формировались визуальные образы кавказских народов. Иначе ситуация стала складываться в постсоветское время: в силу значительных политических и экономических изменений, на смену горцу-другу пришел кавказец-враг. Этот образ нашел свое отражение в боевиках, где кавказец представлялся воинствующим человеком. Яркими примерами выступают такие фильмы, как «Чистилище», «Время танцора», «Блокпост» и др. На современном этапе формируются и начинают воплощаться вновь предпосылки на изображение образа дружелюбного соседа. Это находит свое отражение в различных юмористических телешоу и комедийных сериалах. В качестве примера, недавно вышедший на экран телесериал «Дружба народов».

Литература

1. Силаев Н. Кавказский вызов // Дружба народов. 2005. № 4. С. 142–152.
2. Новикова И. В. Тонкие дела за «горными вершинами»: ориентализм в советских фильмах // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 67–84.
3. Саркисова О. Чеченская война в российском кино // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 10–25.
4. Муртузалиев С. И. Восприятие «своего» и «чужого» в обыденном сознании дагестанцев // Вестник Евразии. М.: Образовательно-исследовательский центр и издательский центр «Вестник Евразии». 2005. № 3. С. 89–106.
5. Остапенко А.А. Тупики национального воспитания. Как их преодолеть? // Народное образование. М.: Автономная некоммерческая организация. 2011. № 1. С. 34–38.
6. Дробижина Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 с.
7. Юсупов М.М. Анализ динамики последствий ксенофобной агрессии в России (2005–2010 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 9. С. 122–129.

ИЗУЧЕНИЕ ЕРЕСЕЙ КАТАРОВ И ВАЛЬДЕНСОВ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Г. Кайнова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Зайцева, к.истор.н., доц.

Цель статьи – проанализировать основные подходы к изучению ересей катаров (альбигойцев) и вальденсов, представленные в отечественной историографии второй половины XX–XXI вв.

Различные аспекты истории еретических течений катаров и вальденсов наиболее подробно освещены советскими исследователями в работах 50–80-х гг. XX в. Они основывались на концепции Ф. Энгельса, подразделившего средневековые ереси на бюргерские, к которым он отнес катаризм, и крестьянско-плебейские (вальденство) [1, с. 361–363], однако уточняли данную классификацию в соответствии с особенностями конкретного периода и региона. Внимание советских медиевистов привлекали такие вопросы, как причины распространения, социальная сущность катаризма и вальденства, соотношение бюргерского и крестьянско-плебейского элемента в данных течениях, борьба с ними католической церкви и др.

Большое значение для развития советской историографии ересей катаров и вальденсов имели идеи С.Д. Сказкина. В частности, в сочинении «Сегарелли – учитель Дольчино» он охарактеризовал эти течения как наиболее четко оформленные среди многочисленных ересей XII–XIII вв. Причины их распространения С.Д. Сказкин связывал со сложной социально-экономической и религиозной обстановкой того периода и невозможностью открытой борьбы против феодальной эксплуатации, в связи с чем протест против существовавшего строя выражался в ереси. По мнению историка, катаризм и вальденство были бюргерскими ересями, однако в позднем вальденстве он обнаруживал и крестьянско-плебейские элементы [2, с. 54–58].

В.Л. Керов в работах «Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII – начале XIV вв.» и «Борьба народных масс против католической церкви во Франции в конце XIII – начале XIV вв. (бегины и спиритуалы)» указал на обострение классовых противоречий в условиях роста товарно-денежных отношений как на причину распространения ересей катаров и вальденсов. Он отметил социальную неоднородность этих дви-

жений, в состав которых входили как зажиточные горожане, так и представители низших общественных слоев, и неразделенность в их верованиях бюргерских и крестьянско-плебейских элементов. Большое внимание автор уделил борьбе католической церкви с указанными ересями. В работах В.Л. Керова также прослежены взаимосвязи между катаризмом, вальденством и другими еретическими течениями и утверждается факт влияния ересей на протестантизм. Его монографии отличаются большим объемом фактического материала и привлечением значительного количества исторических источников [3, с. 52–70, 113–117; 4, с. 44–54].

Специалист по городской истории Н. А. Сидорова в своей монографии «Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (к вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры)» описала катаризм в числе других еретических течений, распространение которых она связывала с борьбой горожан против феодалов. Движение вальденсов Н. А. Сидорова вслед за Ф. Энгельсом к числу бюргерских не относила [5, с. 60–68].

З. В. Удальцова в предисловии к работе Д. Ангелова «Богомилство в Болгарии» проанализировала различные аспекты истории катаризма. Так, по ее мнению, нельзя ставить знак равенства между катаризмом и богомилством. Общность их социальной сущности и догматики она объясняла сходными социально-экономическими условиями, не исключая возможности использования катарами идей богомилов. Также она утверждала необходимость различения социально-экономических и духовных истоков еретических народных движений [3, с. 12].

Е. В. Гутнова в статье «Средневековое крестьянство и ереси» писала о сложности различения бюргерских и крестьянско-плебейских элементов в идеологии еретических учений (в том числе в катаризме и вальденстве) на различных этапах их развития. В связи с этим она критиковала подходы к изучению ереси, существовавшие в «буржуазной историографии», указав, что тенденция к рассмотрению ересей как явления исключительно из области религиозной жизни препятствует их отождествлению с взглядами какой-либо определенной социальной группы. Е.В. Гутнова также указала на отсутствие окончательного решения вопроса об исторической роли ересей, в частности, в подготовке реформационного движения [6].

В современный период изучению еретических течений в отечественной науке уделяется значительно меньше внимания. В числе

исследователей катаризма можно назвать Н.В. Дульневу – современную украинскую исследовательницу, пишущую на русском языке. Она занимается проблемами средневековых ересей и религиозного диссидентства. В статье «Две Церкви, или катаризм в Окситании» Н.В. Дульнева, ссылаясь на мнение французских исследователей, характеризует данное течение не как ересь, а как направление внутри христианства, оппозиционное по отношению к католицизму [7, с. 61–63].

Следует также упомянуть Д.А. Таевского – автора «Словаря христианских ересей с I в. н.э. до современности», в котором довольно большое внимание уделено средневековым еретическим течениям Европы, в том числе катаризму и вальденству. Однако данное издание носит справочный характер, и догматические положения и события фактической истории изложены в нем без учета социально-экономической и духовной сфер [8, с. 57, 97].

Таким образом, в советский период ереси рассматривались на основе концепции Ф. Энгельса как протест против феодального строя, а причины их распространения историки видели главным образом в явлениях социально-экономической жизни. Работы советских исследователей остаются актуальными для дальнейшего изучения истории ересей при условии учета выводов современных зарубежных и отечественных авторов. В настоящее время в России изучению ересей уделяется значительно меньше внимания. Следует отметить появление новой оценки движения катаров не как ереси, а как самостоятельного направления внутри христианства. История движения вальденсов современными исследователями практически не затрагивается.

Литература

1. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49 т. Т. 7. М.: Политиздат, 1956. С. 343–437.
2. Сказкин С.Д. Сегарелли – учитель Дольчино // Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века: Материалы науч. наследия. М.: Наука, 1981. С. 53–97.
3. Керов В.Л. Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII – начале XIV века. М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1986. 134 с.
4. Керов В.Л. Борьба народных масс против католической церкви во Франции в конце XIII – начале XIV вв. (бегини и спиритуалы): учеб. пособие по курсу «История средних веков». М.: Б. и., 1977. 81 с.
5. Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (к вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 501 с.

6. Гутнова Е.В. Средневековое крестьянство и ереси // Средние века. 1974. Вып. 38 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srednieveka.ru/journal/vcat/99> (дата обращения 17.10.2014).
7. Дутьнева Н.В. Две Церкви, или катаризм в Окситании // Гийлем Тудельский. Песнь об Альбигойском крестовом походе. М.: КВАДРИГА, 2010. С. 61–86.
8. Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I–XXI веков: Словарь. М.: Intrada, 2003. 319 с.

КУЛЬТУРНАЯ МУТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ДВОРЯНСКО-РЫЦАРСКОЙ СРЕДЫ В СОЗНАНИИ М. ДЕ МОНТЕНЯ

Е. А. Каличкина

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: И. Ю. Николаева, д.истор.н., проф.

По мере того, как во Франции росли города, развивалась торговля, укреплялись позиции королевской власти, все чаще и целенаправленнее прибегавшей к политическим, а не только силовым способам решения возникавших вопросов, традиционные рыцарские идеалы «мужества» и «чести» начали утрачивать былую силу, как, впрочем, и весь комплекс рыцарских ценностей, связанных с идеалами воинственности. «Бюргерское сословие, набирая силу, поставило под сомнение безусловность многих рыцарских установок мышления и поведения, которые в эпоху, названную Й. Хейзингой «осенью средневековья», вступили в диалогический конфликт с реалиями времени и олицетворявшими их слоями общества» [1, с. 8]. И дело не только в том, что с появлением в период Столетней войны огнестрельного оружия и постоянного регулярного войска, подчинявшегося непосредственно королю, рыцарство лишалось прежней монополии на военное дело.

Трансформировавшийся мир французской цивилизации, превращавшейся из Франции рыцарских замков во Францию городов, стимулировал приращение рациональности, активизировал десаκραлизацию мировидения французского общества. В условиях новой социоисторической обстановки XVI в., характеризовавшейся мощными социальными сдвигами в общественном укладе Франции, культурные установки рыцарства подвергаются «ревизии», своего рода проверке на прочность, со стороны разных социальных групп, и вместе с тем, «мутируют», изменяются под воздействием ценностных ориентиров последних. При этом рыцарский идеал остается значимым ориентиром духовной жизни

не только в среде феодальной элиты, но и в воспринявшем его социальном слое растущего и богатеющего бюргерства, которое наполняло категории рыцарской культуры новыми смысловыми интонациями.

В свете вышесказанного, любопытно проследить, каким образом осуществлялась ревизия культурных ценностей рыцарства в индивидуальном сознании Мишеля Монтеня, нашедшем свое выражение в текстах «Опытов». Тем более что основу индивидуального культурного багажа Монтеня составлял сплав ценностных установок французской бюргерской, дворянской и интеллектуально-гуманистической среды, которые под воздействием личного опыта стали императивами поведения не внешнего, но внутреннего порядка. Система взглядов Монтеня во многом была созвучна тем идеям, которые задавали основной вектор дальнейшего развития общественного французского сознания.

Отмечаемая многими исследователями противоречивость текстов Монтеня связана с тем, что его взгляды претерпевали изменения в контексте его жизненного цикла. В первых фрагментах «Опытов» категории «чести», «мужества» и «добродетели» нагружены смыслами, порожденными ранними идентификациями Монтеня и несшими на себе печать автоматизмов сознания среды, которые изживались, репрессировались, переосмыслились в процессе обретения Монтенем новой идентичности мыслителя-гуманиста.

Представление Монтеня о «добродетели» связано с его представлениями о «судьбе». Так, в первой книге «Опытов» в главе «Судьба нередко поступает разумно» он замечает: «Иногда кажется, что судьба дожидается определенного часа, чтобы сыграть с нами шутку. Господин д'Эстре, в то время знаменосец в полку господина Вандома, и господин де Лик, заместитель начальника отряда герцога д'Аско, ухаживали одновременно, хотя и принадлежали к враждующим сторонам (как это бывает с соседями, которых разделяет граница), за сестрою господина де Фукероля, отдавшей, в конце концов, предпочтение второму из них. Но в день свадьбы и, что еще хуже, прежде, чем разделить с новобрачной ложе, молодой супруг пожелал преломить копье в честь своей супруги и с этой целью засел в засаде близ Сент-Омера, где господин д'Эстре, оказавшись сильнее, захватил его в плен; и в довершение торжества д'Эстре случилось так, что, молодая дама ... обратилась к нему с просьбой оказать ей любезность и отпустить пленника, что он и сделал» [2, с.240]. Данное рассуждение Монтеня интересно для нас прежде всего тем, что в нем обнаруживают себя импера-

тивы его корпоративного дворянского сознания. Наиболее добродетельными и заслуживающими похвалы автору представляются те поступки, которые соответствуют дворянско-рыцарским культурным идеалам. Судьба, вмешиваясь в привычный ход жизни, все расставляет по своим местам в соответствии со своими законами. Причем справедливые законы судьбы, что явствует из названия главы, в сознании Монтеня совпадали с господствующими в дворянско-рыцарской среде представлениями, о том, что правильно, а что нет, отраженными в кодексе рыцарской чести. Господин де Лик, напавший из засады на своего соперника и, тем самым, нарушивший одно из предписаний честного боя, был справедливо наказан за свое вероломство. Господин д'Эстре, напротив, действовавший в соответствии с правилами куртуазии, заслуживает явную, хотя и не высказываемую прямо, похвалу автора.

В ранних текстах «Опытов», комментируя представления других сословий о воинской доблести, дворянское «Я» Монтеня постоянно обнаруживает себя: «Победа всегда заслуживает похвалы, все равно, достигнута ли она случайно или благодаря искусству, так, по крайней мере, принято говорить. Впрочем, философ Хрисипп не разделяет этого мнения, и я также далек от того, чтобы признать его до конца справедливым. Он говорит, что соревнующиеся в беге должны приложить все свои силы, чтобы опередить остальных; но при этом никоим образом не разрешается хватать рукой соперника, тем самым задерживать его, или подставлять ему ногу, чтобы он упал» [2, с. 21].

При этом, идентифицируя себя с дворянством, он не избегает некоторого «тщеславия», далекого, впрочем, от чувства аристократической спеси. Монтень осознает статусное превосходство дворянского сословия, которое живет в соответствии с особыми, корпоративными, этическими нормами и правилами поведения: «Не всякие удовольствия и не всякие милости в одинаковой мере приличествуют людям разного происхождения. Эпаминонд велел посадить в темницу одного распутного юношу; Пелопид попросил его выпустить ради него узника на свободу; Эпаминонд ответил отказом, но уступил ходатайству одной из своих подруг, которая также об этом просила. Он следующим образом объяснил свое поведение: это была милость, оказанная приятельнице, но недостойная по отношению к военачальнику» [2, с. 191].

Но присмотримся поподробнее к дворянским ценностям. Одной из главных рыцарских добродетелей была храбрость. Согласно неписанным правилам рыцарского кодекса чести, рыцарь должен

быть мужественным, готовым к героическому подвигу. Примечательным фактом является то, что этот идеал, особенно на начальном этапе формирования рыцарского сословия, носил ярко выраженный избыточный характер.

По мере накопления рациональности в процессе эволюции французского общественного сознания, прежняя избыточность рыцарского идеала героизма, который, чем ближе к закату Средневековья, тем более явственно обнаруживал свою неадекватность реалиям времени, постепенно изживалась. В рассуждениях Монтеня, относившего храбрость к числу добродетелей, избыточный героизм, не оправданный здравым смыслом, оценивается уже как «бесмысленный», «порочный»: «Храбрости, как и другим добродетелям, положен известный предел, переступив который начинаешь склоняться к пороку. Вот почему она может увлечь всякого, недостаточно хорошо знающего ее границы, – а установить их с точностью, действительно, нелегко, – к безрассудству, упрямству и безумствам всякого рода. Это обстоятельство и породило обыкновение наказывать во время войны – иногда даже смертью – тех, кто упрямо отстаивает укрепленное место, удержать которое, по правилам военной науки, невозможно. Иначе не было бы такого курятника, который, в надежде на безнаказанность, не задерживал целей армии» [2, с. 56].

Вместе с тем, рассуждая в первых книгах «Опытов» о доблести, Монтень выделяет в качестве отличительного признака подлинной храбрости волевое усилие, твердость в осуществлении заранее обдуманного решения, способность решительно довести начатое до конца: «Но желая, чтобы только Катон, и никто другой, явил миру образец несравненной доблести, его благодетельная судьба расслабила, как кажется, руку, которой он нанес себе рану. Она сделала это затем, чтобы дать ему время сразиться со смертью и вцепиться ей в горло и чтобы пред лицом грозной опасности он мог укрепить в своем сердце решимость, а не ослабить ее ... я показал бы его окровавленным, вырывающим свои внутренности, а не с мечом в руке, каким запечатлели его ваятели того времени: ведь для этого второго самоубийства потребовалось неизмеримо больше бесстрашия, чем для первого» [2, с.254].

Важно отметить, что подобное представление Монтеня о доблести являлось своего рода «озвучиванием» взглядов того социокультурного слоя французского общества XVI века, «габитус» которого он усвоил на ранних этапах своей социализации, и носило на себе печать автоматизмов сознания среды, поскольку вос-

принятые им ценности социокультурного порядка еще не были пропущены через фильтр собственной души и не стали императивами поведения не внешнего, но внутреннего порядка. С другой стороны, как мы видим, уже на ранних этапах социализации сам Монтень наработал в своем психологическом опыте багаж тех установок, которые делали идентификацию с означенными ценностями как душевными свойствами вполне органичной.

Данное рассуждение автора примечательно для нас и тем, что оно являет пример органического синтеза дворянских ценностных ориентиров и буржуазно-бюргерских установок сознания и поведения, обусловленного трансформацией социального ландшафта Франции позднего Средневековья.

Таким образом, необходимо отметить, что Монтень, принадлежа к той части дворянского сословия, которая именовалась дворянством «мантии», воспринял на первоначальном этапе своей социализации ценностные и поведенческие ориентиры этой социокультурной среды. Наиболее отчетливо это просматривается в ранних текстах «Опытов», где его понимание культурных рыцарских идеалов «мужества» и «чести», дворянское «Я» Монтеня постоянно обнаруживают себя. По мере написания эссе, смысловая окраска категорий «храбрости» и «чести», в первых фрагментах «Опытов» несшая на себе печать автоматизмов сознания среды, изменялась. Переосмысление усвоенных Монтенем ценностей социокультурного порядка было связано с процессом изживания, репрессирования дворянской идентичности и обретения им новой идентичности интеллектуала-гуманиста. Трансформируясь под воздействием личного опыта переживания их автором, ценностные императивы, ставшие «своими», значимыми ценностями внутреннего порядка, получали новое, индивидуальное смысловое наполнение.

Литература

1. Культура рыцарской среды. История средневековой культуры. Томск: Издательство Томского университета, 2003. 78 с.
2. Монтень М. Опыты. М.: Голос, 1993. 384 с.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПРОЦЕСС ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЬГИИ

В. В. Константинова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Г. В. Groшева, к.истор.н., доц.

Бельгия как самостоятельное государство было образовано в 1830 г. и представляло собой унитарное государство. Основа политической системы страны – конституционная монархия. Первая конституция Бельгии была принята в 1831 г., в нее неоднократно вводились изменения, но до сих пор бельгийцы живут в соответствии с ней. Точкой отсчета федерализации Бельгии принято считать 1962 г., когда был принят Закон о фиксации лингвистической границы [1, с. 63]. Процесс федерализации государства прошел четыре этапа, в ходе которого были внесены очередные изменения в конституцию. Согласно Конституции от 17 февраля 1994 г. Бельгия является Федеративным государством, состоящим из культурных сообществ (французского, фламандского и германоязычного), экономических регионов (Валлонии, Фландрии и Брюсселя) и лингвистических регионов (регион французского языка, регион нидерландского языка, двуязычный регион Брюссель-столица и регион немецкого языка); в компетенцию каждого входят свои функции и полномочия. Главой государства является король [2].

Преобразование унитарного государства в федеративное рассматривалось как попытка решения межэтнических проблем. В Бельгии была реализована модель децентрализованного и «регионализованного» государства, основанного на принципах этнического и лингвистического плюрализма. С.В. Бирюков пишет: «Бельгийский опыт территориального реформирования выглядел достаточно привлекательно и перспективно пока идея регионализма, подкрепленная идеологией национализма, не поставила под сомнение само существование национального государства Бельгия» [3].

В ходе исторического развития на территории страны сложились две крупные и компактно проживающие этнокультурные группы. По данным от 1 января 2010 г. население Бельгии составляло около 11 млн. человек. Первая этническая группа – фламандцы (около 58 % населения, 6 млн. человек), вторая – валлоны (около 31 % населения, 3,400 млн. человек), 11 % составляют представители других национальностей. Фламандцы живут в пяти северных провинциях Бельгии на территории Фландрии и говорят на нидерландском языке и его многочисленных диалектах. Валлоны живут в пяти южных провинциях, составляющих Валлонию, говорят на французском, валлонском и некоторых других языках [4].

Сохраняющиеся сегодня культурные и языковые противоречия между фламандцами и валлонами и, соответственно, между

Фландрией и Валлонией являются актуальными с точки зрения проблемы сохранения единства нации и целостности государства. С момента создания Бельгийского государства и по настоящее время они стремятся выйти из его состава.

Активную роль в политике децентрализации играют политические партии. По мнению А.М. Барсукова, Бельгия представляет собой типичную «партократию» в смысле чрезвычайного сильного влияния партий на политический процесс. Партии полностью контролируют правительство, где министрам необходимо одобрение партийного руководства для принятия тех или иных решений [5, с. 91].

В Бельгии различают два вида политических партий. Первые – так называемые «традиционные партии». К ним относятся: христианско-демократическая, либеральная и социалистическая партии, они стали основанием партийной системы. Основная идея установки этих состояла в том, чтобы сохранить единство Бельгии. Сильную конкуренцию традиционным партиям в 1930-е гг. составили фламандские региональные партии, ставившие своей целью создание независимой Фландрии. Коммунистическая партия в конце 1940-х гг. стремилась добиться независимости Бельгии, выступала за экономические преобразования, в частности за поддержку рабочих, в 1947 г. коммунисты были удалены из правительства. Резко усилили свое влияние региональные партии в 1960–1970-е гг., состоящие из фламандцев и валлонов, каждая в свою очередь отстаивала интересы своих регионов. Право-популистские партии с начала 1990-х г. выступали с идеей независимости Фландрии, за сохранение традиционных фламандских ценностей. Новые партии поднимались и добивались успеха, а традиционные боролись за выживание [5, с. 92]. В результате бельгийская партийная система пришла к состоянию неупорядоченной многопартийности.

Начиная с 1960-х гг., шел процесс складывания региональных партийных систем, которые стали играть огромную роль в политической жизни страны, они в своей деятельности все больше ориентировались на интересы своих регионов. Парламентские выборы начала и середины 1970-х гг. продемонстрировали значительную поддержку региональных партий, они стали полноправными членами правительственных коалиций. Но постепенно шло разделение общепартийных партий по языковому и региональному признаку на фламандские и валлонские. Фламандские партии связаны общими целями по отстаиванию национально-региональной

идентичности, в свою очередь же валлонские партии остаются расколотыми по социально-классовому и политическому принципу. Рост националистических настроений, как во Фландрии, так и в Валлонии стал решающим фактором завершающего этапа федеральной реформы в Бельгии. В ходе парламентских выборов 1990–2000-х гг. лозунгом националистических сил стал сепаратизм, то есть окончательное расчленение Бельгии, вплоть до упразднения единого государства [5, с. 96]. В свою очередь, сформировав правительство, партии не находят компромиссных решений, это приводит к политическим кризисам в стране, отчетливо проявляющиеся в последнее десятилетие XX в.

В июне 2007 г. в Бельгии прошли очередные парламентские выборы, в результате которых победу одержала Христианская демократическая и фламандская партия (ХДФ), набрав 18 % голосов и 30 мест в Палате представителей. Во главе партии находился Ив Летерм. Причиной кризиса стало стремление ХДФ к дальнейшей автономизации Фландрии, а именно: уменьшение её налоговых отчислений в федеральный бюджет, расширение языковых границ фламандского сообщества и т. д. Подобное было встречено, как представителями валлонских политических сил, так и представителями общегосударственных структур, весьма негативно. Для создания однопартийного правительства у ХДФ не хватало голосов, а создать коалицию с другими партиями ей не удалось. В результате, Летерм сложил с себя полномочия по формированию нового правительства.

Начавшийся в 2007 г. политический кризис грозил стране распадом на нидерландско-говорящую Фландрию и франко-говорящую Валлонию. Король Бельгии Альберт II попросил исполняющего обязанности премьер-министра и главу фламандских либералов Ги Верхофстадта сформировать правительство и вывести страну из политического кризиса. Переговоры по формированию нового правительства приняли затяжной характер (более 9 месяцев), и сопровождалось многочисленными скандалами. Во главе с Ивом Летермом было сформировано правительство, которое приступило к своим обязанностям в марте 2008 г., просуществовало оно 9 месяцев. Король принял отставку этого правительства, попросив кабинет министров продолжить исполнение своих обязанностей до передачи полномочий новому правительству, которое он поручил сформировать спикеру Палаты представителей и члену партии ХДФ Герману ван Ромпею. После того, как Герман ван Ромпей был избран в ноябре 2009 г. председателем Европей-

ского совета, он покинул пост главы правительства, и король вновь предложил Иву Летерму сформировать новый кабинет министров. Летерм незамедлительно представил новый состав правительства, который принёс присягу в тот же день, однако, и оно просуществовало совсем недолго. В апреле 2010 г. правительство вынуждено было вновь подать в отставку [6, с. 13].

В результате внеочередных парламентских выборов 13 июня 2010 г. в Бельгии 17,29 % голосов и 27 мест в Палате представителей получила фламандская националистическая политическая партия «Новый фламандский альянс» (НФА). На общегосударственном уровне НФА разделил своё положение с франкоязычной Социалистической партией (СП), получившей 14,03 % в южной части Бельгии, Валлонии. Руководители этих партий Барт де Вевер (НФА), Элио ди Рупо (СП), получившие право на формирование правительства, не смогли договориться по этому вопросу, и политический кризис, начавшийся в стране в 2007 г., продолжился [7, с. 11].

Полтора года Бельгия существовала без правительства – всё это время страна находилась под управлением кабинета Ива Летерма, которое было сформировано им по поручению Альберта II. В связи с кризисами в правительстве партии выдвигали свои варианты решения политических проблем в Бельгии.

Фламандские националисты после победы на выборах 14 октября 2012 г. в местные органы власти во Фландрии выдвинули ультиматум правительству Бельгии с требованием превращения страны в конфедерацию. Об этом заявил лидер партии «Новый фламандский альянс» (НФА) Барт де Вевер. Лидер НФА провозгласил начало «нового исторического этапа для Фландрии». «У нас две культуры и две демократии», – заявил фламандский политик, подчеркнув, что с франкоязычной Валлонией в составе Бельгии ему не по пути. «Наш национализм – это не цель, а средство движения к собственной демократии во Фландрии», – добавил он [8].

Валлонцы же со своей стороны выступают за выход Валлонии из состава Бельгии, и последующее вхождение в состав Французского государства. Клод Тэз, лидер партии «Валлонское ралли» заявил, что «Валлония является частью Франции во всем, кроме названия. У нас тот же язык, мы смотрим французское телевидение, а не бельгийское. Однако, прежде всего наша экономика контролируется французскими компаниями. Мы выживем лишь в том случае, если прицепим наш вагон к французскому локомотиву».

Опросы показывают, что половина валлонов и 60% французов выступают за присоединение Валлонии к Франции [9].

Таким образом, политические партии в Бельгии оказывают огромное влияние на процессы децентрализации в стране. Бельгийская партийная система в 1960-е – 1970-е гг. претерпела значительные изменения. Традиционные партии, такие как христианско-демократическая, либеральная и социалистическая, выступавшие за единство Бельгийского государства, постепенно утратили свое значение. Огромную роль в политической жизни страны стали играть региональные партии Фландрии и Валлонии, являющиеся сторонниками децентрализации, вплоть до расчленения государства. Формируя коалиционные правительства, партии не могут найти компромиссных решений, что приводит к частым политическим кризисам в стране.

В настоящее время вопросы о форме государственного устройства Бельгии, о сохранении целостности государства остаются открытыми. Проблема, возможно, будет решена 25 мая 2014 г., когда пройдут парламентские выборы в Бельгии и будет сформировано новое правительство.

Литература

1. Кучук Ю. Бельгия от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. №4. С. 61–64.
2. Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://mykpzs.ru/konstituciya-belgii-1994-rev-2000/> (Дата обращения 16.03.14).
3. Бирюков С.В. Бельгия как модель кризиса европейского федерализма // Этносоциум и межнациональная культура [Электронный ресурс]. – URL: <http://etnosocium.ru/biryukov-s-v-belgiya-kak-model-krizisa-evropeiskogo-federalizma> (Дата обращения: 18.03.2014).
4. Население Бельгии [Электронный ресурс]. – URL: <http://belgiya.net/naselenie-belgii/sostav-naseleniya.html> (Дата обращения: 16.03.14).
5. Барсуков А.М. Формирование региональных партийных систем в Бельгии. Кемерово: Изд-во КемГУ. 2011. №7. С. 91–98.
6. Полякова А.А. Король Альберт II и политический кризис в Бельгии // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 2 (16). С. 9–16.
7. Бычков М.Л. Эволюция Фламандского национализма. М.: Изд-во Мос. ун-та. 2011. № 4. С. 11–12.
8. Фламандские националисты победили на выборах в местные органы власти во Фландрии (Бельгия) // Правый мир [Электронный ресурс]. – URL: <http://right-world.net/news/2836> (Дата обращения: 16.03.14).
9. Сепаратизм в Бельгии может заразить остальную Европу // Правый мир [Электронный ресурс]. – URL: <http://right-world.net/news/724> (Дата обращения: 16.03.14).

ЯПОНСКАЯ ОДЕЖДА ПЕРИОДА МЭЙДЗИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

М. А. Привалов

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия*

Научный руководитель: А. Н. Полукин, к. истор. н., доц.

В данной статье следует рассмотреть, как русские путешественники видели японскую одежду эпохи Мэйдзи, что они чувствовали, смотря на японский костюм этого периода.

Эпоха Мэйдзи (1868–1912) является одним из важнейших периодов в истории Японского государства. Япония старалась влиться в мировое сообщество, принимая культурные и технические новшества Запада. Европеизация постепенно охватила все сферы жизни страны. Одежда, как элемент повседневного быта людей, так же подверглась западному влиянию. Из-за участившихся контактов с западными странами многие элементы быта начинают трансформироваться, видоизменяться. Японская одежда в период Мэйдзи меняется, где наряду с элементами японского национального костюма (Вафуку), начинают использоваться элементы европейского наряда [1].

Данная статья основывается на воспоминания русских путешественников периода Мэйдзи. Обращаться к такому роду источников необходимо, так как воспоминания очень важны для комплексного анализа трансформации японского общества в эпоху Мэйдзи. Эти источники уникальны тем, что они позволяют посмотреть на события глазами современников. Разумеется, в своих оценках путешественники во много субъективны, но тем не менее, они позволяют понять и посмотреть не только то описываемое явление, но и то, что при этом они переживают и чувствуют.

Изначально внедрение европейского костюма в повседневность японцев происходило насильственным путем сверху. По указу императора Мэйдзи в 1872 г. чиновники взамен традиционного наряда обязывались носить европейский костюм. Такой шаг объяснялся тем, что старое платье было не чисто японским, а заимствованным из Китая. Таким образом, использование старого наряда могло поставить Японию на одну ступень развития с Китаем, чего страна восходящего солнца не могла допустить, так как Китай находился в упадке [1].

Европейская одежда быстро набирала популярность в Стране восходящего солнца. Мужчины все чаще использовали европейские костюмы в повседневной жизни, так же и у женщин в гардеробе появилось место для западных платьев. Распространение европейской одежды обуславливалось ее практичностью и удобством в повседневности [1]. Русские путешественники были хорошо знакомы с европейской одеждой, знали, как нужно сочетать элементы данной одежды, что с чем носить. И когда наши соотечественники оказывались в Японии и видели, как местные жители сочетают элементы европейской и традиционной одежды, или как европейский костюм сидит на местном населении, то в большинстве случаев это вызывало улыбку. Например, в своих воспоминаниях ученый востоковед Л.И. Мечников (1838–1888) в ироничной форме описывает влияние европейской культуры на японцев. Так путешествуя по первой японской железной дороге, соединявшей Токио и Иокогаму, Лев Ильич писал: «Здесьние кондукторы, японцы в европейских мундирах и в белых панталонах на коротеньких, дугообразно изогнутых ножках, сильно смахивающие на хорошо дрессированных мартышек ...» [2, с. 196].

Путешествуя по Японии, женщина-врач Черевкова А.А. (1859–?) видит комичность новой комбинированной японской одежды в том, как она сидит на местных жителях [3].

Из воспоминаний русских путешественников видно как по-разному Запад повлиял на мужскую и женскую одежду, одежду разных сословий. Если японцы мужчины предпочитали европейский наряд, то женщины долгое время остаются в своих национальных костюмах [4].

Говоря о мужском населении города, следует заметить, что большинство японцев, включая самого императора Мэйдзи, переоделись в европейские костюмы и ботинки. Этот внешний вид вызывал улыбку у русского путешественника, а иногда и жалость, потому что европейское платье сидело некрасиво, различными складками и казалось, что это манекен, а не человек. Таков был и внешний вид императора, по словам Куропаткина А.Н. (1848–1925): «Императора очень портит плохо сидящая на нем европейская одежда...» [4].

В деревне одежда была иной, там преимущественно использовалась симпатичная традиционная крестьянская одежда. Но встречалась и нелепая одежда, напоминающая ужасную помесь разных культур. Например, сочетание традиционного кимоно и европейского котелка или цилиндра на голове, либо длинное

европейское пальто и японские сандалии или ботинки..., что вызывало улыбку и удивление у русских путешественников [3].

Касаемо деревенской публики, хорошо выразился Григорий Александрович Де-Воллан (1847–1916), дипломат Российской Империи в Японии с 1886 по 1896 г., «по части костюма существует полная анархия» [5, с. 279]. Это так же касается головного убора и обуви, так как мужское население деревни беспорядочно смешивало туземную одежду с элементами европейского костюма, причиной тому была дороговизна европейских тканей и услуг портного. Таким образом, полностью европейский костюм получался чрезвычайно дорогим для большинства населения, поэтому приобщаясь к новой культуре, японцы использовали отдельные элементы европейской одежды [1].

Касаемо женщин путешественники восхищаются красотой их национальной одежды, то как она подходит японским девушкам, той приверженностью местным костюмам, особенно в среднем и низшем сословии. Здесь проявляется влияние Запада только среди женщин высшего света, которые имеют средства одеваться по европейской моде. Но и такие женщины сохраняют связь с национальными нарядами [3].

Особенно интересно, как отмечают путешественники, было наблюдать одежду по праздникам, тогда люди одевали свои лучшие наряды. Многие мужчины были одеты по-европейски, тогда как дети и женщины обязательно в красивых традиционных кимоно. Молодые девушки были одеты в пестрые кимоно, а в волосах цветы и украшения. Женщины носили простое кимоно темных оттенков, а под ним второе кимоно светлого цвета, прическа пышная, но без цветов и украшений [6].

Западная культура посредством одежды оказала влияние и на местные понятия и поведение. Так путешествуя по Японии, Черевкова А.А. была удивлена заметив курьезное явление, что те женщины, которые постепенно начинали менять свой национальный костюм на европейское платье, по-другому начинали себя вести в обществе, переставая придерживаться традиционными понятиями. Если дама одета в кимоно, то она идет позади мужа, но если та же дама одета в европейское платье, она уже не идет позади, а всегда впереди мужчины. Такое загадочное явление объясняется тем, что европейское платье могли позволить себе только женщины высшего света, и изменение их поведение объясняется желанием показать свой статус и особенности европейского платья [6].

Русские путешественники знакомые с особенностями западной одежды быстро выделяли в японском наряде периода Мэйдзи элементы конкретного европейского костюма. Так Черевкова А.А., направляясь в Токио по железной дороге, имела возможность наблюдать за японским чиновником, внешний вид которого напоминал «парадное платье наших придворных чинов или дипломатических агентов». Это был мундир с несколькими орденами, а с боку – шпага [3].

Для выявления примеров заимствования конкретных элементов европейских костюмов особенно удобна японская армия, так как модернизация страны началась с реформирования армии по европейскому образцу. В ходе преобразований была заимствована и европейская военная форма [1]. Так военный, ученый, географ М.И. Венюков (1832–1901) дважды побывал в Японии в исследуемый период с разведывательной миссией. Описывая состояние японской армии, Венюков остановился и на одежде. Он показал, что одежда японской армии на тот период была неоднобразна. Разные рода войск носили разную форму, либо национальную, либо европейского покроя, или же смесь того и другого. Например, кавалеристы одеты в «сполна национальную одежду». Гвардейская кавалерия носит одежду европейского покроя, которая «подходит к гусарским венгеркам, из черного сукна с черными же шнурами». Артиллеристы одеты по-европейски. При смотрах и парадах солдаты надевают через плечо шарфы «наподобие англичан». У некоторых князей отряды носят радужные панталоны «наподобие наших сторублевых ассигнаций». Есть отряды одетые как наши казаки, то есть «они имеют казакин с выпушками и шаровары с лампасами» [7].

Японские войска «были хорошо одеты» по словам А.Н. Куропаткина. Так же он отмечает, что при смотрах армия была одета во французскую форму: «Белые штаны, башмаки со штиблетами. Ранцы со скатанною шинелью». Внешний вид армии вызывал у Куропаткина удовольствие и восхищение, «Имели, – подчеркивал он, – изящный даже вид» [4].

Проанализировав ряд воспоминаний русских путешественников о Японии можно сказать, что практически все, говоря о японской одежде этого периода, делали часто это с улыбкой, в ироничной форме и в сравнениях. По большей мере это связано с тем, что привыкшие к европейской одежде путешественники, видя ее в Японии в другом сочетании, в ином использовании, на других по расовой принадлежности людях удивлялись этому, ви-

дели это необычным, не так как это принято на Западе. Не редко нашим соотечественникам становилось жалко людей, которые в силу своего незнания пытались в чем бы это не стало приобщиться к новым тенденциям с запада, но это у них не всегда получалось, и как следствие они выглядели нелепо. Это касается в том числе обычной жизни японцев, повседневности. Но если посмотреть на ту сферу жизни, которая регулировалась государством, где проводилась поэтапная реконструкция – это административный аппарат, армия... То здесь оценки русских путешественников более умеренные, практически отсутствуют насмешки и ирония. Это связано с тем, что усвоение нового проводилось по западным образцам, и те элементы одежды, которые вводились, например, в армии, по большей части эти элементы сочетались между собой, и создавали более привлекательный образ для русского путешественника, чем то беспорядочное и бессистемное копирование, которым занимались обычные японцы. Что касается национальной одежды, то все без исключения путешественники описывают ее привлекательность, красочность и уместность в стране восходящего солнца.

Литература

1. Хованчук О.А. Эпоха Мэйдзи сквозь призму истории японского костюма URL: <http://ru-jp.org/hovanchuk22.htm> (дата обращения 6.03.2014)
2. Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 170–211.
3. Черевкова А.А. Воспоминания о Японии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Cerevkova/text6.phtml?id=11786> (дата обращения 4.03.2014)
4. Куропаткин А.Н. Японские Дневники. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/1900-1920/Kuropatkin_A_N/frametext.htm (дата обращения 4.03.2014)
5. Воллан де Г. В стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии. СПб и М: Издание Т-ва. М.О. Вольф, 1906. 571 с.
6. Черевкова А.А. Воспоминания о Японии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Cerevkova/text2.phtml?id=11782> (дата обращения 4.03.2014)
7. Венюков М.И. О современном состоянии современных сил и средств Японии и Китая по данным 1869–1870 годов. Публичные чтения в академии генерального штаба. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/Venjukov_M/sost_voen_sil_1869_1870.phtml?id=11775 (дата обращения 5.03.2014)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1970-Х – НАЧАЛА 1980-Х ГГ.

С. В. Рыжков

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия*

Научный руководитель: А. Н. Полухин, к. истор. н., доц.

Арабо-израильский конфликт длится уже много лет. С момента своего возникновения он был в центре внимания со стороны сильнейших мировых держав, таких как СССР и США. Если на региональном уровне арабо-израильский конфликт был противостоянием Израиля и ряда арабских государств, то на международном уровне он стал одним из многих проявлений холодной войны и политики великих держав, у каждой из которых было свое видение причин возникновения, основных проблем и путей к его урегулированию.

События арабо-израильского противостояния получили широкое освещение в советской историографии. Особенно это актуально для периода конца 1960-х – начала 1980-х годов, когда конфликт находился в состоянии постоянной эскалации.

Для советской историографии 70–80 гг. характерно акцентирование внимания на трех событиях ближневосточной политики этого времени: 1) арабо-израильские войны 1967 г. (Шестидневная война) и 1973 г. (война Судного дня); 2) гражданская война в Ливане, в которой активное участие приняли Израиль и Сирия; 3) мирные соглашения, заключенные в Кэмп-Дэвиде (США) между руководством Египта и Израиля в 1978–1979 годах.

Обе войны – и 1967 г., и 1973 г. расцениваются советской историографией как агрессия Израиля, осуществляемая под патронажем Соединенных Штатов и европейских стран. Часто обращается внимание на то, что США и Израиль хоть и являются союзниками, но каждый преследует на Ближнем Востоке свои цели.

А.А. Агарышев в своей книге «Ближний Восток: терроризм и его покровители» главной целью израильского руководства называет стремление к экспансионизму и создание «Великого Израиля» [1, с. 43–44]. Аналогичной точки зрения придерживается и Медведко Л.И. в своей работе «...Этот Ближний бурлящий Восток». В подтверждение этого тезиса он приводит слова бывшего премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона о том, что Израиль никогда не уступит захваченные территории, будь то Восточный

Иерусалим, Газа или Западные берег Иордана [2, с.104]. Такие перемены в сторону более агрессивного курса были обусловлены и теми изменениями, которые произошли накануне в израильском правительстве, когда как пишет Примаков М.Е. в книге «Анатомия ближневосточного конфликта» в него вошло несколько политических «ястребов» в лице М. Даяна и М. Бегина [3, с.253].

Если причины начала военных конфликтов советские историки, востоковеды выделяют общие, имея в виду агрессию Израиля, то причины поражения арабских государств в 1967 и 1973 годах называются разные. Так, например, если авторы книг «Внешняя политика Советского Союза» и «Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока» поражение арабов в Шестидневной войне списывают на внезапность израильской атаки [4, с.147] и его превосходство в вооружениях [5, с.357], то поражение в войне Судного дня усматривается в действиях реакционных сил в руководстве арабских государств и прежде всего Египта. Главным объектом критики стал президент Египта А. Садат, который, по мнению многих советских историков, специально затягивал военные действия, чтобы не допустить разгрома Израиля, что делалось для нормализации отношений с США [3, с.279, 284].

Для американской же политики главной целью, как считают советские авторы, было свержение или ослабление арабских прогрессивных антиимпериалистических режимов. Действия США и стран Западной Европы обычно рассматриваются как продолжение политики колониализма. Такая политика в дальнейшем должна была с одной стороны увеличить военное присутствие США в регионе, а с другой вывести Соединенные Штаты к арабской нефти [6, с.94].

Сама политика штатов характеризуется как направленная не на урегулирование арабо-израильского конфликта и достижения мира на Ближнем Востоке, а как сила, затягивающая его решение. С этим связывают и действия США в Организации Объединенных Наций, направленные на парализацию деятельности Совета Безопасности при принятии решений для разрешения конфликтов [7, с.73]. Представители США в Совете Безопасности «злоупотребляют» правом вето, блокируя большую часть резолюций, содержащих критику Израиля и различные требования для деэскалации конфликта [3, с.257].

Затишье после войны Судного дня было недолгим и уже в 1975 году начинается гражданская война в Ливане. Первоначально она носила внутривосточный характер, однако, постепенно

в нее были втянуты соседние государства сначала в лице Сирии, а затем и Израиля.

Участие Израиля в событиях гражданской войны в Ливане, расценивается представителями советской историографии как еще одно подтверждение его экспансионистской политики. Оно объясняется стремлением захватить земли Южного Ливана до реки Литани [6, с. 94].

В советской историографии сложился иной от западного взгляд на причины ливанской гражданской войны. Советское видение ливанских событий главный акцент делает не на религиозно-национальных противоречиях внутри ливанского общества, а на классовом неравенстве между буржуазией в лице торгово-финансовой и политической верхушки страны, и представителями низших слоев общества [6, с. 91–92]. Действия же Израиля и США рассматриваются как помощь этой немногочисленной прослойке буржуазии и поддержка сложившейся в Ливане системы классового неравенства.

Вину за разжигание войны в советской историографии возлагают на Израиль, обвиняя его в провокационных действиях, как до гражданской войны, так и после ее начала [1, с.6]. К таким действиям относят военные стычки на ливано-израильской границе и ряд военных инцидентов, связанных с представителями Организации Освобождения Палестины, штаб-квартира которой в это время находилась в Ливане [там же, с.18].

Наибольшего же внимания советская историография в рассматриваемый период уделяла заключению в 1978–1979 годах мирного соглашения между Египтом и Израилем. В целом советские историки хоть и не заявляют напрямую, но все же признают, что эти соглашения стали победой американской дипломатии, уточняя, однако, что причиной этой победы стали не просчеты советского руководства, а закулисные интриги американских дипломатов.

Анализу содержания и последствий этих соглашений посвящена значительная часть работ советского журналиста и аналитика А.Е. Бовина «Мир семидесятых» и «Мир восьмидесятых», мнение которого по основным моментам этого договора совпадает с позицией советской историографии.

В первую очередь необходимо отметить, что сам договор характеризуется как сепаратный. Это объясняется не только тем, что он был заключен в одностороннем порядке без участия представителей других арабских государств-участников конфликта, но и потому что его заключение шло наперекор достигнутому

ранее договоренностям между СССР и США. Согласно этим договоренностям его рассмотрение и урегулирование должно было проводиться в ходе запланированной конференции в Женеве и разрабатывать решение, опираясь на всю совокупность существующих проблем [4, с. 235–236].

Бовин оценивает подписание Египтом этих соглашений как предательство интересов всего арабского мира и в первую очередь палестинцев [8, с.283]. Подписав соглашения, Бовин считает, что А. Садат признал за Израилем завоевания 1967 г., вернув себе при этом земли Синайского полуострова. На это, по его мнению, указывает и тот факт, что в документе для обозначения границ, на которые будет восстановлен суверенитет Египта, используется формулировка «подмандатные территории Палестины» [там же, с.263].

Исходя из этих выводов, наибольший вред Кэмп-Дэвидские соглашения наносят по палестинскому народу, что проявляется как в указанной формулировке Палестины, так и тем, что в этих соглашениях не было прописано официальное представительство палестинского народа в лице Организации Освобождения Палестины [там же, с.267–268].

Вот как Бовин оценивает итоги Кэмп-Дэвидских соглашений для палестинцев: «С точки зрения палестинской проблемы... Кэмп-Дэвид означал полное торжество израильской концепции в ее наиболее жестком, бегиновском варианте. Переговоры об «автономии» для палестинцев без Организации Освобождения Палестины и против этой организации. «Полная автономия» для палестинцев с сохранением израильских оккупационных войск... «Самоуправление» для палестинцев, исключаящее право на самоопределение палестинского народа» [9, с.13].

Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период советская историография, как и политика СССР на Ближнем Востоке занимала оборонительную позицию, направленную на выработку решений в условиях постоянной напряженности и меняющихся политических реалий.

В этот период закладываются многие положения отечественной дипломатии и историографии, которые позже получили свою реализацию на практике. К таковым можно отнести признание ООП в качестве единственно признанного представителя палестинского народа; необходимость урегулирования арабо-израильского конфликта путем рассмотрения всего комплекса арабо-израильских противоречий, с участием в этом процессе, как

самих палестинцев, так и всех арабских государств, вовлеченных в конфликт, эту формулировку сейчас разделяет и дипломатия Российской Федерации.

Литература

1. Агарышев А.А. Ближний Восток: терроризм и его покровители. М.: Мол. гвардия, 1986. 224 с.
2. Медведко Л.И. ...Этот Ближний бурлящий Восток. М.: Политиздат, 1985. 335 с.
3. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978. 374 с.
4. Куценков А.А., Чичеров А.И. Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Междунар.отношения, 1984. 288 с.
5. Овсяный И.Д., Богущ Е.Ю., Борисов О.Б. Внешняя политика Советского Союза. М.: Политиздат, 1978. 472 с.
6. Корявин Л.А. На Ближнем Востоке. М.: «Известия», 1982. 128 с.
7. Хазанов М.Е. ООН и ближневосточный кризис. М.: Междунар. отношения, 1983. 176 с.
8. Бовин А.Е. Мир семидесятых. М.: Известия, 1980. 336 с.
9. Бовин А.Е. Мир восьмидесятых. М.: Известия, 1984. 272 с.

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В «НАКАЗЕ» ЕКАТЕРИНЫ II В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX–XXI ВЕКОВ

Д. Р. Садикова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О. Н. Мухин, к.истор.н., доц.

Хорошо известно, что Россия XVIII века во многом ориентировалась на западные идеи. Вторая половина столетия, ознаменованная правлением императрицы Екатерины II, находилась под заметным влиянием западного Просвещения, в большей степени французского. Императрица даже называет себя просвещенным монархом, активно заявляя о своей приверженности теории просвещенного абсолютизма.

Одним из источников, в котором с наибольшей выразительностью отразилась идея философа на троне и рецепция императрицы просветительских идей в целом, является «Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения». Так, советский исследователь И.А. Федосов оценивает «Наказ» как «основной программный документ российского просвещенного абсолютизма» [1, с. 39]. При составлении «Наказа» Екатерина ис-

пользовала целый ряд произведений. В число основных входят книга итальянского ученого – юриста Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», труды немецких авторов Я. Ф. Бильфельда и И.Г. Юста, Й. Зонненфельса, французскую Энциклопедию и русское законодательство [2, с. 114–115], однако, роль основного источника для «Наказа» большинством исследователей отводится труду Ш.Л. Монтескье «О духе законов». Стоит добавить, что Ю.М. Лотманом была выдвинута идея о привлечении для составления «Наказа» политической теории Ж.Ж. Руссо [3]. В статье будет рассматриваться отечественная историография отражения в «Наказе» рецепции Екатерины II идей Монтескье и Руссо.

В пользу труда Монтескье как основного источника «Наказа» часто приводится письмо Екатерины Д'Аламберу: «Вы увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его» [2, с.114]. Современный исследователь В.Н. Виноградов отмечает, что Екатерина выделяла просветителя из ряда великих умов, лестно отзывалась и о его труде: «Его “О духе законов” есть молитвенник государей, если только они имеют здравый смысл». По утверждению историка, в учении Монтескье Екатерину привлекало то, что он не выступал против абсолютизма, осуждая лишь деспотию. По словам Екатерины II, философ «...давал мудрые советы, способствовавшие установлению мира, утверждению порядка и благосостояния в державе при разумном сожительстве вех сословий. «О духе законов» она воспринимала как своего рода научение монархам, как собрание рецептов по предотвращению потрясений в обществе» [4, с.20–21].

Одной из важнейших в историографии вопроса является проблема соотношения между заимствованием Екатериной положений «Наказа» из труда Монтескье и ее самостоятельной работой над ним. Следует сказать, что большинство исследователей отрицают мнение, согласно которому «Наказ» Екатерины II является слепым копированием и компиляцией идей из труда Монтескье. Они утверждают, что Екатерина по-своему интерпретировала идеи просветителя, приспособив их к своим взглядам. Так, подобного мнения придерживался в советское время Н.М. Дружинин: «Наказ Екатерины явился итогом ее предшествующих размышлений над просветительной литературой и своеобразным восприятием идей умеренного течения французских и отчасти немецких просветителей. Она отбирала, систематизировала и истолковывала политические выводы, которые ей внушили не только аксиомы французского Просвещения, но и впечатления

русской действительности. Она производила комбинацию этого материала под углом зрения собственных взглядов» [5, с.437]. В.Е. Вальденберг, чья работа «Екатерина II и Монтестье в их политических воззрениях» посвящена детальному анализу проблемы, так же не согласен с тезисом о рабском копировании идей Монтестье, полагая, что: «“О духе законов” только возбуждал ее мысль, собственное его учение ей приходилось приспособлять к своим идеям и планам» [6, с.115]. Н.И. Павленко утверждает, что «Наказ» был не результатом пересказа из труда Монтестье, а переработки его Екатериной в соответствии с российской действительностью [2, с.115].

В «Наказе» Екатерина обосновывает закономерность и необходимость самодержавного правления в России размерами страны: «Российского государства владения простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару» (ст. 8), «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства» (ст. 9); «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленности мест причиняемое» (ст. 10)» [7]. Данные статьи «Наказа» послужили основанием для вывода об их связи с воззрениями Монтестье, который придерживался мысли, что физические условия страны определяют ее тип правления. Однако, большинство исследователей отмечают, что Монтестье относил признаки, используемые Екатериной для обоснования самодержавного правления в России, к деспотии. Н.М. Дружинин говорит о том, что Екатерина, своеобразным образом используя в «Наказе» идеи о закономерных формах государства и влияния условий страны, обосновывает самодержавную власть в России [5, с.438]. Похожего мнения придерживается и В.Е. Вальденберг. Подобная трактовка Екатериной идеи Монтестье определена, по его мнению, непоследовательностью теории просветителя, в которой нет четкого разделения признаков монархии и деспотии, из-за чего существует возможность выбирать любой из признаков, кажущийся наиболее важным, чем и пользуется Екатерина [6, с.125]. Ю.М. Лотман также утверждает, что, используя авторитет просветителей, «Наказом» Екатерина пыталась обосновать необходимость самодержавия в России. Исследователь говорит о том, что Екатерина искажала идеи «О духе законов» и аргументы, служившие Монтестье

для обоснования выгод монархии, «...применила для оправдания самодержавия, не являвшегося, по терминологии Монтескье, монархией» [3, с.160–161].

В.И. Моряков исследует отражение в «Наказе» идеи Монтескье о посредствующих властях, которые он предполагал обязательными и выполняющими функции контроля над подчинением правителя законам. Автор приходит к заключению, что Екатерина лишь формально перенесла эту идею в «Наказ», говоря о «властях средних», которые подчинены правителю (ст. 18) и лишь регистрируют изданные монархом указы (ст. 25) [7, с.7].

В.Е. Вальденберг утверждает, что Екатериной не были приняты и отражены в «Наказе» основные политические идеи Монтескье о представительной форме правления и политической свободе, основанной на разделении властей. Екатерина приняла его учение о свободе, но отвергла необходимость разделения властей. Свобода в учении Монтескье предстает в двух видах: политическая, устанавливаемая разделением властей и политическая свобода гражданина, зависящая от обычаев, нравов. Учение Монтескье о политической свободе также несогласованно, поэтому Екатерина трактует его по-своему – взяв у просветителя лишь учение о политической свободе гражданина и закономерно отвергая мысль, что разделение властей есть единственная возможная форма ее обеспечения [6, с.125].

Особое значение в исследовании отражения в «Наказе» просветительной философии имеет версия Ю.М. Лотмана. Помимо идей Монтескье, которые легли в основу «Наказа», исследователь прослеживает в нем заимствование Екатериной II политической концепции Ж.Ж. Руссо. Лотман называет «Наказ» «первым значительным выступлением в России против “Общественного договора”» [3, с.159]. Сама теория, нашедшая, как и ее автор, множество почитателей в среде российского дворянства, была отвергнута императрицей. Так, Екатерина, привлекая труд итальянского ученого-юриста Беккариа, поклонника Руссо, «О преступлениях и наказаниях», в работе над «Наказом», убрала из его текста все, что роднит его с теорией французского мыслителя. При этом, утверждает Лотман, определенные идеи Руссо нашли отражение в «Наказе». На основании текста одного из заключительных параграфов «Наказа», где Екатерина говорила о «ласкателях», которые «по вся ни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что они сотворены для нашего народа»,

Лотман делает вывод, что императрица использовала мысли Руссо о народе как о носителе суверенитета и о государе как о его администраторе [3, с.163].

Относительно оценки «Наказа» в историографии XX в. мнения исследователей различаются. «Наказ» и «Комиссия» в целом трактовались советским исследователем Г.П. Макогоненко в русле его теории о ложной и демонстративной тактике Екатерины по подчинению общественного мнения: «Совершенно очевидно, что созыв Комиссии по сочинению проекта нового уложения был политическим маневром, нужным императрице, прежде всего, для распространения в России легенды о Екатерине – просвещенном монархе», в доказательство чего приводит информирование Екатериной просветителей о своих намерениях в период подготовки к работе «Комиссии» и привлечении для составления «Наказа» Д. Дидро, а роспуск «Комиссии» обосновывает, в частности, достижением поставленной цели – утверждением мнения о ней как о просвещенном монархе [9, с.83]. Н.М. Дружинин, напротив, видит в «Наказе» отражение философии Просвещения: «Обращаясь к содержанию Наказа, мы без труда улавливаем в нем основные истины просветительской философии. В качестве исходных положений здесь торжественно декларируются идеи естественного права и общего блага» [5, с.438]. Ю.М. Лотман считает, что «Наказ» не был ориентирован на реакцию европейского общественного мнения, а «...отражал продуманный правительственный курс, которого придерживалась Екатерина в 1760-е гг., и в этом смысле является серьезным и по-своему ярким документом...» [3, с.159].

Таким образом, «Наказ» выступает в качестве одного из основных источников для изучения отношения Екатерины II к политическим идеям французских просветителей. В большей степени, «Наказ» изучается в связи с рецепцией Екатериной политических воззрений Монтескье. Однако, по версии Ю.М. Лотмана, «Наказ» так же содержит в себе заимствование идеи о народе как о носителе суверенитета и о государе как о его администраторе, принадлежащих Руссо.

Выводом исследователей из сопоставления текстов «Наказа» и «О духе законов» является утверждение о значительной доле самостоятельной работы императрицы над «Наказом» и намеренном искажении Екатериной II идей Монтескье. Прежде всего, Екатерина использовала идею Монтескье об определяющем значении географических и других условий на форму правления в конкретной стране для обоснования самодержавия в России.

В. И. Моряков, исследуя статьи «Наказа» о разделении властей, утверждает, что Екатерина лишь формально переняла эту идею. Не приняла, по версии В. Е. Вальденберга, Екатерина политические идеи философа о представительной форме правления и необходимости разделения властей как гаранта политической свободы.

Литература

1. Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. 35–55.
2. Павленко Н. И. Екатерина Великая. Изд. 2-е, исправл. М. : Молодая гвардия, 2000. 495 с.
3. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений / Лотман Ю. М. Русская литература и культура Просвещения. М. : ОГИ, 2000. Т. 1. 536 с. С. 139–206.
4. Виноградов В. Н. Романтический «Наказ» и проза государственных будней // Век Екатерины II. Дела балканские / Отв. ред. В. Н. Виноградов М. : Наука, 2000. 295 с. С. 25–35.
5. Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М. : Наука, 1964. С. 428–459.
6. Вальденберг В. Е. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 115–127.
7. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. // Екатерина II, имп. О величии России. – М. : ЭКСМО, 2003. URL.: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12793 (Дата обращения: 14.01.11).
8. Моряков В. И. Политические и социальные идеи консерватизма в «Наказе» Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 1. С 3–11.
9. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М. – Л. : Гослитиздат, 1952. 542 с.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ЦАРСКИЙ ГРИФОН, ПОПИРАЮЩИЙ ЛЬВОВ И КРЫЛАТЫЙ КОНЬ ГЕРБА КАЗАХСТАНА

З. С. Пико

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Л. М. Плетнёва, д.истор.н., проф.

Моё выступление будет посвящено судьбе отдельных предметов (образов) скифского звериного стиля, чтобы ещё раз подчеркнуть необычайность, неординарность, красоту в полном мифов и фантастических загадок скифского мира.

Работая над своей дипломной работой мне в руки попала интереснейшая статья, которая привлекла своим названием «Царский грифон, попирающий львов», которое было созвучно с названием темы моей дипломной работы «Изображение грифонов». В материалах статьи рассматривался вопрос о наличии грифонов в гербе царей рода Романовых; а если учесть то, что впервые этот образ был характерен для VII–III вв. до н.э. и сумел найти своё предназначение в XIX веке, меня это очень заинтересовало.

В 1913 г. Россия торжественно отмечала 300-летие своей правящей династии – династии Романовых. Те подданные тогдашнего государя – Николая II, которые стали свидетелями череды великолепных празднеств, настолько привыкли к использованию в их официальной символике герба русского Царского Дома – красного вооруженного грифона на щите с каймой, декорированной головами львов, что им, очевидно казалось, что герб был ровесником рода, а может быть, и старше. Но это не так...

Наряду с государственной и земельными эмблемами были известны родовые знаки знаменитых князей и бояр, часто менявшихся и, в основном украшавшие их знамёна. Назывались они прапорами. Есть сведения, что такой прапор существовал и у Романовых. Выглядела эта реликвия примерно так: «Прапор: середина тафта белая, висит гриф тафта жёлтая, с мечом, в левой лапе держит клеймо, повыше клейма писан орлик чёрный, опушка вшита в червчатую тафту, тафта жёлтая. Откоски обьярь чёрная, писаны главы львов золотом и серебром, опушка тафта разных цветов» [1, с. 12] [рис. 1].

Рис. 1. Прапор рода Романовых

Грифон и прочие изображения царями из рода Романовых фактически не использовались 200 лет. На государевом штандарте XVII века – начала XVIII в. обычно изображался двуглавый орёл в сочетании с белыми, синими, красными полосами. Со времён Екатерины II в употребление вошло жёлтое знамя с чёрным или коричневым двуглавым орлом. До сих пор неясен вопрос о происхождении символики изображений на знаменах. Так, львы могут восприниматься как символ храбрости, а грифон – большой власти (над небом и землёй). Знаки царской власти очень долгое время совпадали в основном с государственными символами.

Отдельный родовой герб Романовых был составлен накануне коронации Александра II. Почему так поздно? И что тому причиной?

До XIX века самодержавная монархия в России казалась незыблемой и не нуждалась в особом обосновании своей нужности и значимости, но к середине столетия её авторитет начал заметно падать.

Поэтому не случайно, вскоре, после восстания декабристов, при Николае I появились «теория официальной народности и гимн «Боже, царя храни». Это свидетельствовало о желании защитить самодержавие. Необходимо было тщательно разрабатывать ритуалы, детализировать символику.

Критический момент настал после поражения России в Крымской войне (1856 г.). Коронация нового императора, заявившего о необходимости реформ, призвана была реабилитировать трон в глазах россиян и всей Европы. Утверждение герба династии,

а также большого герба Российской империи должно было соответствовать мировой практике.

Широкую геральдическую деятельность развернул главный российский геральдмейстер Бернгард (Борис Васильевич) Кёне. Именно он на основе старинного знамени разработал герб рода Романовых, утвержденный в декабре 1856 г. Вот описание герба рода Романовых: «в серебряном поле червлёный гриф, держащий золотые меч и тарч, (круглый русский щит) увенчанный малым орлом; на чёрной кайме 8 оторванных львиных голов; 4 золотых, 4 серебряных» [рис. 2].

Рис. 2. Герб рода Романовых

Вот так герб обрёл форму щита. Грифон из жёлтого стал красным (в соответствии с европейскими правилами, по которым не разрешалось совмещать серебро и золото, иначе говоря, белый цвет с жёлтым).

При Александре II были составлены также герб правящего императора. Фамильный же герб Романовых вошёл в большой и средний гербы Российской империи, разработанный в 1857 г. и утвержденный уже при коронации Александра III в 1882 г. Кроме этого грифон с поднятым мечом украсил флюгер палат бояр Романовых на Варварке.

После забвения в советское время, родовые символы Романовых сегодня вновь используются в геральдике. Так например, красный грифон, сжимающей в лапе виноградную кисть является частью современного герба московского района Измайлова

(вотчина Романовых-царских родственников, а затем – царей), [1, с. 13].

Так, некогда мифологическое существо – грифон, который уже в античном искусстве превратился в атрибут нового антропоморфного божеств и стал называться, царственным грифоном, попирающим львов [2, с. 15].

Радует, что это не единственный грифон, который стал украшать символы государств, украшая их гербы.

Такое же антропоморфное существо (пазырькский грифон, пожалуй самый раскрытый персонаж искусства звериного стиля – тоже проживает сегодня новую жизнь в качестве герба государственного символа Республики Алтай [рис. 3].

Рис. 3. Герб Республики Алтай

Интересен герб республики Казахстан я хотела бы рассказать. Дело в том, что история этого символа неразрывно связана с археологией, где главной фигурой декора государственного символа является синкретическое зооморфное существо – крылатый конь – находка из Исыкского кургана, где впервые в истории нашей страны, было найдено неповрежденное элитарное погребение, датированное V–IV вв. до н. э. Находки из этого кургана являлись объектом пристального изучения группы исследователей. В результате исследований был представлен герб Республики, который содержит несколько элементов, образующих в целом композицию, наделённую глубоким символизмом.

Один из образов, использованных в гербе – крылатый конь, увенчанный рогами таутека. Прообразом этого коня является

элементы головного убора воина из кургана Иссык. Крылатый конь – это легендарный тулпар. В далёкие годы, в эпоху ранних кочевников, был создан собирательный мифологический образ. Его наделяли определённым мифологическим значением. По мнению археологов, исследовавших материалы курганов, крылатый конь – это условно-собирательный образ копытного, отвечавшего требованием ритуала или представлениями о строении Вселенной. Крылатые мифические кони – тулпары в государственном гербе являются ключевым геральдическим элементом. Образ коня с незапамятных времён олицетворяет такие понятия, как храбрость, верность и силу. Крылья символизируют многовековую мечту многонационального народа Казахстана о построении сильного и процветающего государства. Они свидетельствуют о чистых помыслах и стремлении к последовательному совершенствованию и созидательному развитию. Золотые крылья скакунов напоминают также золотые колосья и олицетворяют собой трудолюбие казахстанцев и материальное благополучие страны. В прошлые века рога активно использовались в культовых обрядах кочевников, а также в качестве навершия их боевых стягов [рис.4]

Рис. 4. Герб Казахстана

Изображения небесной благодати, земного плодородия и воинской удачи в виде рогов различных животных всегда занимали значимые места в символических композициях различных народов. Таким образом, крылатый конь с рогом изобилия является важным типологическим образом, который имеет глубокие семантические

и исторические корни [3, с. 207]. Образы грифонов, которые с времён античности, выступавшие как обереги, не забыты и сейчас.

Литература

1. Кузнецов А.А., Царственный грифон, попирающий львов. //Журнал «История», 2012. С. 11–13.
2. Джумабекова Г.С., Базарбнева Г.А. Археологические открытия в государственных символах республике Казахстан // Сборник научных статей, посвящённых 20-летию независимости Казахстана. Алматы, 2011. С. 207–211.

ФОНДЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ И МУЗЕЙНЫХ АРХИВОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУСОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Е. Ю. Савченко

МАОУ СОШ № 4 г. Асино, Томская обл., Россия

Научный руководитель: Т. А. Гончарова, к.истор.н., доц.

Не одно столетие на территории современной Томской области проживают белорусы. В границах области выделяется несколько районов их компактного проживания, к числу которых относятся Асиновский и Первомайский районы. Белорусские поселения появились здесь в начале XX в. Так, на территории Асиновского района в 1909 г. был образован заселок Желанный [1, с. 32–33], к 1923 г. переименованный в пос. Ягодный и Ягодные хутора [2, с. 8]. В границах Первомайского района выходцами из Белоруссии были основаны такие ныне исчезнувшие поселения как Ломовицк-1 (Ломовицкие хутора) и Константиновка, бывшие жители которых проживают в с. Первомайском и в г. Асино, а также сохранившаяся до сегодняшнего дня деревня Петровск [3, с. 34–36]. Белорусы были многочисленны и в других деревнях этого района: Пролетарка, Крутой Лог, Успенка [4].

Для изучения белорусов в границах отдельных районов актуальным становится привлечение материалов местных муниципальных и музейных архивов. В данном исследовании будет представлен обзор архивных материалов Асиновского и Первомайского районных архивов, а также Первомайского краеведческого музея. Стоит отметить, что ряд материалов уже привлекался автором при изучении истории белорусских поселений в границах Асиновского и Первомайского районов [5].

Фонды муниципальных архивов в основном содержат делопроизводственную документацию, и лишь в редких случаях

источники личного происхождения. Прежде всего, содержание имеющихся источников касается вопросов экономического, хозяйственного и промышленного развития районов. Однако из них можно выявить информацию об историческом, этническом и культурном развитии.

Ценнейшим источником информации по этническому составу населения являются похозяйственные книги, которые вошли в сельскую документацию с 1930-х гг. В них наряду с хозяйственными показателями содержатся сведения о составе семьи, национальности жителей. По этим материалам можно изучать структуру семьи и межнациональные браки. Похозяйственные книги дают возможность проследить историю семьи в развитии, с учетом социального, этнического, демографического состава, миграции населения. Также данный вид источника позволяет делать выводы об изменении национальной идентичности переселенцев в процессе адаптации [6, с. 123–133].

Похозяйственные книги с. Ягодное, хранящиеся в Ф. 54. муниципального архива Асиновского района, охватывают период с 1940 по 2000-е гг. [7] В с. Ягодном, согласно похозяйственным книгам, уже в начале 40-х гг. XX в. практически все переселенцы записаны как русские. В муниципальном архиве Первомайского района содержатся похозяйственные книги следующих белорусских поселений: Ломовицк-1, Константиновка, Петровск и Пролетарка [8]. Самые ранние книги по всем этим деревням датируются 1934 г. К 1960 г. похозяйственные они перестали вестись в Константиновке и Пролетарке, а к 1975 г. – в Ломовицке-1. В Петровске они ведутся до сегодняшнего дня.

В Асиновском архиве хранятся материалы по истории белорусского образования в Сибири. В контрольно-учетных карточках по школам всеобщего обучения содержатся данные о национальном составе учащихся, языке преподавания, в том числе и в школах Ново-Кусковского (ныне Асиновского и части Первомайского районов) района. Так, например, в 1933 г. в поселениях Ломовицкие хутора, Петровск и Константиновка преподавание велось на белорусском языке и среди обучающихся были только белорусы, а в с. Ягодное все обучающиеся записаны как русские, и преподавание велось на русском языке [9].

К уникальным архивным материалам можно отнести источники личного происхождения. В архиве Первомайского района хранится автобиография Нины Матвеевны Бабуль, старшей жительницы Ломовицких хуторов, позже образовавших с. Ломовицк-1.

В своих воспоминаниях автор рассказывает о жизни на хуторе и в деревне, описывает быт крестьян [10].

Стоит также отметить такой вид источников как метрические книги, редко встречающиеся в муниципальных архивах. В Первомайском архиве сохранились метрические книги православных церквей за 1870–1924 гг. В записях о браке, рождении детей указывается место рождения, вероисповедание и место жительства супругов. Однако в столь ценном источнике мало сведений по белорусам Первомайского района, поскольку они преимущественно были католиками. Метрических книг католического костела в с. Ломовицк пока обнаружить не удалось. Тем не менее, в метрических книгах имеются сведения о православных белорусах, а также о белорусах-католиках в случае заключения смешанных браков [11].

Обширную информацию об истории, культурной и хозяйственной жизни белорусских деревень содержат фонды Первомайского районного краеведческого музея. Музей основан в 1994 г., основной фонд – 5000 единиц хранения, действует 10 экспозиций. Музей предлагает различные формы работы с населением, такие как проведение экскурсий, лекций, выставок, тематических вечеров и в том числе оказание справочных и информационных услуг.

Музейный архив содержит в основном источники личного происхождения. При изучении истории белорусских сел Первомайского района наибольшую ценность представляют воспоминания ветерана Великой Отечественной войны, бывшего директора Петровской, а затем Ломовицкой школ Юбина Флегонта Афанасьевича, которые были написаны и отданы в музей в начале 1980-х гг. На 157 страницах рукописного текста содержится история возникновения некоторых поселений Пышкино-Гроицкого, ныне Первомайского района. Автор описывает быт и хозяйство населения, жизнь в годы Первой мировой, гражданской и Великой отечественной войн, годы коллективизации и жизнь колхозов, отношение населения к этому, а также процесс увядания и гибель деревень. Автор мемуаров стал свидетелем возникновения и развития таких белорусских поселений как Ломовицк – 1, Петровск, Константиновка. Он пофамильно перечисляет всех жителей деревень, их занятия, достижения, происхождение, особенности быта семей, язык и отношения с окружающими [12].

Воспоминания об основании деревни Ломовицк-1 оставила также бывший директор сельского Дома культуры Якубович Галина Ивановна [13].

К источникам личного происхождения относятся также материалы еще одного местного жителя – Антона Антоновича Селевича. Речь идет о картах и схемах расположения Ломовицких хуторов, впоследствии образовавших Ломовицк–1, и других ныне исчезнувших деревень. Также усилиями А.А. Селевича были составлены пофамильные списки жителей этих деревень, расположение домов на улицах [14]. В 2001г. им была издана книга «Марьянины внуки» о переселенцах деревни Ломовицк. Книга издана маленьким тиражом и быстро разошлась среди читателей. Один ее экземпляр хранится в библиотеке с. Ломовицк-2 Первомайского района.

Архив музея также содержит подборку статей из районной газеты «Заветы Ильича», которые датируются 1988, 1989, 1991, 2000-ми гг. Среди них встречаются и материалы про белорусские поселения [15]. Примечательно, что жители уже несуществующих деревень по-прежнему хранят память о своей малой Родине, о чем свидетельствует празднование 100-летия Ломовицка-1 [16, с. 3]. Газетные статьи также содержат биографии и воспоминания жителей исчезнувших ныне деревень, описания быта людей, трудовых будней в колхозах.

Также работниками музея составляется карта исчезнувших деревень района, на которой нашлось место и для белорусских поселений.

Таким образом, в муниципальных и музейных архивах Асиновского и Первомайского районов содержатся различные виды документов по белорусской тематике. Они позволяют изучать историю белорусских поселений, проблемы этнической идентичности белорусов, культуру и быт белорусов.

Литература

1. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск 1911 г.
2. Список населенных мест Томской губернии. По данным позднейших переписей (1910,1917,1920 г.г.) Томск 1923.
3. Список населенных мест Сибирского края. Вып. XI. Томский округ. Новосибирск. 1929 г.
4. Материалы переписи населения 1926 г. // Муниципальный архив Первомайского района
5. Савченко Е.Ю. История украинской деревни Чесноки Асиновского района Томской области // XIII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (20–24 апреля 2009 г.): В 6 т. Т. IV. История. – Томск, 2009. С. 110–112.
Савченко Е.Ю. История белорусских поселений Первомайского района Томской области // XVI Международная конференция студентов, аспирантов

- и молодых ученых «Наука и образование», посвященная 110-летию ТГПУ (23–27 апреля 2012 г.): В5 т. Т. IV. История. – Томск, 2012. С. 170–174.
6. Гончарова Т.А. К вопросу об этнической идентичности белорусов Томской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 132–133.
 7. Похозяйственные книги Ягоднинского с/с // Муниципальный архив администрации Асиновского района. Ф. 54. Оп. 1а.
 8. Похозяйственные книги Ломовицкого с/с // Муниципальный архив Первомайского района. Ф. 4. Оп. 1.
Похозяйственные книги Ежинского с/с // Муниципальный архив Первомайского района. Ф. 6. Оп. 1а.
Похозяйственные книги Пролетарского с/с // Муниципальный архив Первомайского района. Ф. 15. Оп. 1
 9. Контрольно-учетные карточки по школам всеобщего обучения. 1933 год // Муниципальный архив Асиновского района. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5.
 10. Автобиографический очерк Н.М. Бабуль. Часть 1. // Муниципальный архив Первомайского района. Ф. 91. Оп. 1. Д. 3.
 11. Метрические книги православных церквей // Муниципальный архив Первомайского района. Ф. 76. Оп. 1.
 12. Юбин Ф.А. Воспоминания // Первомайский районный краеведческий музей.
 13. Якубович Г.И. Воспоминания // Первомайский районный краеведческий музей.
 14. Селевич А.А. Списки исчезнувших деревень Первомайского района // Первомайский районный краеведческий музей.
 15. Митасов А. Быть новому Петровску // Заветы Ильича. 1988. 7 ноября; Черемных Л. Наш адрес не дом и не улица, наш адрес деревня Петровск // Заветы Ильича. 2003. 30 апреля.
 16. Нахтигалова В. Деревни нет, но мы остались // Заветы Ильича. 2010.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ВОИНЫ В ЕВРОПЕ И ЯПОНИИ

О. В. Скурихин

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: И. В. Рудковский, к.истор.н., доц.

Посвящение в воины в Средневековой Европе представлял торжественный обряд. В Европе настоящий воин всегда ассоциировался с рыцарем. Рыцари были истинными воинами. Они были элитой любого войска. Но рыцарем мог стать только потомственный дворянин не ранее 21 года. Он обучался воинскому ремеслу с самого детства и в 15 лет мог уже участвовать в реальном бою. С этого возраста он становился оруженосцем одного из действительных рыцарей. Только после исполнения указанного возраста решалось, быть ему рыцарем или нет. Определяющими факторами были мужество, честность, храбрость, а также великодушие.

Также он должен знать все обязанности воина [7, с. 24]. Проявить эти качества возможно было на войне (что в те времена не было редкостью).

Всё начиналось с того, что мальчику дарили меч ещё при рождении [8, с. 80]. Этим самым признавали в нём будущего воина. Ополченец не был воином, т. к. не имел специальной подготовки. Но он мог заслужить это звание, если обладал вышеуказанными качествами.

Обряд посвящения в рыцари зачастую назначался на какой-либо праздник – например, коронация, рождение, крещение или свадьба принца, или накануне какого-либо церковного праздника.

Человек, которого должны были посвятить в рыцари, назывался новик. Обычно до посвящения он был оруженосцем.

Существовало много записанных т.н. «Обрядников», в которых описывался порядок посвящения в рыцари – «Обрядник Гийома Дюрана», «Обрядник римской курии», «Майнцский обрядник» и т. д. Так, самым ранним «Обрядником» был *De Ordine Romane*, написанный в 950 г. в Майнце. Другое название – «Романо-германский обрядник X в.» или «Майнцский обрядник». Он лёг в основу «Римского обрядника» XI в. В XIII в. появляется «Обрядник Римской курии». Самым последним появился «Обрядник Гийома Дюрана» (составлен в конце XIII в.) [2, с. 131–133].

Так, в «Обряднике Гийома Дюрана» (XIII в.) описывается следующий порядок посвящения в рыцари – новик сначала молился целую ночь в церкви; утром проводится месса; после этого представитель духовенства даёт будущему рыцарю затрепину или оплеуху; будущий рыцарь произносит клятву (быть защитником церкви, вдов, сирот и т. д.); затем идёт к алтарю, где его с молитвами препоясывают мечом [2, с. 134–135]. После этого какой-нибудь старый рыцарь вручает новопосвященному шпоры. Представители духовенства благословляют меч рыцаря (что равноценно благословлению самого рыцаря) [2, с. 136] (иногда порядок менялся – иногда производилось опоясывание мечём прежде оплеухи, потом даются шпоры [2, с. 137–139]). Далее идёт благословение самого рыцаря, которое начинается с благословения меча рыцаря [2, с. 136]. После долгого чтения молитв происходит опоясывание мечём. После чего новообращённый достаёт меч из ножен трижды поднимет меч и вкладывает его обратно в ножны. После этого священник целует его с благими пожеланиями рыцарю [2, с. 138]. Всё это заканчивается пощёчиной и благородные рыцари с молитвами вручают ему шпоры и штандарт [2, с. 139].

После посвящения рыцарю как правило объяснялись его обязанности. Объяснялось и значения каждой части вооружения рыцаря. [7, с. 39].

Гуревич А. так же отмечал, что позднее опоясывание мечом заменено ударом мечом плашмя по плечу новика (посвящаемого) [6, с. 326].

Посвящение в рыцари могло происходить на поле боя непосредственно перед боем. Вновь посвященного ударяли мечом три раза по плечу со следующими словами: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и св. великомученика Георгия, жалую тебя рыцарем». Затем следовал обычный обряд лобзания [7, с. 39]. Иногда посвящение заканчивалось принесением присяги вассальной верности [1].

Упрощение обряда посвящения, как было рассказано выше, связано с тем, что порой вся элита погибала, как это было, например, было во время войны Белой и Алой розы (1455–1485 гг.) в Англии или в битве при Креси 1346 г. (тогда погибли почти все французские рыцари).

Все обрядники были одинаковыми. Различались только в мелочах (в зависимости от страны). Так, во Франции после ночного бдения в церкви новик отправлялся в баню [7, с. 32]. Это означало, что он прощался со сквернами прошлой жизни и переходил в новую жизнь. Иногда порядок посвящения в рыцари менялся.

В Англии посвящать в рыцари мог только король [3, с. 91], а в Германии любой рыцарь [3, с. 92]. К слову сказать, оруженосец имел право носить короткий (т. н. римский) меч. Носить длинный меч было привилегией рыцаря.

В Японии мальчику при рождении дарили меч. Он считался талисманом. Фехтованию начинали обучать с трёх лет [4, с. 58]. В возрасте пяти лет мальчика облачали в воинское вооружение, ставили на доску для игры в го и посвящали в права военной профессии, заткнув ему за кушак (пояс) меч вместо игрушечного кинжала [5, с. 91]. Но это ещё не был боевой меч. С этих пор его не должны были видеть за пределами родного дома без этого вооружения. В повседневном обиходе использовался муляж настоящего меча. Через несколько лет он мог носить настоящий стальной клинок, но не наточенный. К 15 годам, когда мальчик достигал возраста настоящего мужчины, ему давали наточенный, боевой клинок, который он испытывал на дереве или камне [5, с. 91]. Иногда меч испытывали на живом человеке [5, с. 93].

Особенность обоих традиций в том, что обоих случаях обязательным атрибутом выступает меч. Для японца катана – оружие

власти, так как первая катана была передана первому императору, чтобы тот правил на земле [4, с. 131]. В доме катану ставили на самое видное место. Ей даются имена. Перед началом работы оружейник совершал религиозные обряды. Дажековка катаны приравнивалась к ритуалу [5, с. 92]. Для европейца меч являлся символом того, что Иисус Христос победил грех и смерть на кресте, так как европейский меч имел форму креста [7, с. 34–35].

В Японии первоначально любой крестьянин мог стать элитным воином (самураем). Но с XI в. определяющий характер имела родословная. Самурай не имел права поднять меч на другого, если не имел знатной родословной [5, с. 22]. В Европе сословие элитных воинов (рыцарей) формируется так же, как и в Японии – к XI в. Изначально рыцарь – это любой, кто был в состоянии сражаться на коне [2, с. 11].

Таким образом, как в Японии, так и в Европе происходили одни и те же процессы обособления воинской элиты – назывались ли они рыцари или самураи. Эти процессы происходили параллельно в одно и то же время и, самое главное, независимо друг от друга. Даже закончились эти процессы почти одновременно – примерно в X–XI вв. В чём причина столь интересного явления – вопрос остаётся открытым. Несмотря на то, что это всё-таки разные цивилизации, прослеживаются ещё одни общие черты посвящения в воины. Во-первых, главным атрибутом посвящения являлся меч. Во-вторых, всё начиналось с того, что меч дарили мальчику (будущему воину) ещё при рождении. В-третьих, сам обряд посвящения в воины всегда и везде сопровождался опоясыванием мечом. Это всегда делал самый уважаемый человек (как правило, это самый опытный воин, режесождь). В-четвёртых, возраст, когда мальчик мог полноценно участвовать в реальном бою, начинался с 15 лет. Различия были не столь значительны – в Японии, не было обычая перед опоясыванием мечём давать оплеуху. В Европе, перед посвящением в воины юноша должен был показать свою храбрость. В Японии такого не было. Разнился и возраст посвящения в воины – в Европе не ранее 21 года, в Японии в 5 лет, т. е. подразумевалось, что он уже воин, а всё остальное (опыт, умение) – приложится. Единственное значительное различие – отношение к мечу. В Европе он символизировал христианство, в Японии – власть императора. Но если учитывать, что японского императора почитали, как бога, то получается, что в обоих регионах меч нес дополнительную, религиозную значимость

Литература и источники

1. Ауров О. Образ жизни кастильского рыцаря XIII в. [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/aur_obrgizn.php (дата обращения: 17.04.2013 г.)
2. Коэн, Г. История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки. / Г. Коэн М.: Центрполиграф, 2010. 159 с.
3. Лавров Н. Н. Булат, дамаск, оружие / Н. Н. Лавров Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 172 с.
4. Льюис Т., Ито Т. Самураи: путь воина / Т. Льюис, Т. Ито М.: Ниола – Пресс, 2008. 208 с.
5. Нитобэ И., Норманн Ф. Японский воин / И. Нитобэ, Ф. Норманн М.: Центрполиграф, 2009. 189 с.
6. Песнь о Роланде / Перевод со старофранцузского Ю. Корнеева Ставрополь: Каисса, 1994. 206 с.
7. Руа Ж. Ж., Мишо Ж. Ф. История рыцарства. / Ж. Ж. Руа, Ж. Ф. Мишо. М.: Эксмо, 2007. 447 с.
8. Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги. / Пер. с древнескандинавского М. И. Стеблин – Каменского, О. А. Смирницкой М.: АСТ: Астрель, 2010. 858 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО КЕТСКОГО ОСТРОГА

Р. Ю. Терекоев

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Н. А. Тучкова, к.истор.н., доц.

Начало освоения русскими реки Кеть приходится на конец 16 – начало 17 вв. По мере присоединения данной территории к российскому государству был основан Кетский острог. За свою историю крепость не раз перестраивалась и переносилась с места на место и теперь перед исследователями возникает проблема с определением её первого местонахождения.

В распоряжении историков есть некоторый набор источников, содержащий сведения о Кетском остроге. Это и записки Николая Спафария; карты, составленные Семеном Ремизовым; устные сведения и архивные данные, собранные Г. Миллером, а также работы П.Н. Бучинского, посвященные истории Сибири и сибирских острогов. Но есть ли в них сведения о местонахождении первого Кетского острога? На этот вопрос я и попытаюсь ответить в своем докладе.

Перейдем непосредственно к источникам. Русский посланник Николай Спафарий, проплывший по Кети в 1675 году в своих

записках пишет: «На левой стороне старое городище, а именуется то городище старое для того, что в том месте был городок Кецкой, и от того старого городища перенесен в то место, где ныне стоит Кецкой» [1, с. 245]. Так как Спафарий дает описание каждого пункта своего следования, то можно сказать, что данное место находилось между речками Уткина и Голешиха. Однако, обращаясь к этим сведениям, нужно помнить о том, что Николай Гаврилович писал в 1675 году, а к тому времени острог был перенесен более пяти раз. То есть получается, что русский путешественник дает описание не первого Кетского острога, а лишь того, что был предшественником его современника.

На карте Семена Ремизова Кетский острог отмечен. Изображены стены, четыре башни и церковь Животворящей Троицы. Однако это тоже не первый острог. Карта была написана в 1701 гг. и содержит современные автору объекты, поэтому первый Кетский острог на ней не изображен. На ней отмечен самый поздний острог, местонахождение которого точно установлено археологами. Это 69 км. реки Кеть. Левый берег. Очевидно это тот «новый» острог, который видел Николай Спафарий.

Другой исследователь Сибири Герхард Миллер, в своей работе «Путевые описания Сибири» в разделе, посвященном реке Кеть писал, что «старое городище» – это «место на северном берегу, в 4 верстах от предыдущей деревни, где вначале стоял Кетской пока его не перенесли на нынешнее место». Стоит отметить, что эта информация была им собрана на основе «устных сообщений». Судя по контексту, указанное «старое городище» находилось между реками Чачамга и Орловка [2].

Но наиболее интересную информацию о местонахождении первого Кетского острога мы можем найти в труде Миллера «История Сибири» и труде Петра Буцинского «К истории Сибири». Оба историка были уже исследователями нового времени и их подход к исследованию был другой, более близкий к современному, поэтому их сведения наиболее ценны.

В своей работе Петр Буцинский пишет, что место первого Кетского острога находилось при реке Кети, значительно выше нынешнего села Кетского и именно в Енисейском уезде (17 в), в Урнаковой и Пумпокольской волости, приблизительно в 200 от упомянутого села. Стоит отметить, что Енисейский уезд как раз был разделен на Урнаковую и Пумпокольскую волости. И поэтому Буцинский далее уточняет, что первый Кетский острог находился именно в Урнаковой волости. И подтверждает свою

точку зрения отпиской кетского воеводы от 1634 года, в которой сказано, что служивый человек, передавая кетскому воеводе об измене тулкинцев, сообщил ему, что данную весть он услышал, когда находился, плывя в Енисейск, в Урнаковой волости, против старого кетского городища [3].

Миллер же считал, что Кетский острог первоначально находился в Пумпокольской волости. По его мнению, первоначально Кетский острог назывался Кунгопский, так как земля, на которой он был расположен, именовалась Кунгопской землей, а их население кунгопскими остяками. Кунгопская земля – это территория Пумпокольской волости. Подтверждением этой гипотезы служит отписка кетского воеводы Постника Бельского за 1605 года, в которой тот называет Кетский острог Кунгопским [4].

Как мы видим, оба исследователя видят первоначальное местонахождение Кетского острога в разных волостях Енисейского уезда: Буцинский в Урнаковой, Миллер в Пумпокольской (или Кунгопской). И вопрос о территориальных границах уезда становится принципиальным.

В чем же причина такого расхождения? На самом деле ответ находится почти на поверхности. Если предположить, что до 1605 года острог находился в Урнаковой волости, а после 1605 года в Пумпокольской, то все становится понятным. И исследователи, получается, не противоречат друг другу, а наоборот дополняют. И отписки кетских воевод только подтверждают эту гипотезу.

Как мы видим, несмотря на наличие разнообразных источников, не все они могут помочь в поисках местонахождения первого Кетского острога. И связано это с самим острогом, который по причине не очень удачного нахождения часто переносился на более выгодное место. Поэтому ни записки Николая Спафария, ни карты Семена Ремизова не могут помочь в поисках местонахождения первого Кетского острога. А работа с архивными данными, чем занимались в своё время Миллер и Буцинский, затруднена ограниченностью документов, большинство из которых было утрачено в результате пожаров.

Однако, несмотря на все это стоит отметить важность самого существования первого Кетского острога. Один из исследователей отмечал, что «в то время Кетский уезд был довольно обширный и из Кетского острога собирали ясак не только с остяков, живших по всей реки Кети, но и с Тулкиной земли. И количество ясака было огромное...» [3]. Таким образом, можно сказать, что первый Кетский острог внес значительный вклад в развитие

сибирского региона и в освоение сибирских просторов. Именно отсюда впервые были проведены земли по рекам Чулыму и Енисею, а кетские казаки были в числе первых строителей Енисейского острога. Поэтому данное исследование это не просто историческое расследование, но и в некотором смысле дань памяти тем, кто осваивал просторы Сибири.

Литература

1. Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Издательство Томского университета, 1997. 430 с.
2. Миллер Г.Ф. Путевые описания Сибири//Восточная литература [Электронный ресурс].– URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text10.phtml?id=10289 (Дата обращения: 28.04.2014).
3. Буцинский П.Н. К истории Сибири // Города и Остроги Земли Сибирской [Электронный ресурс].–URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_26_3.htm (Дата обращения: 28.04.2014).
4. Миллер Г.Ф. История Сибири // Восточная литература [Электронный ресурс].– URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_2/frameset5.htm (Дата обращения: 28.04.2014).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

ДИАГНОСТИКА УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

С. Н. Закутяева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О. Ю. Морозова, к.пед.н., доц.

Важнейшим звеном в измерении результативности обучения является его диагностика, областью изучения которой являются мониторинг образовательного процесса, диагностика учебных достижений и успешности, эффективности педагогической деятельности. Значение диагностики в педагогическом процессе в первую очередь обусловлено тем, что в её рамках, возможно выявить как «сильные», так и «слабые» стороны в обучении каждого школьника отдельно и даже самих педагогов. Также она создает условия для инновационного развития школы с учетом современных требований. Кроме того, система диагностики позволяет составлять как долговременные, так и кратковременные прогнозы развития, что дает перспективу совершенствования процессов целеполагания и планирования деятельности образовательного учреждения в целом.

В диагностику вкладывается более широкий и более глубокий смысл, чем в традиционную проверку знаний, умений школьников. Проверка лишь констатирует результаты, не объясняя их происхождения [1, с. 200]. Диагностирование рассматривает результаты в связи с путями, способами их достижения, выявляет тенденции, динамику формирования продуктов обучения [2, с. 239]. Таким образом, педагогическая диагностика призвана, во-первых, оптимизировать процесс индивидуального обучения, во-вторых, в интересах общества обеспечить правильное определение результатов обучения.

Диагностика, направленная на улучшение учебного процесса, должна ориентироваться на следующие цели:

1. внутренняя и внешняя коррекция в случае неверной оценки результатов обучения;

2. определение пробелов в обучении; подтверждение успешных результатов обучения;
3. планирование последующих этапов учебного процесса;
4. мотивация с помощью поощрения за успехи в учебе и регулирования сложности последующих шагов;
5. улучшение условий учебы [3, с. 2].

К основным компонентам диагностики обучения относят контроль, проверку, оценивание, накопление статистических данных, их анализ, выявление динамики, тенденции, прогнозирование результатов [4, с. 90].

Контроль – неотъемлемый элемент традиционного учебно-воспитательного процесса, благодаря которому реализуется обратная связь в обучении истории. Это процедура получения информации о деятельности педагогов и учащихся, её результатах, установления степени достижения целей обучения и воспитания, проверки уровня знаний, умений и навыков, развития мышления, сформированности определенных личностных качеств. К основным видам контроля относят предварительный контроль, текущий, периодический, тематический и итоговый [5, с. 5].

При контроле используются различные методы, с помощью которых определяется эффективность учебно-познавательной деятельности. В процессе преподавания истории возможно применение методов устного, письменного, практического контроля и самоконтроля. При этом устный контроль осуществляется в процессе устного опроса обучаемых. Он позволяет выявить знания обучаемых по истории, проследить логику изложения ими исторического материала, умение использовать знания для описания или объяснения процессов и происходящих событий, для выражения и доказательства своей точки зрения, для опровержения неверного мнения и т. д. Письменный контроль предполагает выполнение письменных заданий (упражнений, контрольных работ, сочинений, отчетов и т. д.). Такой метод контроля позволяет проверять знания всех обучаемых одновременно, но требует больших временных затрат на проверку письменных заданий. Практический контроль применяется для выявления сформированности умений и навыков практической работы.

Начальным моментом контроля в ходе уроков истории являются наблюдение и проверка, в процессе которых выявляется и измеряется тот материал (объем знаний по теме), который предстоит проконтролировать. В результате накапливается первичная информация, которая учитывается, а затем подвергается анализу,

синтезу, сравнению. При этом проводится оценивание этой информации с точки зрения задач контроля. Результаты оценивания словесно комментируются, а также могут быть выражены в баллах (отметках).

Педагогический контроль предполагает внешнюю обратную связь (обеспечивается педагогом) и внутреннюю обратную связь (самоконтроль, самооценка учащихся).

Реализуя свои функции (диагностическую, обучающую, воспитывающую, развивающую), педагогический контроль позволяет привести в систему учебный материал, усвоенный школьниками за определенный период; позволяет выявить успехи и недостатки в учении, определить качество усвоенного материала, его объем и степень понимания учащимися; способствует изучению педагогом учащихся; способствует расширению, углублению и закреплению знаний, умений и навыков; способствует развитию познавательных интересов; повышает ответственность учащихся и учителя за выполненную работу; приучает школьников к систематическому труду и аккуратности в выполнении учебного задания; формирует определенные нравственные и личностные качества учащихся, взаимоотношения между ними.

К организационным (общим) формам контроля относятся: индивидуальная, групповая, фронтальная и комбинированная (уплотненная) формы, а также взаимоконтроль, самоконтроль. Конкретными (по внешнему выражению) формами контроля, характерными для исторического образования в средней школе являются: урок – контрольная работа, контрольное практическое занятие, опрос, коллоквиум, экзамен в формате ГИА, ЕГЭ.

Особое значение для диагностики имеет метод тестирования, так как он является одним из основных способов организации и осуществления мониторинга в образовании. В настоящее время в ходе диагностики активно применяются тесты дидактические, тесты психологические, тесты достижений, тесты обучаемости, тесты способностей. Например, с помощью тестов достижений и дидактических тестов осуществляются: диагностика успеваемости учащихся школы за учебный период (четверть, полугодие и т. д.); диагностика качества знаний учащихся школы по предметам за учебный период; диагностика результатов деятельности педагогов школы; диагностика успеваемости класса; диагностика динамики успеваемости ученика [4, с. 16].

Важная составная часть педагогического контроля – процесс оценивания деятельности учащихся или педагогов, под которым

понимается взаимодействие педагога или технической системы с учащимися, в результате которого появляется парциальная и (или) количественная оценка. Парциальная оценка выражается в словесной форме, вербальных или невербальных реакциях учителя, отражающих эмоциональное отношение учителя к работе ученика (согласие, одобрение, ободрение, замечание, порицание, отрицание, упрек, угроза, нотация и другое). Отметка – это результат процесса оценивания, фиксированный количественный показатель (в баллах) оценки результатов учебной деятельности учащихся, который фиксируется в документах.

Основные требования к оцениванию знаний, умений и навыков учащихся: всесторонность оценки успеваемости, ее значимость и дифференцированный характер; гласность и обоснованность, ясность критериев оценки знаний; сочетание оценки учителя с самооценкой и взаимооценкой. Оценка включает в себя ряд показателей работы ученика: фактическое состояние знаний; правильность, полнота, точность знаний; знание литературы; самостоятельность; инициативность и творческий подход [4, с. 23].

Таким образом, диагностика обучения является неотъемлемой частью процесса изучения истории в школе. Показатели результативности обучения и в дальнейшем методы ее коррекции, это основная цель диагностики. Осуществляется это измерение с помощью компонентов, которые входят в диагностику, основные из которых это контроль, оценивание и в дальнейшем анализ. Эти компоненты позволяют выявлять как динамику, так и снижение уровня знаний учеников по истории, что позволяет своевременно это корректировать.

Литература

1. Ефремов О.Ю. Военная педагогика. / Под общ. Ред. Ефремова О.Ю. Учебник для вузов. Издательство: Питер, 2008. 640 с.
2. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие для вузов. М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. 365 с.
3. Кибардина Н. Ю. Методические рекомендации по разработке и оформлению контрольно-измерительных материалов. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feap-perm.com/#!hall-11/c14gd> (дата обращения: 13.04.2014)
4. Ракова Н. А.. Педагогика современной школы: Учебно-методическое пособие. Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. 215 с.
5. Телеева Е.В. Современные средства оценивания результатов обучения: учебное пособие.: Изд-во Шадрин. пединст-та, 2009. 116 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В. Н. Кокишинева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.пед.н., доц.

Выдающие педагоги разных стран на протяжении сотен лет пополняли систему образования различными дидактическими знаниями и средствами. Постепенно формировалось понимание того, что задачей образования является воспитание всесторонне развитой личности. В ней должны сочетаться знания, умения, навыки, высокие моральные и нравственные качества, культура – все то, что дает возможность не только существовать в пределах личной жизни индивидуума в обществе, но и разбираться в прошлом, объективно видеть настоящее. Жизнь постоянно требует обновление знаний и умений, которые необходимы для успешного выполнения разнообразных профессиональных и иных обязанностей. Таким образом, развитие современного общества повлияло на сферу образования, в которой стало необходимым использование такой организации воспитания и образовательной деятельности, которая могла бы с раннего детства формировать у ребенка установку на саморазвитие во всех видах его деятельности.

В литературе данная тема освещена достаточно хорошо. Широкий круг литературы и учебников, которые посвящены истории педагогики и педагогической мысли как в нашей стране, так и зарубежом. Очень интересны сами педагогические труды как, например: «Школа и общество» Дж. Дьюи, «Школа действия» В.А. Лайя, «Педагогика основанная на познании человека» Р. Штайнера, «Помоги мне это сделать самому» М. Монтессори, которые содержат необходимую информацию о методике и принципах работы предлагаемых систем обучения. В России, прежде всего, большее внимание уделяется вопросам государственного реформирования системы образования, которые отражены в трудах под редакцией А.И. Пискунова «История педагогики и образования» и А.П.Беликовой «История образования и педагогической мысли»,

В общественной педагогической мысли России на рубеже XIX–XX вв. можно выделить три крупные тенденции, в русле которых развивались взгляды на воспитание и образование [1, с. 169]. Первая тенденция заключалась в развитии классической педагогики девятнадцатого столетия. Ее представителями были К.В. Ельницкий, П.Ф. Каптерев и др. Представителя второй тенденции были И.С. Андриевский, Н.А. Бердяев, П.В. Вахтеров, И.Х. Вессель,

В.В. Зеньковский, В.В. Розанов, которые были за философское осмысление проблем воспитания и образования. Третье идейное направление было сходно с реформаторской педагогической мысли Запада – К.Н. Венцель, В.А. Воккович, В.В. Горневский, П.Ф. Лесгафт, А.П. Нечаев, Г.И. Россолимо, И.А. Сикорский, Г.Я. Трошин и др. [1, с. 170].

Возникновение экспериментальной педагогики в России относится к 1980–1990 гг. XIX в. В 1901 г. в Петербурге открылась первая лаборатория экспериментальной педагогики. Затем аналогичные лаборатории открылись еще в 9 городах страны. Состоялись съезды по этому направлению. Один из первых представителей данного направления педагогики был И.А. Сикорский (1842–1919). Он провел исследования утомляемости школьников от умственной работы [1, с. 368]. Г.И. Челпанов (1861–1936) изучал познавательскую деятельность ученика, которая проявляется в его обучаемости и приобретении ассоциативных связей.

Экспериментальная педагогика по новому подошла к решению важных проблем эмоционального развития и воспитания. К ведущим педагогам в данной области можно отнести: И.А. Сикорского, П.Ф. Лесгафт, А.Ф. Лазурский и др.

Так И.А. Сикорский предложил строгую программу воспитания чувств в порядке их усложнения, начиная с детского возраста до юношеского. При этом, на особое место ставя формирование высших чувств – интеллектуальных, нравственных, эстетических. В их совершенствовании виделся залог здоровья общества и отдельного человека [2].

П.Ф. Лесгафт (1837–1909) считал, что идеально воспитанный человек прежде всего разумен и мудр. Такой человек, по его мнению, осознает последствия своих действий и отношений к другому лицу. Лесгафт оставил труд по истории и теории физического воспитания школьников, где изложил принципы воспитания: естественность, сознательность при выполнении задания или упражнения, постепенность и последовательность [3].

А.Ф. Лазурский (1874–1917) предложил типологию личностей, где намечались педагогические принципы взаимодействия ученика и учителя на началах гуманизма, признавая общечеловеческие качества ребенка [4]. Он разработал метод, который предполагает изучение личности в специально выбираемых или моделируемых исследователем педагогических условиях. Этот метод давал возможность учитывать особенности проявления психологических способностей ребенка в различных видах учебной деятельности,

это позволяет корректировать и варьировать условия обучения в соответствии с индивидуальными особенностями ученика [4].

Особое внимание воспитанию нравственных чувств детей уделял А.П. Нечаев (1870–1948). Он считал, что чувства получают название нравственных лишь тогда, когда они соединяются с суждениями о нравственной ценности того или иного явления. А.П. Нечаев показал принципиальное различие между психологическими и педагогическими способами исследования личности ребенка. В 1901 г. он основал при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге лабораторию экспериментальной педагогической мысли, в 1904 г. педагогические мысли, которые стали центрами экспериментальных психолого-педагогических исследований получили известность среди психологов и педагогов. В 1909 г. при его содействии было создано Общество экспериментальной педагогики [6].

В начале XX века отечественной педагогикой были выдвинуты новые версии свободного воспитания, которые возникли под влиянием идей Л.Н. Толстого и западных представителей.

К.Н. Вентцель (1857–1947) выделял целью воспитания выработку в детях свободной творческой нравственности, а не стадной и массовой [6]. Он обосновывал независимость воспитания и школы от каких-либо общественных и государственных предписаний, полагая, что дети сами должны искать и формировать духовные ценности. Подчеркивая независимость педагогики, Вентцель говорил о некоем космическом воспитании, где основой выступает естественное единство воспитываемой личности с жизнью всего беспредельного космоса. Он настаивал на организации учебно-воспитательных учреждениях, где детям предоставлена полная свобода самостоятельного развития, не стесненная заранее намеченными планами и программами.

Особое место в самостоятельном творчестве ребенка отводилось ручному труду. Отвергая авторитарное воспитание, он противопоставлял ему педагогическую систему, где ребенок и воспитатель образуют маленькое общество, которое тем совершеннее, чем ближе к соединению на равных началах [6].

Таким образом, образование и педагогика в России на рубеже XIX–XX веков находилась на очередном этапе развития, который характеризовался резким нарастанием внутреннего социального напряжения, в условиях революционного взрыва, что оставило значительный след в образовании и педагогической мысли и привело к резкой политизации педагогических проблем.

Литература

1. Джуринский А.Н. История педагогики. М., 1999.
2. Беликов А.Н. История образования и педагогической мысли. М., 2001.
3. Джуринский А.Н. История образования и педагогической мысли. М., 2006.
4. История педагогики и образования. М., 2001.
5. Романов А.А., Нечаев А.П. У истоков экспериментальной педагогики. М., 1996.
6. Вентцель К.Н. Идеальная школа будущего и способы ее существования // Хрестоматия. История отечественного образования. Омск, 2000.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Д. А. Попцов

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О. Ю. Морозова, к.пед.наук, доц.

Задолго до того, как игра стала предметом научных исследований, она широко использовалась в качестве одного из важнейших средств воспитания детей. Об игровой деятельности и её влиянии на ребёнка задумывались ещё античные авторы. Например, Платон был убеждён, что необходимо вкладывать игру в воспитание подрастающего поколения, готовя его, таким образом, к серьёзной деятельности. При этом он полагал, что игры должны строго регламентироваться и контролироваться государством. Среди игр Платон выделял спортивные праздники, приятные игры и забавы, религиозные действия, сезонные праздники, праздники посвящённые искусству. Однако, место и роль игр в воспитании детей, в «Диалогах» Платона, слабо выражена [1]. Можно предположить, что всю специфику понимания игры в Древней Греции выразил Аристотель, который говорил об игре, прежде всего, как о развлечении. Тем не менее, если же взглянуть на античный мир с точки зрения «концепции игры» Й. Хёйзинги, то можно заметить, что игра в Древней Греции служила тем особенным первоначалом, что порождало всю её культуру, так или иначе, влияла на механизмы социализации и адаптации, не только детей, но и взрослых [2].

Пожалуй, впервые об игре как о серьёзном элементе воспитания заговорили философы эпохи просвещения. Наибольшее влияние на трактовку педагогических функций игры оказали взгляды Ж.Ж. Руссо. Он исходил из признания природы ребёнка совершенной, самой по себе позитивной, считал, что лучшие задатки и черты в человеке искажаются с детского возраста, подавляются

несправедливо устроенным обществом, в котором царят социальное неравенство, деспотизм, порабощение человеком человека. Ж. Руссо пришёл к идее воспитания ребёнка в свободе, то есть в полном соответствии с его природой, что бы понять и узнать которую, «необходимо наблюдать за игрой» ребёнка, познать его экспрессивный мир. Во время игры, по мнению Ж. Руссо ребёнок учиться, самостоятельно мыслить, опираясь на собственный опыт, и вырабатывая свои основы жизненных принципов и нравственных устоев [3].

Противоположную картину мы можем увидеть в современном обществе, где продуктивное обучение путём «зубрёжки» материала и механического заучивания отрицательно сказывается на развитии творческих способностей детей, в которых по большому счёту свобода и выражается. Всё это приводит к тому, что положительная мотивация ученика к процессу учения меняется на противоположную. Это, в свою очередь, сказывается и на развитии личности ребёнка, формировании его различного рода мотиваций.

Использование же игровых технологий создаёт в обучении неформальную обстановку, способствует развитию познавательного интереса, формированию прочных и глубоких знаний, развивает интеллектуальную и эмоциональную сферу учащихся. Как отмечал Д. Б. Эльконин: «В отличие от взрослых, для которых естественной средой общения является язык, естественной средой общения для ребёнка является игра и разнообразная деятельность» [4, с. 8].

В ходе игры учебная цель перед детьми встаёт в виде игровой задачи, что, если следовать логике Эльконина Д. Б., упрощает её понимание. Практика же показывает, что игра на уроке – это занятие серьёзное. Методически верно реализованная игра, особенно ролевая, требует от её участников активной познавательной деятельности не только на уровне воспроизведения или преобразования, но и на уровне творческого поиска, способствует сотрудничеству учителя и учеников в процессе обучения. Тот же Д. Эльконин отмечал, что: «Игра для детей – способ научиться тому, чему их ни кто не может научить. Это способ исследования и ориентации в реальном мире, пространстве и времени, вещах, животных, структурах, людях» [4, с. 8], психолог А.Н. Лук пишет, что в игре подростку «удаётся прыгнуть выше себя самого на некоторое время стать умнее, смелее, благороднее, справедливее» [5, с. 64]. Чтобы это действительно было так, для проведения любой игры нужна

и важна подготовка, прежде всего, ответственный подход самого учителя, который готовит вопросы и задания к игре, раздаточный материал. Каждая игра должна иметь свою оригинальность, неповторимость, учителя должны избегать повторения и схематичности, что бы игра ни стала скучным действием.

В отличие от работы, которая имеет определённую цель и направлена на выполнение какого-то определённого задания путём приспособления к требованиям непосредственного окружения, игра внутренне сложна, не зависит от поощрения извне и приводит внешний мир в соответствии с имеющимися у ребёнка представлениями.

Главным достоинством игры, которое разделяют с ней все игровые моделирующие упражнения, является то, что она в высокой степени мотивирует учеников и обеспечивает им простую, непосредственную и быструю обратную связь относительно последствий их действий. При хорошей организации и проведении игры она нравится ученикам, так как они втягиваются в неё и долго о ней вспоминают, когда уже забыты многие другие знания, которые они приобрели иными способами. Мотивирующий аспект игры и моделирования является стрессовым, поскольку в игре мотивов гораздо больше, чем в обычной учебной деятельности. Л. П. Борзова, исследуя мотивы участия школьников в играх на уроках истории, обращает внимание на то, что: «Некоторые подражки участвуют в играх, что бы реализовать свои потенциальные возможности и способности, не находящие выхода в других видах учебной деятельности. Другие – чтобы получить высокую оценку, третьи – чтобы показать себя перед коллективом, четвёртые решают свои коммуникативные проблемы и т.п.» [6, с. 23].

Применение в учебном познании игровых технологий стимулирует развитие всех сфер личности учащихся – потребностно-мотивационной, интеллектуальной, эмоционально-волевой, коммуникативной, деятельностной, морально-нравственной. В игре активизируются и актуализируются психические процессы субъектов игровой деятельности: внимание, память, восприятие и мышление. Игра по своей природе синтетична, она востребует рациональную, иррациональную, интеллектуальную и эмоциональную сферы ребёнка. Обладая свободным характером, игра в непринуждённой, ненавязчивой форме, произвольно способствует освоению знаний, пониманию фактов и событий, процессов, приобретению умений, навыков, способов творческой деятельности. Игра эмоциональна по своей природе и потому спо-

собна оживить и придать интерес любой информации, сделать её запоминающейся для ученика.

А.Я. Гуревич справедливо заметил, что: «Умело организованная игра позволяет задействовать в учебных целях энергию, которую школьники расходуют на «подпольную» игровую деятельность. Последняя ведётся на уроках всех преподавателей. <...> При этом, если педагог войной пошёл на такие игры своих учеников, он сам же ставит их в роль «подпольщиков», – и тогда найдите для подростка более привлекательную игру! Ни лучше ли использовать игровую энергию учеников в мирных целях? Направив этот интерес и эту активность в нужное русло, учитель может извлечь из них немалую педагогическую пользу» [7].

Другой видный педагог В.М. Букатов в одной из своих статей как-то отмечал, что: «Овладение знаниями в игре – новое, уникальное условие сплачивания сверстников, условие приобретения интереса и уважения друг к другу, а по ходу – и приобретение себя» [8, с. 38]. Иными словами В. Букатов обнаружил в игре огромный пласт коммуникации и взаимодействия учеников, метод их психологической коррекции на уровне класса, что отвечает многим задачам воспитания в целом.

Однако даже при таком количестве плюсов использования игры в учебном процессе, игра как таковая редко встречается в арсенале того или иного учителя, а следовательно и на самих уроках. Причиной этому служат множество факторов: во-первых, не до конца изучена и построена концепция диагностики и оценивания игровой деятельности; во-вторых, большинство педагогов слабо знакомы с игровыми технологиями, из-за однобокого понимания теории ведущей деятельности, где предпочтение игре отдаётся лишь в дошкольном возрасте. Алексеев Н.М. в одной из своих статей заметил, что игра для детей – это способ познания мира и своего места в нём, а потому, она необходима для развития личности ребёнка. Однако распространённое мнение, что потребность в игре отпадает с взрослением – ошибочно. Это заблуждение становится особенно ярко выраженным в том случае, когда мы определяем игру как любую деятельность, цель которой – сама эта деятельность. При таком подходе к играм, в которые играют большинство взрослых, относятся и театр, и кино, и политика, и многое, многое другое [9].

В-третьих, еще одним фактором является сложность и «одноразовость» игры, так как за игрой как формой урока стоит большой объём работы учителя и учеников, который нередко

оборачивается неудачей в организаторском и результативном плане. Наконец, к сложности построения игровых технологий можно отнести большое количество возрастных особенностей учеников, которые игра не в силах учитывать и сочетать. Также, по мнению ряда исследователей, большинство учителей не готовы устраивать «эмоциональный праздник» для своих подопечных, поскольку понимают что: «Руководство игровой деятельностью должно включать в себя заботу о том, чтобы дети получали максимум радости, наслаждение, удовольствие, то есть не подходить к игре сугубо прагматически (что ребёнок узнал, что закрепил, чему научился), а содействовать ощущению радости детства <...>» [10, с. 63].

Из современного сопоставления состояния методики обучения истории и взглядов философов, педагогов, психологов на функции игры в обучении и воспитании ребёнка вытекает основное противоречие между потребностями современной методики обучения истории в освоении инновационных технологий и традиционной системой преподавания, которое конкретизируется в частных противоречиях: во-первых, между когнитивно-ориентированным массовым обучением и потребностью в личностно-ориентированном образовании; во вторых, между традиционной методикой преподавания истории, нацеленной на получение, запоминание и последующие воспроизведение знаний, преподаваемых в готовом виде, и потребностью в развитии личности ребёнка, реализующего свои творческие потребности. И, в-третьих, между авторитарным характером обучения, направленным на развитие внешней мотивации, и потребностью развития личности ученика, обладающего внутренней мотивацией и нравственно-волевой регуляцией познавательных мотивов.

Таким образом, при той огромной мотивационной и познавательной роли, которую могли бы представлять игровые технологии на уроках истории, они занимают место «аутсайдера» в методических приёмах большинства учителей, что определяется отсутствием чётко устоявшихся теоретико-методологических основ игры и её практики применения. Однако эффективность игры не вызывает сомнения, выше перечисленные достоинства игровых технологий позволяют говорить о превращении их в ведущий метод обучения, по крайней мере на отдельных уроках, для усвоения конкретного исторического материала. Частота периодичности использования игры на уроках истории должна возрасти, поскольку специфика предмета, его содержание, предрасполагает к творческой деятельности учеников, которая легче всего будет

ложиться на исторический материал и находить пути реализации через игру.

Литература

1. Курдыбайло Д.С. О диалектики игры в диалогах Платона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool5/05-Kurdybaylo.htm> (Дата обращения 05.04.14)
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс Традиция, 1997. 345 с.
3. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или о воспитании [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/12.php (Дата обращения 05.04.14)
4. Эльконин Д.Б. Психология игры М.: Владос, 1999. 360 с.
5. Лук А.Н. Эмоции и чувства М.: АН СССР. 1972. 126 с.
6. Борзова Л.П. Игры на уроках истории М.: Владос-пресс. 2003. 160 с.
7. Гуревич А.Я. История конца 20 века. В поисках метода [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gurev/ist_kon.php (Дата обращения 05.04.14)
8. Букатов В. М. Педагогические тайнства дидактических игр // Преподавание истории в школе. 1997. №3. С.34–45.
9. Алексеев Н.М. Игры на уроках истории // Преподавание истории в школе. 1994. №.4. С.27–34.
10. Газман О.С. Роль игры в формировании личности школьника // Советская педагогика. 1982. № 9. С. 63–78.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА В 1990–2000 ГГ.

Т. Ш. Амиров

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия,
Таджикистан*

Научный руководитель: О. Н. Мухин, к. истор. н., доц.

Сам факт появления СНГ вызвал опасение в Европе относительно возрождения в той или иной форме нового Советского Союза. Особое подозрение вызывали миротворческие функции России на пространстве СНГ. Однако, ни ведущие страны Европы, ни США не высказывали ни малейшего желания участвовать в решении многочисленных проблем на территории бывшего СССР, в то время, как Россия не могла позволить себе стоять в стороне и наблюдать за тем, что происходит в Таджикистане и других «горячих точках».

Руководство Российской Федерации рассматривает пространство Центральной Азии, в том числе, Республику Таджикистан, как зону своих «национальных интересов», защита которых подразумевает использование всех доступных инструментов государственной политики. Это обусловлено, прежде всего, наличием сырьевого и гидроэнергетического потенциала государств Центральной Азии, их выгодным геополитическим расположением. Другим стратегическим интересом политики России в Таджикистане, является обеспечение безопасности в регионе, которая связана со стабилизацией ситуации в Афганистане и пограничной зоны Центральной Азии, в том числе Таджикистан, с борьбой против распространения терроризма, экстремизма и организованной преступности. Республика Таджикистан играет ключевую роль в противодействии вышеуказанным угрозам. Российская Федерация широко внедряет свои военно-политические программы в Республике Таджикистан для укрепления страны. Однако это не является единственным средством в спектре внешнеполитических возможностей Российской Федерации. Наряду с военно-технической составляющей, Москва также использует дипломатические, социально-экономические и научно образовательные возможности для

укрепления в Таджикистане. Решение на использование того или иного инструмента во внешней политике принимает российское руководство исходя из собственных национальных интересов.

После распада СССР Таджикистан стал суверенным государством, и мир признал Таджикистан как молодое государство. Его целью, в первую очередь, является создание мощного социально-экономического развития, но прежде всего, государству нужно сформировать армию и мощную военную силу. Говоря об особенностях развития военного сотрудничества России и Таджикистана в 1990–2000 гг., можно выделить следующие пятое направлений.

Первое направление характеризует договор между Правительством РФ и РТ в военной области, подписанный в Москве 25 мая 1993 года в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и таджикском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Данный договор говорит о том, что стороны будут сотрудничать в военной области с учетом принятых в обеих государствах решений о создании собственных вооруженных сил. При этом они исходят из того, что формирование собственных вооруженных сил посредством реформирования Вооруженных Сил бывшего Союза ССР требует для решения всех вопросов на взаимоприемлемой основе переходного периода, в течение которого будет завершено создание собственных вооруженных сил сторон, определен статус всех воинских формирований и военных объектов на территориях Сторон [1].

Второе направление включает финансовое обеспечение воинских вооруженных сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан и отражено в соглашении между правительством РФ и РТ (дата подписания 25.05.1993 г.), до сих пор имеющем свою силу. Согласно статье 1 соглашения стороны будут финансировать все воинские формирования Вооруженных Сил Российской Федерации, находящиеся на территории Республики Таджикистан, на долевых началах [2].

Третье направление охватывает военно-медицинскую помощь военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистана. Соглашение об этом подписано 25.05.1993 г. В первой статье данного соглашения говорится о том, что все виды медицинской помощи военнослужащим воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан, оказываются в военно-лечебных учреждениях Вооруженных Сил Российской Федерации, независимо от их подчиненности, бесплатно.

При отсутствии по месту службы или проживания военнослужащих военно-лечебных учреждений, а также в неотложных случаях медицинская помощь военнослужащим оказывается в гражданских учреждениях здравоохранения Республики Таджикистан, также бесплатно [3].

Четвертое направление – военно-техническое сотрудничество между обеими странами, принципы которого прописаны в соглашении, подписанном 27.01.1994 г. Военно-техническое сотрудничество выполняется через уполномоченные органы государственного управления и подразумевает принятие мер к осуществлению взаимовыгодного двустороннего военно-технического сотрудничества по следующим направлениям:

- сохранение и развитие сложившихся кооперированных связей при разработке и производстве военной продукции;
- осуществление взаимных поставок военной продукции;
- предоставление услуг военного назначения.

С этой целью каждая из сторон в соответствии со своим национальным законодательством обеспечит создание необходимых организационных, правовых и иных условий для заключения между уполномоченными хозяйствующими субъектами внешне-торговых контрактов по указанным направлениям военно-технического сотрудничества [4].

Пятое направление связано со статусом главного военного советника при министре обороны РТ. Для руководства деятельностью российских военных советников и специалистов в Республике Таджикистан, а также оказания помощи руководству Вооруженных Сил Республики Таджикистан по вопросам укрепления армии и повышения ее боеготовности аккредитуется главный военный советник при Министре обороны Республики Таджикистан. Главный военный советник и сотрудники его аппарата при решении вопросов, связанных с осуществлением служебной деятельности, и вопросов жизнедеятельности могут непосредственно обращаться в организации Республики Таджикистан, в чьей компетенции находится решение этих вопросов [5].

Таким образом, анализ пятое направлений развития военного сотрудничества России и Таджикистана показывает, что, получив свое юридическое и дипломатическое оформление в 90-е гг. прошлого века, они вполне успешно развиваются. Основой развития отношений двух сторон являются договоры и соглашения, обязательные к исполнению и сегодня. Помехой не стала даже гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг. Помимо оха-

рактизованных выше документов, существует еще целый ряд примеров взаимной заинтересованности двух стран в развитии сотрудничества. В апреле 1999 г. Президент Таджикистан Эмомали Роҳмон посетил с официальным визитом Москву, в результате чего был подписан Договор о союзническом взаимодействии между РФ и РТ, обращенном в XXI век, на основе Договора пребывания о статусе и условиях российской военной базы на территории Таджикистан. В связи с этим положением также подписано Соглашение о передаче в собственность России оптико-электронного узла «Нурек» (системы контроля космического пространства). Новый формат получило сотрудничество между двумя странами по пограничным вопросам в военно-технической сфере. Показательно, что срок бесплатного пребывания 201-й российской военной базы на территории Таджикистана продлен до 2042 г.

Источники

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области. 25.05.1993. [Электронный ресурс]. – URL: www.mid.ru/spd_md.ns.../twowebcantr?openview., Дата обращения: 04.12.2013.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о финансовом обеспечении воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан, на переходный период. 17.11.1993. 1993 [Электронный ресурс]. – URL: www.mid.ru/spd_md.ns.../twowebcantr?openview., Дата обращения: 04.12.2013.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о медицинском обеспечении военнослужащих и гражданского персонала воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан, членов их семей на переходный период., 17.11.1993. 1993 [Электронный ресурс]. – URL: www.mid.ru/spd_md.ns.../twowebcantr?openview., Дата обращения: 04.12.2013.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о военно-техническом сотрудничестве. 09.07.2001. 1993 [Электронный ресурс]. – URL: www.mid.ru/spd_md.ns.../twowebcantr?openview., Дата обращения: 04.12.2013.

МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В 1930–50-Х ГГ.

И. Ю. Артюхова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать – будь то один человек или миллионы. Годы политических репрессий в СССР – одна из самых страшных страниц в истории России. Было проведено столько политических процессов и репрессий, что еще долгие годы историки не смогут восстановить все детали картины этой эпохи. Эти годы обошлись стране в миллионы необоснованных человеческих жертв, причем жертвами, как правило, становились талантливые люди, технические специалисты, руководители, ученые, писатели, интеллигенция. «Цена» борьбы за «счастливое будущее» коммунизма становилась всё выше. Руководство страны стремилось избавиться от всех свободно мыслящих людей. Проводя один процесс за другим, государственные органы фактически обезглавили страну. Террор охватывал без разбора все регионы, все республики. В расстрельных списках были фамилии русских, евреев, украинцев, грузин и других представителей, больших и малых народов страны. Политические репрессии отложили огромный отпечаток на Российскую историю, принесли очень много бед людям, заставляя их страдать [1. с. 1–5].

Этот период Сталинского главенства историки оценивают по-разному. Одни из них называют это «черным пятном в истории», другие – необходимой мерой для укрепления и возрастания могущества Советского государства. На сегодняшний момент политические репрессии являются одной из актуальных тем, так как они коснулись наших родных и близких и очень многих других жителей нашей страны. Эта проблема стала настолько актуальна, что её изучением стали заниматься многие писатели, такие как: Солженицын в своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ» описывал репрессии, Андреевский «Я выбираю мертвых», «Левый берег» Варлам Шаламов. Произведение «Сколько стоит человек» Евфросинии Антоновны Керсновской и многие другие. Все эти писатели прошли через узы того времени, каждый из них испытал те страшные муки и ужасы. И потом спустя несколько лет они изобразили это в своих произведениях. Каждый из них считал, что репрессии принесли только горечь и боль людям.

Как говорит история начало репрессиям положили некоторые причины: проведение политики коллективизации сельского хозяйства, индустриализации, а также укрепление власти Сталина. Большевики во главе со Сталиным главной своей задачей поставили создать современную промышленность и индустриальное общество. Сталин считал, что основные затраты должны были

быть направлены на развитие тяжелой промышленности. И по его мнению она начала свое развитие, все стало увеличиваться в два раза. Эти ускоренные темпы развития привели к экономическому кризису в 1929, в результате чего еще более повысили уровень темпа развития. Были поставлены трудно выполнимые задачи и для выполнения этих напряженных планов были резко увеличены планы коллективизации. Началось ускоренное строительство, и в результате получалось, что одни отрасли вырывались вперед, а другие отставали. В экономике воцарился настоящий хаос.

Таким образом, индустриальный рывок дорого обошелся стране – доля накопления превысила треть национального дохода. При этом индустриализация требовала огромных затрат, но Сталин понимал, что крестьян будет трудно заставить отдавать хлеб для нужд индустриализации. Поэтому было решено сделать крестьян работниками крупных хозяйств (колхозов), полностью подчиненных государству. Стремительное возведение гигантов индустрии и проведение политики коллективизации привело к разорению остального хозяйства и к массовым политическим репрессиям [2, с. 35–50].

Негативные моменты социально-экономической политики Советского государства в 1930 гг. стали одной из главных причин применения властью репрессивных мер для выхода страны из тяжелого положения. В это время правящая партия – ВКП (б) и органы госбезопасности ОГПУ – НКВД СССР являлись основными инструментами в проведении массовых репрессий. НКВД, ВКП (б), оказались главными исполнителями массовых политических репрессий 1930-х годов. Одно из направлений государственной политики, которым занялись эти органы, стало раскулачивание, предполагавшее насильственное и бессудное лишение зажиточных крестьян, использующих наёмный труд, всех средств производства, земли и гражданских прав, и выселение в отдалённые районы страны.

Таким образом, государство уничтожало основную социальную группу сельского населения, способную организовать и материально поддержать сопротивление проводившимся мероприятиям. Попасть в списки кулаков, составлявшиеся на местах, мог практически любой крестьянин. Масштабы сопротивления коллективизации были такими, что захватили далеко не только кулаков, но и многих середняков, противившихся коллективизации. Идеологической особенностью этого периода стало широкое применение термина «подкулачник», что позволяло репрессировать вообще любое крестьянское население, вплоть до батраков.

Протесты крестьян против коллективизации, против высоких налогов и принудительного изъятия «излишков» зерна выражались в его укрывательстве, поджогах и даже убийствах сельских партийных и советских активистов, что расценивалось государством как проявление «кулацкой контрреволюции». 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению, кулаки были разделены на три категории:

первая категория – контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний;

вторая категория – часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиководнако, не занимающихся открытой борьбой с советской властью;

третья категория – остальные кулаки.

Главы кулацких семей 1-й категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП (б) и прокуратуры. Члены семей кулаков 1-й категории и кулаки 2-й категории подлежали выселению в отдалённые местности СССР или отдалённые районы данной области на спецпоселение. Кулаки, отнесённые к 3-й категории, расселялись в пределах района на новых землях, которые были специально отведены для них за пределами колхозов. 2 февраля 1930 года издается приказ ОГПУ СССР № 44/21, который предусматривал немедленную ликвидацию «контрреволюционного кулацкого актива». Согласно этому приказу семьи арестованных, заключённых в концлагеря или приговоренные к расстрелу, подлежали высылке в отдалённые северные районы СССР. Приказ предусматривал также и массовое выселение наиболее богатых кулаков, а также их семей в отдалённые северные районы СССР.

Совместно с проведением политики коллективизации, которая привела к раскулачиванию, проводилась также индустриализация, которая требовала не только вложения огромных средств, но и создания многочисленных технических кадров. Основную массу рабочих составляли вчерашние неграмотные крестьяне, которых также подвергли репрессиям. Кроме простых рабочих, духовенство, люди свободных профессий, мелкие предприниматели, торговцы и ремесленники оказались жертвами «антикапиталистической революции», начатой в 30-е годы. Таким образом и рабочий класс подвергся репрессиям. За четыре года, с 1928 по 1931 год, 138 000

специалистов промышленности и управленческого аппарата оказались исключенными из жизни общества, 23 000 из них были списаны по первой категории и лишены гражданских прав. Травля специалистов приняла огромные размеры на предприятиях, где их заставляли необоснованно увеличивать выпуск продукции, отчего росло число несчастных случаев, брака, поломок машин. С января 1930 до июня 1931 года 48% инженеров Донбасса были уволены или арестованы. Выдвижение целей, которые заведомо не могут быть достигнуты, приведшее к невыполнению планов, сильному падению производительности труда и рабочей дисциплины, к полному игнорированию экономических законов, закончилось тем, что надолго расстроило работу предприятий.

В январе 1930 года власти начали кампанию по искоренению «частного предпринимательства». Эта операция была направлена против торговцев, ремесленников, а также многих представителей свободных профессий, в целом их было зафиксировано около полутора миллионов. Во времена НЭПа они весьма мирно трудились в «частном секторе». Эти предприниматели, частный капитал которых в торговле не превышал 1000 рублей, были мгновенно лишены возможности продолжать свою деятельность из-за увеличения налогообложения в десять раз. Они подверглись конфискации имущества, были лишены всех гражданских прав. В 1929–1930 годах их лишили права на жилье, на медицинское обслуживание и на продуктовые карточки.

Но чуть ли не самым главным в принятии репрессивных мер для отчисти городов от «социально чуждых элементов» стало введение 27 декабря 1932 года внутригосударственного паспорта. Паспортизация населения отвечала многим целям: способствовала ограничению проникновения кулаков в города, а также их рыночной деятельности, ограничению исхода сельского населения, сохранению чистоты городов. В течение 1933 года было выдано 27 миллионов паспортов, при этом паспортизация сопровождалась чисткой городов от нежелательных категорий населения.

Весной 1934 года правительство предпринимает репрессивные меры в отношении малолетних беспризорников и хулиганов. 7 апреля 1935 года Политбюро издало указ, в соответствии с которыми предусматривалось «привлекать к суду и применять необходимые по закону санкции к подросткам, достигшим 12 лет, уличенным в грабежах, насилии, нанесении телесных повреждений, членовредительстве и убийствах». Спустя несколько дней правительство направило в прокуратуру секретную инструкцию,

где уточнялись уголовные меры, которые следует применять в отношении подростков, в частности, там было сказано, что следует применять любые меры, включая смертную казнь, которая позже была отменена [3, с. 135–146].

Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. В 1936–38 гг. состоялись 3 больших открытых процесса над бывшими высшими деятелями ВКП (б), которые в 1920 г. были связаны с Троцкистской или правой оппозицией. Именно эти процессы были названы московскими. Этим деятелям вменялось в вину:

1. Соотрудничество с западными разведками с целью убийства Сталина и других советских лидеров.
2. Роспуск СССР и восстановление капитализма.
3. Организация вредительства в разных отраслях экономики.

Первый Московский процесс состоялся над 16 членами Троцкистско-Зиновьевского террористического центра в августе 1936 г. Основные обвиняемые Зиновьев и Каменев. Их обвинили в убийстве Кирова в 1934 г. и в заговоре против Сталина.

Второй Московский процесс – Дело Параллельного Анти-советского Троцкистского центра в январе 1937 г. Этот процесс состоялся над 17 менее крупными руководителями такими как: Радек, Пятаков, Сокольников и т. д. Тринадцать из них были расстреляны, остальных отправили в лагерь.

Третий Московский процесс – 2–13.03.1938 г. Правотроцкистский блок в котором осудили 21 члена. Они были обвинены в правом уклоне, в оппозиции курса Сталина. Дополнительно их еще обвинил Егода в измене Родине, шпионаже, терроре, подрыве военной мощи СССР.

Но все они признали свою вину т.к. были сломлены пытками, их семьи стали заложниками и не хотели идти против партии, считали что их гибель будет полезна для построения социализма. В 1937 г. суд приговорил всех к смерти, но в 1988 г. все осужденные были реабилитированы, кроме Егоды [4, с. 10–23]. Пик массовых репрессий приходится на 1937 г., когда наркомом Внутренних дел стал Ежов – «Большой террор», когда было расстреляно 700 тыс. человек, а в тюрьмы и лагеря заключены 3млн. В этом же 1937 г. подверглись репрессиям 9 крупных советских военачальников – «Дело Тухачевского». Их обвинили в подготовке террористических актов против ЦК ВКП (б) и правительства, в подготовке насильственного захвата власти в СССР и убийства Сталина. По

обвинению прошли Маршалл Тухачевский, Якир, Уборевич и др. В 1957 г. всех реабилитировали, признали невиновными. Дело Тухачевского привело к массовым репрессиям в РККА 1937–38 гг. К сигналу прекращения массовых репрессий стало постановление ЦК и правительства «об арестах, прокурорском надзоре и ведение следствия». Вся ответственность была переложена на Ежова, который в 1940 расстреляли. В 1938 новым наркомом внутренних дел был назначен Берия, который начинает свою деятельность с амнистий.

Последствия

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. имели для жизни общества и государства серьезные негативные последствия

1. Террор нанес огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подвергались сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науку, культуру. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы. В красной армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров.

2. В годы большого террора была опробована политика массового насильственного переселения. Первыми её жертвами стали корейцы, а в последующие годы десятки депортированных народов.

3. Политический террор имел ярко выраженный экономический аспект. Все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить в среднем 700 предприятий в год.

4. В 1920–1950 гг. через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек. Только в 1930-х годах в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн. человек, осужденных по политическим мотивам.

5. Субкультура уголовного мира, его ценности, язык были навязаны обществу. Оно вынуждено было жить не по закону, а по понятиям, не по христианским заповедям, а по лживым коммунистическим постулатам.

6. **Ослабление обороноспособности страны, разлом советской разведки** и контрразведки, и репрессии против высшего руководства РККА [5. С. 362].

В 1956 г. состоялся двадцатый съезд КПСС, на котором началось восстановление справедливости, велось оно непоследовательно,

и по существу, прекратилось во второй половине 60-х годов. Но все же на 20 съезде на Сталина и Берию была возложена личная причастность к массовым репрессиям, жестким пытка заключенных, хотя во всех этих репрессиях была виновата вся политическая система тоталитарного режима.

Литература

1. Лысков Д. Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века, 2009. 288 с.
2. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. с. 35–50.
3. Араловец Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. с. 135–146.
4. Гинцберг А. И. Московские процессы 1936–1938 гг // Новая и новейшая история. 1991. № 6. с. 10–23.
5. Литвин А. К. Российская историография большого террора / А. К. Литвин – СПб.: Лань, 2004. 362 с.

ШАПКА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА КАК СИМВОЛ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Е. Бондаренко

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к. и. н., доц.

*«Тяжела ты, шапка Мономаха!»
А. С. Пушкин*

Россия – огромная страна, могучее государство, в котором до начала XX века правили монархи. Образ царя, монарха, без сомнения, ассоциировался у народа с приближенным к Богу, именно поэтому его называли «Помазанником Божиим». Обязательными атрибутами царской власти во все времена являлись скипетр, держава, и безусловно, легендарная Шапка Мономаха, ставшая одним из главных символов царской самодержавной власти России. О тайне её появления историки спорят до сих пор. Н.В. Синецкая, Н.В. Жилина, Г.Ф. Валеева – Сулейманова – все они предпринимали попытки более детального изучения Шапки Мономаха. Однако, многочисленные легенды и загадки об этом атрибуте власти не позволили им сойтись в едином мнении о возникновении данного головного убора.

Шапка Мономаха – символ самодержавной русской власти, входившая в состав Большого наряда вместе с царскими регалиями, такими как скипетр, держава, кафтан и другие предметы одежды [1]. Шапка Мономаха надевалась царём только в день венчания на царство, всё остальное время он ходил в специальном «царском венце» (шлеме) [2].

Стоит отметить, что о появлении Шапки Мономаха на Руси существует несколько версий. Например, некоторые учёные утверждают, что она появилась благодаря византийскому императору Константину Мономаху, который отправил её русскому князю Владимиру Всеволодовичу вместе с другими драгоценными подарками. Из некоторых источников известно, что Шапка должна была стать символом преемственности власти русских правителей от византийских императоров. По другой версии, Шапка Мономаха – это изделие арабских ювелиров. Также, некоторые историки считают, что это работа среднеазиатских ювелиров [4].

Версию о том, что Шапка появилась на Руси из Византии многие учёные опровергают, так как Константин умер, когда Владимиру было всего 2 года и он ещё не имел никаких шансов на престол. Об этом свидетельствует ещё один факт – Владимир жил раньше, чем официально датируется появление Шапки Мономаха. Однако, если предположить, что Шапка Мономаха появилась в XIV веке, как указано в некоторых источниках, то кажется немного странным то, что о ней ничего не упоминалось целых два столетия [3].

Появление шапки Мономаха на Руси стало для народа поистине мистическим. Например, по ещё одной легенде шапка Мономаха является подарком хана Узбека московским князьям, а именно Юрию Даниловичу или Ивану Калите (что тоже доподлинно неизвестно). По другой легенде, византийские императоры, прежде чем передать шапку Мономаха русским князьям, отправили за ней экспедицию в Вавилон, где нашли её в числе прочих сокровищ, оставшихся от царя Навуходоносора вблизи гробницы «Трёх отроков». Предполагали также, что изначально шапка Мономаха была женской. Подтверждение этой версии было найдено во время археологических раскопок, где были найдены женские головные уборы, очень сильно напоминающие по декору Шапку Мономаха. В кругах знати и вовсе ходил слух о том, что шапка Мономаха была выполнена византийскими мастерами по заказу русских князей. Данная версия нашла своё подтверждение у В. Похлебкина в «Словаре международной символики и эмблематики», в которой написано то, что «Согласно записи в Воскресенской летописи,

шапка Мономаха была прислана императором Византии Алексеем Комниным в 1116 году Владимиру II Всеволодовичу Мономаху и передана ему лично митрополитом Эфесским Неофитом» [6]

На самом деле, Константин подарил Шапку Мономаха русскому князю Владимиру не просто в качестве головного убора, она имела огромное значение для Руси. Передав её русскому князю, он вместе с тем хотел, чтобы Русь переняла исторические, культурные и другие традиции Византии. Однако в XV веке пала Византия, и Россия была названа её преемницей, а благодаря «золотой шапке» она могла получить статус «Третьего Рима». Таким образом, Шапка Мономаха была не просто богатым украшенным головным убором, но и служила для Руси символом единства самодержавия и самобытности[7].

В описи казны Алексея Михайловича Шапка Мономаха описывалась так: «Шапка Царская золота сканная Мономахова, на ней крест золот гладкий, на нем по концам и по исподи четыре зерна гурмицких, да в ней камень в золотых гнездах, над яблоком яхонт жёлт, яхонт лазорев, лал (рубин), про меж ними три зерна гурмицких, да на ней четыре изумруда, два лала, две коры яхонтовые в золотых гнездах, двадцать пять зерен гурмицких на золотых спнях, окол соболий, подложена атласом червчатым, оклеено бархателю травчатою, закладки и крючки серебрянны»[1].

Вес «Царской Шапки» точно не установлен, в разных источниках он варьируется от четырёхсот пятидесяти трёх граммов до девяти ста девяноста восьми. Диаметр «Шапки» – двадцать сантиметров, высота – двадцать пять сантиметров. О цене судить сложно. Ювелиры до сих пор не могут определить цену Шапки. Однако известно, что копия Шапки Мономаха, созданной в 2002 году группой частных ювелиров России к юбилею Президента РФ В. В. Путина. По официальным данным, стоимость копии Мономаховой шапки составила примерно пятьдесят тысяч долларов. Так же, как и оригинал, она отделана соболиным мехом, украшена изумрудами, рубинами и жемчугом, однако некоторые камни были искусственными. Интересно, но данная копия так и не была подарена юбиляру, так как сотрудники Национального института герба и флага посчитали факт передачи символа русского самодержавия президенту демократического государства некорректным [1].

С помощью Шапки Мономаха венчали на престол многих русских царей. Впервые о ней было упомянуто в духовной грамоте Ивана Калиты 1328 года под названием «золотой». Непосредственно под именем Мономаховой она известна с 1498 года,

когда князь Дмитрий Иванович был венчан на царство своим великим дедом – Иваном III. Это произошло в Успенском соборе [5]. Митрополит Симеон благословил Дмитрия, а его дедушка «возложил на него бармы Мономаховы и шапку». Это было первое венчание на престол шапкой Мономаха. Последним царем, на которого возложили царский венец был брат Петра Великого – Иван Алексеевич, а Пётр был назначен его соправителем. Петр также короновался на царство вместе со своим братом как младший соправитель и специально для него была разработана копия шапки Мономаха – «шапка второго наряда», которая полностью воспроизводила убранство и форму исторической шапки Мономаха, однако на ней не было уже таких драгоценных камней и она отличалась в художественном уровне (она была изготовлена с некоторыми упрощениями) [3].

Сейчас Шапка Мономаха, вместе с её упрощённой копией и другими символами самодержавия Руси хранятся в Оружейной Палате Московского Кремля [1].

Помимо «Шапки Мономаха» и «Шапки второго наряда» существовали ещё несколько копий. Как уже упоминалось выше, это специальная шапка, изготовленная к 50-летию В.В.Путина. Кроме этой копии, в Феодоровском соборе Санкт – Петербурга, построенном в честь 300-летия царствования Романовых было паникадило (центральная люстра в православном храме со множеством свечей и лампад) в форме Шапки Мономаха, а также в пещере Эмин – Баир – Хосар находится сталагмит, названный «Шапка Мономаха»[2].

В заключение хотелось бы сказать, что такой уникальный символ Руси, как шапка Мономаха, до сих пор не изучен до конца и вокруг него ходят очень много легенд и тайн. Учёные по сей день не могут прийти к единой версии появления Шапки Мономаха на Руси. Также не установлен и вес шапки, так как в разных источниках цифра колеблется от 453 до 998 граммов. Всё выше сказанное ещё раз подтверждает необходимость глубокого изучения данного символа русского самодержавия и его исторической значимости.

Литература

1. Юрьева И. Журнал «Персона». «Тяжела ты, Шапка Мономаха!» Томск, 2010. с. 44–45.
2. [ru.wikipedia.org/wiki/Шапка Мономаха](http://ru.wikipedia.org/wiki/Шапка_Мономаха)
3. calvaryguard.com/ru/kanz/hiz/regalii/shapka
4. potomy.ru/world/3209.html
5. www.ote4estvo.ru/dostoprimechatelnosti-rossi/670-shapka-monomaha.html

6. Синицына Н. В. О происхождении понятия «Шапка Мономаха». М.: Языки славянской культуры, 2002. с. 55–57.
7. Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. Институт археологии РАН. М.: Наука, 2001. с. 161–162.

ЯЗЫК И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Н. А. Браун

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.ист.н., доц.

Сохранение языка – одна из главных проблем современной культуры. С помощью языка человек общается, обменивается и делится информацией, выражает свои мысли и чувства; с помощью языка передается и хранится информация от поколения к поколению. В языке одухотворяется весь народ, вся его жизнь, история, обычаи. Важность языка в том, что он тесно связан с историей своего народа. Как говорил Якоб Гримм: «Наш язык – это также наша история». В наши дни происходит англоязычное наступление на русский язык, особенно это заметно во Всемирной паутине (Интернет). В социальных сетях, чтобы увеличить быстроту печатания текста, практически постоянно искажаются и сокращаются слова. Но, к сожалению, регулярное неправильное написание текстов легко запоминается. Чтобы этого не допустить, нужно читать русскую литературу, и, прежде всего, любить и уважать русский язык.

Обилие иноязычных заимствований вытеснило русские слова, которые имеют такое же значение – из-за этого наш язык обедняется, речь становится примитивной. Наступление иностранных слов сейчас настолько большое, что порой затрудняет понимание текста. Журналист Андрей Кнышев в своей иронической публикации «О великий и могучий новый русский язык!» показывает, насколько нелепой становится наша речь, перенасыщенная иностранными словами. Как пример отрывок из данной статьи – «Добрый ивнинг, уважаемые эврибади! Кам тугезер, дорогие телевьюеры, вотчеры и лукеры. Начинаем вечерний бродкастинг ньюзостей.» Недалеко до ситуации в Китае, где жители из разных районов страны, чтобы понять друг друга, вынуждены энергично жестикулировать. Но во Франции каждый гражданин, зная английский язык, предпочитает все же говорить на своем родном языке.

Проблема сохранения русского языка существует не одно столетие. Уже в середине 19 века поэт Алексей Михайлович Жемчуж-

ников процитировал: «По-русски говорите, ради Бога! Введите в моду эту новизну...» Внедрение иностранных слов – процесс постепенный, постоянный и неизбежный, и этот процесс имеет две стороны – положительную и отрицательную. Яркий пример тому идеи западников и славянофилов. Славянофилы призывали людей обратиться к своим историческим основам, традициям; много ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка. Как писал Виссарион Григорьевич Белинский «И мы первые скажем, что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус...». Западники, в отличие от славянофилов, русскую самобытность оценивали как отсталость, и поэтому Россия должна заимствовать опыт Европы (культуру, идеи и, само собой, язык). Также не стоит забывать, что умеренное внедрение иноязычных слов обогащает и делает разнообразным русский язык.

Как пример этому, цитата Корнея Чуковского – «Не тот язык по-настоящему силен, самобытен, богат, который боязливо шархается от каждого чужеродного слова, а тот, который, взяв это чужеродное слово, творчески преобразует его, самовластно подчиняя своей собственной воле, своим собственным эстетическим вкусам и требованиям, благодаря чему слово приобретает новую экспрессивную форму, какой не имело в своем языке». Конечно же, внедрение иноязычного слова неизбежно, если в русском языке ему нет замены.

Чтобы понять, как молодежь относится к внедрению иноязычных слов, автором статьи был проведен опрос в социальных сетях. Всего в опросе участвовало около 200 человек от 16 до 25 лет. На вопрос «Является ли проблемой массовое внедрение иноязычных слов в русский язык?» Чуть больше половины ответивших – 52 процента – за умеренное внедрение, на втором месте – почти 26 процентов – за мнение, что это проблема, и русский постепенно теряет свою самобытность, чуть меньше процентов ответивших – 21,5 – считают, что русский язык должен развиваться, и как раз иноязычные слова способствуют развитию языка. Также некоторые отписавшиеся считают, что это влияние культуры и люди в России предпочитают заимствования, чтобы более ясно выразить свою мысль. Таким образом, молодежь не отказывается от иноязычных слов, но и не за полную замену русских слов, что, несомненно, радует.

Язык и его роль в истории народа. С древних времен человечество общается с помощью языка – сначала человек молчал, потом

зародился язык жестов, а заговорил человек всего 100 тысяч лет назад на территории Израиля. Язык возник в связи с развитием образного мышления человека – об этом говорят многообразные сложные орудия труда, а также, как полагают французские ученые, в связи с развитием у хомо-сапиенса речевого нерва и формированием гортани. Развитие зачатков языка было естественным и неизбежным потому, что развитие труда всё более усиливало потребность в общении, закрепляло общественные связи, требовало обогащения и улучшения языка.

Чтобы установить тесную взаимосвязь языков всего мира, нужно заглянуть в историю.

Индоевропейцы жили ок. 2000 лет до н.э. в Западной Европе. К числу индоевропейцев относятся индийские, иранские, итальянские, кельтские, германские, балтийские, славянские, армянские, греческие, албанские языки. Это говорит о том, что лексика, фонетика и грамматика этих языков имеют много общих черт. Например, русское слово «мать» имеет параллели в литовском (motina), латышском (mate), древнепрусском (muti), древнеиндийском (mata), авестийском (matar-), новоперсидском (madar), армянском (mair), греческом (mhthr), албанском (motrë – сестра), латинском (mater) и других современных языках.

Спустя 500 лет часть индоевропейцев мигрировала на земли от р.Эльбы на Западе до Верхнего Приднепровья и Среднего Поднепровья на Востоке. Позже славянская семья разделилась на три ветви: западные славяне (поляки, чехи, словаки), южные славяне (болгары, хорваты, сербы, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы), восточные славяне (русские, белорусы, украинцы). Из-за того, что славянская семья только лишь в XIV–XV веках разделилась на 3 ветви, сейчас можно наблюдать очевидное сходство между славянскими языками: «лето» (по-русски), «літо» (по-украински), «лето» (по-белорусски), «leto» (по-чешски), «лито» (по-болгарски).

Русский язык, как практически и любой другой язык, подвергается «вторжению» иностранных слов. Во времена Киевской Руси разработанная Кириллом и Мефодием славянская азбука – кириллица – позволила выразить и закрепить славянский язык как основу будущих русского и ряда других языков, а также христианизация Руси повлияла на закрепление славянского языка. В домонгольский период в русский язык происходило внедрение тюркских слов. Например, боярин, богатырь, жемчуг, лошадь. В период Золотой Орды в русский язык вошли ряды важных слов,

как ярлык, казак, деньга, казна, хозяин, кирпич, жесть. Во времена Петра Первого происходило массовое внедрение иностранных слов в связи с его реформами, например – армия, контора, матрос, фляжка, алгебра. Следует отметить, что Петр Первый призывал не злоупотреблять иноязычными словами. После распада Советского Союза в профессиональных областях появились такие термины, как «компьютер», «дисплей», «брокер», а также такие слова, как «имидж», «видео», «шоу».

Каждому человеку известно, что русский язык один из самых богатейших, а главное сложнейших языков мира. Русский язык даже относится к разряду экзотических. А чтение русской классической литературы на языке оригинала – подобного рода удовольствия могут испытывать далеко не все. Но вся грамматика русского языка настолько сложна как для иностранца, так и для самого русского, что знание нашего языка – большая роскошь.

Таким образом, развивается человек, развивается мир, технологии, производство и было бы странно, если бы не развивался язык. Сегодня нас не затруднит пообщаться с людьми с разных уголков мира. И это естественно, если каждый язык перенимает некоторые слова в свой, т.к. этот процесс всегда был, есть и будет. Но чрезмерное применение иноязычных слов на своей Родине и тем более, когда этого не требуется, можно считать преступлением. Заимствования допустимы, главное знать, где в них ставить ударения и как правильно их писать. Также допустима языковая свобода, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Также в России существует проблема грамотности русского языка. Человек так любит коверкать и издеваться над родным словом, что это входит в привычку и этой привычкой заражаются другие. Эти проблемы актуальны не одно столетие. Мы должны понимать, что сохранение родного языка способствует сохранению нации и народа. Ведь когда мы едины – мы сильны. А разве трудно усовершенствовать свой родной язык, если человек с ним сталкивается каждый день на протяжении всей его жизни? Я думаю, что не так уж и сложно. Поэтому нужно любить, уважать русский язык и не допускать его падения.

Литература

1. Люстрова, З.Н. Беседы о русском слове [Текст]/З.Н.Люстрова, Л.И.Скворцов, В.Я.Дерягин. – Москва:Изд-во Знание, 1978. – 304 с.
2. <https://www.deutschland.de/ru/topic/znayu/gumanitarnye-estestvennye-nauki/ekspediciya-v-skazochnyyu-stranu>
3. <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/yakovlev.htm>

4. <http://mlado.org/modules/myarticles/article.php?storyid=713>
5. http://www.plam.ru/azikoved/ocherki_po_obschemu_jazykoznaniyu/p5.php
6. <http://ru.quotesbox.org/quotes/833763/>
7. http://www.lang-lit.ru/2012/06/blog-post_08.html
8. http://ru.wikipedia.org/wiki/Займствовани%20в_русском_языке
9. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=586714>
10. http://chizhiknn.ucoz.ru/publ/russkij_jazyk_dom_bytija_narodnogo_dukha/1-1-0-3
11. http://rhistory.ucoz.ru/publ/biblioteka/kratko_o_vostochnykh_slavjanakh_v_drevnosti_proiskhozhdenie_rasselenie_obrazovanie_gosudarstva/52-1-0-250
12. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=12882>
13. <http://www.rulit.net/books/sbornik-yumora-iz-setej-read-140624-234.html>

СИМВОЛИЗМ В ПОЭЗИИ И ЖИВОПИСИ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Л. А. Губеева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: А. В. Бернатоните

Символизм – (от греч. symbolon – символ, знак) – одно из крупнейших направлений в искусстве (литературе, музыке и живописи), возникшее во Франции в 1870–80-х гг. и достигшее наибольшего развития в конце XIX–XX веков. Эта тема несомненно актуальна, т.к. современные художники и поэты также используют символы в своих произведениях.

Символисты радикально изменили не только различные виды искусства, но и само отношение к нему. Хотя представители символизма относились к самым разным стилевым течениям, их объединяли искания новых способов передачи тех таинственных сил, которые, как они считали, правят миром, смутных идеалов и неуловимых смысловых оттенков. Идеи символизма были впервые провозглашены в литературе французским поэтом Ш. Бодлером, считавшим, что изобразительные средства в живописи (краски, линии и т. п.) являются символами, в которых отражается мир души художника. Важное место в эстетичной системе Ш. Бодлера занимал принцип «соответствий». Согласно этому принципу образы и метафоры не используются для описания конкретных реалий, предметов и фактов, а символически обозначают определенные идеи, универсальные явления бытия. Это определило в бодлеровской поэтике тенденцию к перерастанию образов в символы, а также установку на внушение читателю определенных настроений и душевных состояний.

Примером является его сборник стихов «Цветы зла». «Цветы зла» Ш. Бодлера – это цветы, которые выросли в нашей противоречивой душе на почве жестокого XX столетия» (Александр Олесь).

Вплоть до 1890-х гг. символизм в изобразительном искусстве оставался в полной зависимости от литературы. Основы эстетики символизма заложили А. Рембо, С. Малларме, П. Верлен, К. Гамсун, О. Уайльд, Р. Рильке и др.

Образ в стихах Верлена и Рембо яркий, зримый, но не ясный; много многозначных, «текучих» образов.

Верлен иногда дает застывший в мгновенном жесте, набросанный несколькими яркими красочными пятнами образ. Мгновенность видения, яркость отдельных, порой мельчайших деталей роднит Верлена с импрессионизмом. В первом сборнике Верлена прослеживается романтическое противопоставление идеала вульгарной толпе, прошлого настоящему и т. п. Однако уже в этом сборнике распространяется особенная, верленовская интонация меланхолии и тоски. [4]

В 1874 г. появляется сборник «Романсы без слов», который состоит из стихотворений, рисующих пейзажи. Но пейзаж здесь необычен – это своеобразный «пейзаж души». Природа перестает быть объектом, в котором выражает себя душа поэта. Они внезапно слились в одном образе, в некоем едином существе, которое, оставаясь природой, становится человеком.

На смену логически завершенным фразам, несущим в себе мысль и описание, пришли краткие фразы. Верлен сознавался в своей исключительной способности «видеть» предмет; наподобие художника он «охотился» за формами, цветами, тенями. Непоследовательность Верлена воспринимается как движение к «новой поэтике» – точно так же, как приметой следующего этапа представляется последовательность Рембо.

Рембо вызывающе циничен, в его стихах распространяется саркастически-гротескная интонация, в одном образе соединяются разнородные, контрастные явления, возвышенное и низменное, абстрактное и конкретное, поэтическое и прозаическое.

Стоит рассмотреть примеры аллегии в творчестве Р.М. Рильке. Он отождествляет дождь с человеком, что усиливает ощущение одиночества и страха, которое возникает у лирического героя, с приближением этого человека-дождя к его дому. Этот приём придаёт лирическому произведению сказочный оттенок.

С. Малларме считал, что задача поэзии должна состоять в том, чтобы обнаружить скрытое сходство между предметами,

обнаружить неявленные отношения, незримо пронизывающие всю явленную действительность. Эта действительность должна быть распределена с тем, чтобы вместо конкретной вещи перед нами предстала ее «сущая идея». Важнейшая заповедь Малларме: «Рисовать не вещь, а впечатление, ею производимое».

Художники-символисты отрицали реализм и считали, что живопись должна воссоздавать жизнь каждой души полную переживаний, неясных, смутных настроений, тонких чувств, мимолётных впечатлений, должна передавать мысли, идеи и чувства, а не просто фиксировать предметы видимого мира.

«Художественное творчество в целом вообще символично. Символизм связывает видимое и конкретное с областью идеальных представлений. Посредством художественных образов становится возможным изображение таких абстрактных понятий, как истина, добро, красота». [1]

Среди сюжетов художников-символистов преобладали сцены евангельской истории, полумифические – полуисторические события средневековья, античная мифология. В общем, все связанное с религиозным или мифологическим подтекстом. Поэтому работы художников этого направления проникнуты мистицизмом, все произведения символистов передают ощущение сверхъестественного и потустороннего. Частыми темами их картин были темы жизни и смерти, греха, любви и страдания, ожидания, хаоса и космоса, добра и зла, прекрасного и уродливого... Характерными чертами были многозначность образа, игра метафор и ассоциаций.

Основные представители живописи символизма во Франции – Гюстав Моро, Анри Фантен-Латур, Одилон Редон, Пюви де Шаванн, Эжен Каррьер, Эдгар Максенс, Элизабет Сонрель.

Образ поэта на живописных полотнах Гюстава Моро представлен очень широко. В его наследии доминируют мифологические образы. Но наряду с мифологическими есть и литературные образы поэта. Художник со-здает преимущественно одно- и двухфигурные композиции, а изображенные в неподвижных позах персонажи характеризуются символическим и декоративным окружением или сложными и неоднозначными отношениями друг с другом.

Персонажи, наполняющие работы Редона, также характерны для искусства символистов: скелеты, страшные демоны, падшие ангелы и очаровательные женщины. Вместе с ними в произведениях художника живут странные образы, рожденные его воображением. Это удивительное растение с человеческой головой или глазом, игрок, на плечах которого лежит огромная игральная кость – сим-

вол пагубной страсти, призрачнобледные фантомы, чудовищные животные и цветы («Болотный цветок»). Наиболее часто встречающиеся в творчестве Редона символы – свет, глаз, человеческая голова как воплощение души, растение – знак жизни. [3]

Французский символизм оказал сильное влияние на развитие русского искусства. Многие русские поэты обращались к произведениям французских символистов. Переводом стихов занимались такие поэты как Фёдор Сологуб, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский, Константин Бальмонт и др. Главным в творчестве русских символистов было поклонение красоте, они стремились к особенно утончённому стилю, наиболее выразительному языку, к необыкновенным образам.

Русских символистов-литераторов принято делить на «старших» и «младших». Старшие – Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб – отразили в своём творчестве черты общеевропейского панэстетизма. Младшие символисты – А. Блок, А. Белый, В. Иванов, И. Анненский – воплощали в своём творчестве эстетическую утопию поисков мистической Вечной Женственности.

В живописи символизм в России представлен именами М. Врубеля, В. Борисова-Мусатова, художниками объединений «Мир искусства» и «Голубая роза». Основателями «Мира искусства» стали А. Н. Бенуа и С. П. Дягилев. Художники этого объединения стремились к модерну и символизму, противясь идеям передвижников. Искусство, по их мнению, должно выражать личность художника.

Символизм повлиял и на другие страны. В Англии ярким примером символистского течения является творчество прерафаэлитов, а также иллюстратора Обри Бердслея. Художник избегал прямой трактовки изображаемого материала, привнося свое понимание и видение текста. Если внешне и кажется, что иллюстрации имеют мало отношения к тексту, то при более внимательном рассмотрении становится ясно, что авторская идея выражена более, чем достаточно. Рисунки художника, как головоломки, требуют внимательного анализа и умения видеть скрытое.

В Бельгии тоже были свои символисты. это течение во Франции и Бельгии практически едино. Наиболее выдающимися представителями бельгийского символизма можно считать поэтов Эмиля Верхарна и Жоржа Роденбаха. [2]

В Польше стоит выделить творчество Яцека Мальчевского, которое отразило множество граней личности, сложившейся к концу XIX в. Его картины полны различных образов и загадочности.

Каждая из фигур символизирует какое-то конкретное историко-социальное событие или явление.

Таким образом французские основатели символизма оказали влияние и на конкретных последователей этого течения и в целом на европейское и российское искусство. Глядя на картины и читая стихи рубежа XIX–XX веков можно не только насладиться красотой и складностью произведения, но и раскрыть сущность человеческой души.

Литература

1. Власов В.Г. Стили в искусстве. Спб.: «Лита», 1998. 672 с. (словарь.)
2. Толмачёв В.М. Зарубежная литература конца XIX – начала XX века. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 496 с.
3. Art – History. Одилон Редон. [Электронный ресурс]. URL: <http://art-line.co.ua/artists/122-odilon-redon.html>
4. LENTA.RU. Верлен и Рембо. [Электронный ресурс]. URL: <http://donna-in-rosso.livejournal.com/>.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

О. А. Губеева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: А. В. Бернатоните

Многие люди считают, что современное искусство – это творчество художников, которые являются нашими современниками. На самом деле это совсем не так.

Современное искусство – это различные художественные практики и перформансы, появившиеся в конце прошлого века. Сюда же можно отнести новый вид скульптурных композиций – инсталляцию.

Стоит напомнить, что родоначальником современного искусства можно называть Марсея Дюшана, который в 1917 году подписал писуар. Или же Пабло Пикассо, написавший Авиньонских девиц. После этой картины уже невозможно было писать по-старому, она изменила ход искусства, изменила представления о красоте, о формообразовании, о перспективном изображении.

Это был первый шаг к тому, чтобы художником стал не настоящий творец, а человек, который просто берет готовые вещи и комбинирует их в определенном контексте, делая эту комбинацию объектом искусства.

Примечательно, что современные художники практически ничего не пишут, и не делают сами. Они используют в основном уже готовые формы: фотографии, чужую живопись и графику. Даже скульптура в современном искусстве лишилась традиционных материалов.

На смену им пришли скотч, пенопласт, картон, поролон и т. д. Для современных художников на первое место выходит не средство выражения, а тема. Чем актуальней тема, тем успешнее современное искусство.

В Академии художеств сейчас отмечается большое влияние художников-постмодернистов. В профессиональных журналах не публикуются работы С. Присекина, А. Сергеева, В. Правоторова, А. Рекуненко, П. Рыженко, С. Бочарова – тех, кто посвящает свои произведения истории России, религиозным поискам.

Искусствоведы, которые пытаются поддерживать традиционные направления, объявляются не только ретроградами, но и иногда подвергается сомнению их профессиональный уровень.

Современное искусство, в отличие от классического, практически не обитает в домах и коллекциях простых людей. Его можно увидеть лишь в специализированных музеях или Центрах современного искусства. Подобные центры стали образовываться на западе в середине прошлого века.

В России подобный центр появился после распада СССР [4].

Главным интересом современного искусства, по мнению Ортеги-и-Гассета, является стилизация. Стилизовать – значит деформировать реальность, дереализовать. Стилизация предполагает дегуманизацию. художник-традиционалист претендует на то, что он погружен в реальность изображаемого лица. Современный художник, вместо того чтобы пытаться изображать человека, решает нарисовать саму идею, схему этого человека. Экспрессионизм, кубизм и т. п. перешли от изображения предметов к изображению идей. Художник больше не видит внешний мир и повернул зрачок внутрь.

Современное искусство в тенденции приводит к вытеснению элементов человеческого из искусства, оно очищается; наступит момент, когда человеческое содержание искусства станет настолько скудным, что сделается почти незаметным. И тогда его будут понимать только те, кто обладает даром художественной восприимчивости. Это будет искусство для художников, а не для масс.

С точки зрения русского искусствоведа и философа Вейдле, современные художники хотят уничтожить условности, сорвать

литературные покровы хотя бы для того, чтобы обнаружить под ними лишь голое, жалкое ничто. Все это приводит искусство к кризису, и первой его причиной был, начавшийся с эпохи романтизма, но с полной силой ощущаемый лишь сейчас, разрыв между искусством вообще, т.е. всякой возможной художественной формой, и человеческим содержанием, человеческой душой самого художника.

Вторая причина кризиса искусства вызвана умиранием великого стиля, который был свойствен художникам прошлого. Стиль – это форма души как скрытая предпосылка всякого искусства. Он предопределяет всякое личное творчество, обнаруживаясь во внутренней согласованности душ. Стиль – это гармония связи содержания и формы. При его отсутствии форма превращается в формулу, а содержание – в мертвый материал. Уже в конце XIX в. обнаружилось осознание того, что самые главные вещи в искусстве утрачены – стиль, органическая культура, иррациональные основы художества, религиозная и национальная укорененность искусства. В искусстве пропадает человек, оно становится игрой, в нем все более торжествуют две стихии – эксперимент и документ.

Стиль нельзя ни выдумать, ни воспроизвести; нельзя выбрать как готовую систему форм, годную для перенесения в любую обстановку; подражание ему приводит только к стилизации. Стили росли и устаревали, надламывались и менялись, переходили один в другой; но в течение долгих веков за отдельным архитектором, поэтом, музыкантом всегда был стиль как форма души, как скрытая предпосылка всякого искусства. Стиль осуществляется изнутри, через свободную волю человека, он не принуждение или закон. Когда стиль налицо, его печать лежит на всем, что оформлено человеком, будь то стул, подсвечник, тарелка или здание, картина или статуя.

Стиль гарантирует минимум осмысленности и оформленности. Выпадение из стиля – не переход, а утрата стиля вообще.

Отсутствие стиля пытаются подменить стилизацией, но она тем и отличается от стиля, что применяет рассудочно выделенные из стилистического единства формы для восстановления этого единства таким же рассудочным путем[3].

Современное искусство отличается разнообразием стилей и направлений, многие из которых пока что не совсем понятны простому обывателю. Такое многообразие свидетельствует о том, что впереди большие перспективы.

Культура и искусство – явления не постоянные. Если искусство перестает развиваться и изменяться, то оно умирает. Все изменения, которые происходят, – процесс логичный и последовательный, зависит он от многих факторов. Каждая эпоха имеет свои особенности, правила и законы, в соответствии с которыми и формируется искусство.

Многие считают, что наше время – неблагоприятная среда для развития культуры. Но это спорный вопрос. Некоторые новости свидетельствуют о том, что эта сфера развивается очень успешно. То же происходит и с театром, живописью. Что же касается основных тенденций, то современное искусство постоянно меняет свой облик. Наравне с уже существующими, так называемыми классическими течениями появляются новые, в которых преобладают другие образы, другая трактовка стандартных ситуаций и вопросов. Так, например, в 60–70-х годах основная роль принадлежала концептуализму и минимализму, с течением времени усиливается интерес к социальным вопросам, по-другому рассматривается образ человека. Интерес к ярким краскам и образам оживляет и изменяет искусство 20 века.

В наше время говорят о неоакадемизме как направлении, зародившемся в 80-х в Петербурге. В отличие от предыдущих течений, которые в большинстве своем были направлены на разрушение сложившихся традиций и борьбу со стереотипами, неоакадемизм видит своей целью возрождение классического искусства. Однако задача сторонников этого направления не просто вернуть к жизни устаревшие традиции, а органично соединить их с современными достижениями техники. Как и положено любому сформировавшемуся и развивающемуся направлению в искусстве, неоакадемизм имеет полноценную теоретическую основу. Публикуются статьи, манифесты, в которых сторонники течения дают обоснования и основные положения неоакадемизма. Своё творчество они противопоставляют маскараднему, «шуточному» модернизму и постмодернизму, которые царили в XX веке.

Еще одно современное направление – нонспектакулярное искусство, идейным вдохновителем которого стал художник Анатолий Осмоловский. В отличие от неоакадемизма нонспектакулярное искусство не имеет широкой теоретической базы. До сих пор не существует четкого определения этого направления, однако, о его существовании уже говорят многие критики [2].

Современный художник находится в постоянном поиске способов выражения, созвучных эпохе. События последних лет показали,

что политические движения и акции солидарности модулируют условия как для проведения разовых художественных акций, так и для повседневной политической и социальной включенности мира искусства в общую борьбу и противостояние международным монополиям и финансовым структурам [1, с. 94].

Социальное и политическое, без которого немислимо современное искусство, не сводится к злобе дня, а напротив, оно превращается в биографическое и историческое, в личный жест и вневременной ритуал.

Художники послевоенных лет каждый по-своему старались заявить о своём существовании и окружающем мире. Успех или провал на этом поприще во многом зависит от зрителя, ведь произведение зачастую вызывает совершенно иные эмоции, чем те, что были вложены в него автором. Не одна попытка приблизить произведения искусства к зрителю потерпела крах, ибо их просто не посчитали таковыми. И даже, не исключено, что именно так их творцы достигли цели, дав повод к жарким дискуссиям и спорам.

Искусство – это нечто неоднозначное. Здесь всё зависит от нашего личного восприятия и взгляда на разные стороны жизни, а ещё, помимо этого, сказываются и сиюминутный настрой, и расположение духа.

Литература

1. Смолянская Н. Диалог искусств // Критика и практика. М.: Диалог искусств, 2013. 41 с. (журнал)
2. Искусство 21 века [Электронный ресурс] URL: <http://www.mguki.ru/useful/uslugi/1862-0> (дата обращения 04.04.14 г.)
3. Проблемы современного искусства [Электронный ресурс] URL: <http://torchclub.info/index.php/philosophy-practicality/38-philosophy-practicality/43-modern-art-problems> (дата обращения 03.04.14 г.)
4. Что такое современное искусство и с чем его едят [Электронный ресурс] URL: <http://udachny.ru/chelovek-i-obshhestvo/kultura/chto-takoe-sovremennoe-iskusstvo-i-s-chem-ego-edyat.html> (дата обращения 02.04.14 г.)
5. Краткая история неоакадемизма [Электронный ресурс] URL: <http://www.newacademy.spb.ru/history.html> (дата обращения 02.04.14 г.)

НИКОЛАЙ II И РОССИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

С. Захаренко

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Со времен гибели Николая II прошло сто лет, но споры среди историков о личности последнего русского самодержца не утихают, по сей день. Историков можно условно разделить на две группы: советских и современных. Историки советских времен выставляют Николая II «жалкой фигурой с пустой головой», безвольным, бездеятельным. В противовес этой точки зрения выступают более современные авторы, такие как: Сергей Ольденбург, Генрих Иоффе, Александр Боханов. По их мнению, Николай II сделал все для своей страны, получив в ответ предательство народа. Наличие столь разных оценок деятельности императора, заставляет более детально рассмотреть данную проблему. Цель настоящей работы – проследить какие события и обстоятельства повлияли на падения авторитета царя и его семьи.

В ходе изучения темы, становится понятно, что падение авторитета царской власти происходило постепенно. Все началось с речи, произнесенной 17 января 1895. «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления...» [1, с. 15]. По утверждению приближенных Николая II, вместо бессмысленных мечтаний в изначальном тексте было «беспочвенными мечтаниями». Однако народ услышал тогда главное, – новый правитель не будет делить власть, он сосредоточит ее в одних руках, – своих.

Прошло чуть больше года и на Николая II обрушились обвинения в произошедшей трагедии на Ходыньском поле 18(30) мая 1896 года. В день коронации решено было провести массовое гуляние с раздачей царских подарков. Подарок включал: колбаса полукопченая (200 г), сайка от Филиппова (400 г), вязинский пряник (130 г), конфеты и орехи (300 г), эмалированная кружка с эмблемой царя и двуглавым орлом. Для угощения было заготовлено 30 000 ведер пива и 10 000 ведер меда. За несколько дней до планируемого торжества, люди прослышали о подарках, прослышали и о том, что якобы в каждом гостинце есть платок, что будет нарисовано на платке, то и подарят [2, с. 48]. Не удивительно, что со всех уголков Москвы и окрестностей на гуляния начали собираться целыми семьями. Несмотря на то, что торжество было запланировано на утро 18 числа, народ начал прибывать уже вечером 17 числа, и вместо планируемых 400 000 человек, к утру там оказалось от 500 000 до 1 000 000 человек. На Ходыньском поле присутствовало 1800 полицейских, но это количество меркло перед количеством собравшихся, и в момент трагедии ничего

не смогли сделать. Общее количество жертв варьируется от 1282 до 1960 человек, раненных насчитывали несколько сот.

В одном источнике сказано: «Императору доложили о страшной трагедии. Он брезгливо поморщился и велел продолжать праздник ... Новый «отец» народа веселился с вельможами, а Москва оплакивала погибших» [3]. Однако там ничего не было сказано про то, что Николай из своих личных средств выделил 90 000 руб на семьи погибших, что царь и царица лично 19 и 20 мая посетили Мариинскую и Старо-Екатеринскую больницы. Похороны также оплачивало государство [4, с. 38]. Многие обвиняли Николая в том, что он не сразу явился на Ходынское поле к жертвам трагедии. Он узнал о трагедии в 10-30 утра, а на поле появился к 2 часам дня. По утверждениям придворных, все это время, государь и государыня, молились за закрытыми дверьми кабинета.

Другой причиной недовольства народа стало появления Николая и Александры на приеме у французского посла. Кн. Лобанов-Ростовский, в последствии утверждал, что причиной принятия приглашения была боязнь осуждения в правящих кругах, к слову сказать, они пробыли там всего 10 минут.

После Ходынской катастрофы народ начал задумываться «а так ли необходимо России самодержавие?»

Дабы поднять веру народа в царя, было решено расширить территории России на Дальнем Востоке. Данное решение было поддержано некоторыми министрами: Витте и кн. Ухтомским. Кн. Ухтомский писал, что это именно то направление на которое стоит обратить внимание т.к. возможности на Западе и на Европейском материке иссякли [1, с. 173]. По словам генерала Гурко, Россия получила Квантунскую область без особых проблем, и все было хорошо, если бы в это же время на Китай не претендовала Япония. Считалось, что можно не допустить войны небольшими уступками со стороны России. Но по мнению Ольденбурга, ситуация могла разрешиться мирно лишь в случае полной капитуляции и самоустранения России с Дальнего Востока [9, с. 68]. Казалось, Николай II не даст развязать войну ведь, именно он был инициатором мирной конференции в мае 1899 г. в Гааге, на которой были определены правила и нормы ведения боевых действий и учрежден международный арбитражный суд [7, с. 49]. Однако, несмотря на свою любовь к мирному урегулированию, он в то же время знал, что победа помогла бы укрепить веру народа в своего царя и страну. Следует отметить, что ни царь, ни его придворные не учли очень важного факта – разницу в развитии России и Япо-

нии, несмотря на свои размеры, Япония была очень сильна и в экономическом и в военном отношении.

После досадного проигрыша, народ лишился, казалось того единственного, что помогало им верить в необходимость самодержавия – поддержания силы и могущества государства на международной арене.

Однако самый настоящий конец вере в самодержавие положил расстрел мирного шествия 9 января 1905 г. Следует заметить, что Николай не мог ничего сделать на момент трагедии ввиду того, что находился в Царском селе. На отъезд царя вынудило событие, произошедшее на Крещенском водосвятии на Неве, когда в царскую палатку был произведен залп. Разорвавшийся поблизости от палатки снаряд не навредил царю, только выбил стекла четырех окон и ранил городского по фамилии Романов. Позднее это было признано случайностью, но в то время, этот инцидент посеял страх в правящих кругах, что и послужило причиной для ввода армии в Петербург 9 января, а в последствии и привело к расстрелу 130 и ранению 299 человек. После расстрела состоялось совещание, на котором пытались определить виновного. Обвинили градоначальника И.А. Фуллона, тот в свою защиту сообщил, что не имел возможности распоряжаться властью, так как она была сосредоточена в руках военных, подал прошение об отставке, считая невозможным сохранить за собой пост. После трагедии, Николай записал в своем дневнике: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» [8, с. 25]. Помимо записи в дневнике, Николай II выделил 50 тысяч рублей, дабы помочь членам убитых семей и раненых.

Другой войной, в которую вступила Россия в начале XX в., была Первая мировая. Несмотря на все проблемы внутри страны, Россия не могла остаться безучастной к решению европейских проблем. Чем дальше шла война, тем больше росло возмущение тем, как Николай II правит страной. Однако еще в довоенный период, а именно в 1913 г. Россия достигла своего экономического максимума, рост сельскохозяйственного производства составил 2 % – 1 место в мире, рост промышленного производства 5% – 1 место в мире, прирост населения 1.5 % – первое место в Европе, национальный доход 16 400 000 р – 4 место в мире, валовое производство 6521 млн руб. – 5 место в мире [9]. Во время войны Россия, единственная из всех воюющих стран, полностью обеспечивала

себя сырьем и дольше всех могла не переводить экономику на военные рельсы. Решение Николая II, о принятии на себя звания главнокомандующего было воспринято положительно, лишь его женой. Все министры были против данного решения, а министр Кривошеин писал: «...Мы сидим на бочке с порохом. Нужна единственная искра, чтобы все взлетело в воздух... Принятие императором командования армией – это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал» [2, с. 35].

Следует отметить, что Государь не стремился становиться главнокомандующим. По приезду в Ставку, он понял, что князь Николай Николаевич не справляется со своими обязанностями и учитывая неудачи на фронте, Николай II принял решение возглавить командование армией. По мнению А. А. Керенского, Николай принял верное решение. Он писал: «Это было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением – их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь» [9].

Казалось бы, люди критиковали, лишь его способы управления государством. Однако люди очень внимательно смотрели и на его семью. Они видели его трепетное отношение к семье. Безграничную любовь к дочкам и сыну. Знали, что больше всего на свете он любил быть дома. Единственное, что омрачало императора в глазах народа, вечная тень Распутина. Все чаще и чаще в народ попадали новые истории о влиянии Распутина на Николая и Александру Федоровну. Эти слухи попадали от слуг, так няня детей Софья Тютчева принесла в народ историю о том, как Распутин спокойно заходит в спальню к девочкам и даже кладет к ним на постель свою шапку. Знали, что он спокойно обращается как к царю, так и к царице на «ты». Но не только слуги рассказывали о неподобающем поведении Распутина, Распутин и сам очень любил хвастать своей приближенностью к царской семье. Однажды напившись в загородном московском ресторане «Яр», он показал на свою рубашку, выкрикнул «Сашка сама шила!» [1, с. 234].

Сам Николай II относился к Распутину, лишь как к человеку, который может облегчить боли цесаревичу Алексею. Он не давал ему никаких привилегий и званий. Государь был наслышан о делах Распутина, но что было делать, если только он мог помочь цесаревичу? Так, на требование Столыпина отослать Распутина в родное село без права выезда, ответил «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич,

что вы мне искренно преданы. Быть может, все, что вы мне говорите, – правда. Но я прошу Вас никогда больше мне про него не говорить. Я все равно сделать ничего не могу» [1, с. 226].

Хотя временами терпение Николая все-таки доходило до точки. Ярким примером этому служит случай, когда Мандрыка (флигель-адъютант государя), сделал доклад о причастности Распутина к делу о бесчинствах в Царицыно, и о творимом разврате в женских монастырях Саратовской губернии, Николай II удалил Распутина от двора. Нельзя сказать, что это был первый случай гнева государя на Распутина, но каждый раз Распутин восстанавливал свой авторитет и возвращался ко двору. Восстановление его репутации всегда началось с Императрицы. Когда ее вера к нему снова возвращалась, она заставляла поверить в святость Распутина и самого Государя.

Тем самым, репутацию Николая уничтожали не только приближенные к его семье, но и член его семьи. А именно его жена. В первые годы брака, Александра не интересовалась делами мужа, да и сам Император не посвящал супругу в тонкости государственного дела. Однако, с наступлением сложных времен, а именно, – возникновения революционного движения, Николай II начал рассказывать ей об обстановке в стране и временами даже просил советы. Так, Александра Федоровна лично просматривала акт от 18 февраля 1905 г., – о незыблемости самодержавия. Терпение людьми Ее вмешательства в государственных дела достигло высшей точки в последний месяц царствования, когда Николай был в Ставке. Члены петербургского общества видели, как ее вмешательство расценивают люди и начали писать ей письма, содержанием которых являлись просьбы о прекращении вмешательства в дела государства. Реакцией императрицы на эти письма было желание сослать авторов в Сибирь. Окружение Александры Федоровны смогло убедить ее не делать этого, однако после получения еще одного подобного письма, они уже не смогли удержать Императрицу, и она выслала из столицы кн. Васильчикову в свое имение в Новгородской губернии. Васильчиковой запрещено было покидать его.

Многие современники обвиняли Николая в потакании своей жене. К этому можно отнести канонизацию Серафима Саровского, дабы просить его даровать царской семье сына. Однако очень многие требования, Николай оставлял без внимания. Будучи в разъездах, он просто не отвечал на некоторые ее письма, в ответ он получал письма с подобным содержанием: «Я тебе четыре раза телеграфировала о Хвостове (кандидат Александры Федоровны

в министры внутренних дел), и ты мне не отвечаешь» или «Ты, мой друг, немного медлителен» [1, с. 177]

Таким образом, оценивая поведение Николая II в последние годы существования царского режима, хочется отметить чрезвычайно сложную политическую ситуацию в которой оказалась страна, борьбу разных сил за влияние на императора. Да, государю часто не хватало прозорливости, чтобы принять истинно правильные решения и просчитать последствия этих решений, не хватало силы воли, чтобы отстоять свою точку зрения, им манипулировали. В то время, когда к власти рвались разные политические партии, любой промах царской власти широко обсуждался в печати и использовался в антимонархической пропаганде. Нужен был руководитель с более сильным характером, обладающий мудростью, которая помогла бы лавировать в той непростой обстановке, искать компромиссы, находить нетривиальные пути разрешения проблем. К сожалению, Николай II не был такой яркой личностью, он был просто хорошим человеком, семьянином, отцом, но для России тех времен этого было мало.

Литература

1. Гурко В. И. «Царь и царица», М.: Вече, 2008.
2. Перехов Я.А. «История России: IX–XXI вв. От Рюрика до Путина». М.: Издательство Март, 2003.
3. Барковец О. И., Тенихина В. М. «Николай II. Семья императора». М.: Издательство Абрис, 2010.
4. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А., «История России». 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013.
5. Документальный фильм «Романовы» фильм 8, StarMedia, 2013.
6. «Страницы истории» 1983.
7. http://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_II Википедия. Николай II
8. «Дневники Николая II» за 1904, 1905, 1917, 1918
9. Ольденбург С. «Царствование Императора Николая II». М.: Издательство Феникс, 1998.

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА КУЛЬТУРУ

О. Э. Лиске

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

Научный руководитель: Т. А. Зайцева, к.истор.н., доц.

Каждая эпоха имеет свой неповторимый образ, атмосферу, репрезентируемые различными способами, в том числе институтами,

имеющими отношение к духовной жизни общества. Прежде всего, это сфера искусства, которая позволяет выявить различные аспекты жизнедеятельности общества, и в том, что касается «формирования себя», и в том, что имеет отношение в «представлении себя».

С течением времени меняются идеалы, а вместе с ними и смыслы, которые вкладывают в свои творения художники, музыканты, литераторы. Общество также меняет свои вкусы и взгляды, под влиянием не только внешних обстоятельств, но и господствующей в данное время идеологией. В данном контексте под обществом понимаются не только зрители, но и сами актеры. Ведь перемены, происходящие под воздействием утверждения определенных политических режимов, не могло не отразиться на людях, которые ставят спектакль и которые в нем участвуют. Ведь актер, по замечанию Николая Эфроса, является «частью национального целого, делит с ним расцветы и увядания...».

Цель данной работы рассмотреть особенности советского восприятия социокультурных реалий, воплотившихся в отношении к театру, пониманию его места в жизни советского общества. Данная тема будет рассмотрена на примере режиссерского театра, который появляется на рубеже XIX–XX веков.

Вершиной развития этого направления в начале XX века становится драматургия А.П. Чехова. Чехов не предлагает прямого обсуждения социальных и нравственных проблем, он раскрывает всё в совокупности по ходу развития действий самой пьесы. Для чеховской драмы характерно большое количество пауз и недомолвок, случайных звуков, которые формируют подтекст пьесы. Вследствие этого появляется двойственность смыслов в произведениях и наличие в пьесах «подводного течения». То есть Чехов не дает однозначных оценок происходящему, не указывает на «правильное» решение проблемы героев. Это предлагается сделать самому зрителю, который должен быть способен чувствовать происходящее и понимать всё без буквального воспроизведения, тем самым полностью погрузиться в атмосферу спектакля и слиться с переживаниями главного героя.

Проблематика в пьесах Чехова всегда содержит два аспекта: бытовой или житейский и духовно-философский. И если на бытовом уровне конфликт еще может быть разрешен, то на духовно-философском – нет. Для автора важен внутренний мир героя и его переживания. Поскольку изменения его внутреннего мира приводят к изменению внешнего мира. Чехов стремится показать общество и человека в «зеркале», пытаясь встряхнуть его.

Именно в этот период российский театр достигает своего расцвета. Пьесы освящают вопросы, волнующие многих, а также проблемы о которых человеку следует задуматься. Театр начинает исполнять роль некой арены, на которой сталкиваются политические, социальные и идеологические противоречия.

На сломе двух эпох общество нуждалось в театре. Связано это было, прежде всего, с тем, что это новое, «смутное» время требовало от общества и от человека принятия определенных решений. И люди искали их в литературе, музыке и театре, старались найти опору в словах авторитетных деятелей.

В театр люди приходят с жадной активностью искусства. И в связи с многозначностью смыслов постановок каждый по-своему интерпретировал их. Для кого-то это были революционные призывы к действиям, а для кого-то призыв к ожиданию.

Но в начале XX века происходит ключевое событие в отечественной истории – это революция 1917 года. Она полностью меняет общественный и политический уклад в стране. Новая эпоха задает свои стандарты искусства, пропагандирует свои идеалы и укореняет свои ценности. Культура в советский период приобретает особенные, специфические черты. Многие ученые говорят о ее противоречивости. С одной стороны XX столетие ознаменовало появление гениальных художников, писателей и режиссеров. Но с другой стороны эта эпоха установила тоталитарный режим власти, предполагающая пропаганду и утверждение новых ценностей во всех сферах жизни. Вследствие чего меняется не только направленность новых произведений искусства, но и понимание уже известных.

Такое изменение можно проследить на примере пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». Данное произведение, созданное в начале XX века, в период «смуты». Оно явилось для зрителя отражением той действительности, которая окружала его в это непростое время. Автор показывает переломную эпоху и человека, живущего в ней, который пытается найти опору, но никак не может это сделать. Персонажи не могут точно осознать, что их мучает, не могут выразить свои чувства. Сад предстает некоторой метафорой жизни, идеалом, куда все стремятся попасть. Символично, что герои смотрят на сад лишь издали. Чехов показывает не только конфликт поколений, но и проблему самоопределения человека в новом, постоянно меняющемся мире. Особенно ярко здесь можно проследить неразрешимость основного конфликта на духовно-философском уровне.

Совсем по-другому расценивали эту пьесу после декабрьской революции 1905 года. Вся пьеса представлялась призывом к решительным действиям со стороны рабочего класса. А с 1917 года молодых героев произведения видели революционерами, которые должны были разрушить старые устои и построить «новую жизнь». Образом этого действия служила сцена вырубки сада, которую автор не показывает, но зритель слышит стук топора и понимает все происходящее. Отмечается и особенно негативное отношение к дворянству. Его определяют как деградировавшее сословие, не способное ни на борьбу, ни на сопротивление. Вишневый сад предстает символом прошлого России, которое мешает развиваться настоящему и формироваться будущему. Многие видели в пьесе неизбежную и необходимую смену правящего класса, искоренения дворянства и самодержавной власти.

Характерной тенденцией восприятия «Вишневого сада» было понимание этой пьесы как прямого отражения лишь социальных проблем в обществе и конфликта взаимоотношений различных сословий. Зритель пытался сопоставить происходящее в пьесе, с тем, что его окружало. Виделись не индивидуально-эмоциональные характеры отдельных персонажей, а их непосредственно идеологически окрашенная позиция в том или ином вопросе. Герои становятся носителями определенных идей, одни показывают свою решительность и силу, призывая к революции и к изменению строя, другие – свою беспомощность и слабость, пытаясь выжить в новых, изменяющихся условиях.

«Воспринимающая среда» стала другой, изменилась психика общества. Однако стоит отметить, что этому изменению подвергся не только зрительный зал, но и режиссеры, и актеры. Первые представляют свои новые трактовки характеров персонажей и смыслов пьес, а вторые – стараются в игре наиболее ярко выразить общественное мнение и позицию всего народа.

Подводя итог, следует отметить особенно сильное влияние идеологии на культуру советского общества. Идея «ценности рабочего класса», строительства социализма и классовой борьбы охватывала все сферы жизнедеятельности человека. Новая идеология становится основополагающей для всего советского общества. Развитие также получает провозглашение «мировой революции», пропаганда свободы и равенства. Одной из главных тенденций в искусстве было возвышение не отдельного человека, а всего коллектива, что неизбежно предполагало новое прочтение произведений драматургии, литературы и новую трактовку характеров.

Литература

1. Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра [учебное пособие для театральных институтов и театральных училищ] / С. С. Данилов; [Гос. науч.-исслед. ин-т театра и музыки]. Москва Искусство 1948. 587 с., [30] л. ил.
2. Всеволодский-Гернгросс, В. Н. История русского драматического театра : в 7 т. / В. Н. Всеволодский-Гернгросс ; под редакцией: Е. Г. Холодов (гл. ред.), Ю.А. Дмитриев и др.; [Ин-т истории искусств]. Москва Искусство 1977. Т. 1.
3. Чеховиана/ Науч. совет. РАН «История мировой культуры». – М. : Наука, 1990 – «Звук лопнувшей струны» : к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / отв. ред. В.В. Гульченко. – 2005. – 594 с.
4. О поэтике А.П. Чехова : сб. науч. тр. / под ред. А.С. Собенникова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. – 304 с.
5. Зепалова Т.С. Уроки литературы и театр / Зепалова Т.С. – М. : Просвещение, 1982. – 176 с.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕСНИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ – ПУТЕШЕСТВИЯ ПИЕТИСТСКОГО ПЕСЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Е. А. Лыков

*Самарский государственный университет путей сообщения (филиал),
г. Саратов, Россия*

В песенной культуре каждого народа присутствует большое число разнообразных жанров, отражающих его обыденную жизнь и иллюстрирующих различные жизненные события. В данной работе речь пойдет о, пожалуй, самых загадочных песнях любого народа – погребальных песнях – на примере немцев Поволжья.

Изучение песенного наследия поволжских немцев имеет давнюю традицию. Известный диалектолог В. Жирмунский в 20-х годах XX века на основе собранного им этнографического материала разделил песни немцев России на 14 жанров [1]. При рассмотрении современных исследований музыки немцев Поволжья наиболее выделяются работы Е.М. Шишкиной, в которых были определены доминанты этнической идентичности поволжских немцев; таковыми являются: старые и новые баллады, духовные песни [2]. При этом уже на протяжении двух веков, т.е. с момента рассмотрения песенного наследия немцев Поволжья в качестве предмета изучения, в литературе нет ни одного упоминания о похоронных, или погребальных, песнях. В свою очередь, это связано с рядом методологических и морально-этических проблем.

Главным и самым действенным методом по собранию песенного наследия является этнографическая экспедиция. Однако

данный метод делает невозможным собрание похоронных песен: они относятся к обрядовым песням, и исполнение таких песен без повода было вряд ли возможно, в том числе, и по религиозным убеждениям. Погребальные песни являются неотъемлемой частью обряда похорон, следовательно, они исполняются исключительно во время осуществления обряда. Известны факты, когда записи этих песен делались тайно во время обряда похорон (например, Снежаной Станкович), но во время проживания немцев на Волге такой возможности не было технически. Материалы о погребальных песнях были сохранены лютеранскими пасторами некоторых немецких колоний, и именно эти источники и легли в основу данной работы.

Смерть представляется человеку как нечто непостижимое. При этом речь не может идти о собственной смерти; это всегда смерть другого человека [3; с. 69–90]. В Поволжье были сохранены реликтовые формы похоронной обрядовости, как-то „Totenhochzeit“, что означает «свадьба мертвых» [4]. Обряд был известен в Германии в эпоху раннего средневековья, в новое же время его значение падало, и вскоре обряд совсем исчез. В Поволжье он сохранился вплоть до середины XX века [5]. Не только обряды, похоронные плачи, но и песни связаны с переходом в другой мир. В совокупности все составляющие волжско-немецкой похоронной обрядовости дают информацию о культурно обусловленных представлениях поволжских немцев о смерти и загробной жизни и тесно связаны с религией. По этим причинам нельзя недооценивать значение похоронной песни в жизни немецких колонистов, хотя количество таких песен невелико и составляет не более одного процента от всего записанного песенного наследия.

Если во многих славянских культурах погребальные песни можно назвать «памятниками деревенской культуры» [6; с. 13], то для немцев Поволжья это как раз наоборот. Среди сохранившегося в архивах наследия волжско-немецких погребальных песен вряд ли можно найти хотя бы одну песню, написанную самим народом. В первую очередь, музыкальной основой послужили «389 хоралов» и «371 хорал» И.С. Баха, мирового классика музыки протестантизма. Хоральное творчество восходит к последнему периоду жизни Баха в Лейпциге (1725–1750 гг.). Тексты погребальных песен на музыку Баха были написаны в XVIII веке немецким поэтом Фридрихом Готлибом Клопштоком, представителем сентиментализма [7]. На музыку баховских хоралов „Wie schön leuchtet der Morgenstern“, „Nun laßt den Leib begraben“ и „O, daß

ich tausend Zungen hätte“ Клопшток пишет ряд похоронных стихов, например, „Wie wird mir dann...“, „Herr, Herr, ich weiß die Stunde nicht“, „Es ist noch eine Ruh vorhanden“ [7].

Также к этому пласту наиболее древних церковных погребальных песен относятся песни, написанные Мартином Лютером (например, „Mitten wir im Leben sind“ в 1524 г.) и другими идеологами лютеранства, творившими в период становления новой религии. Сюда относится также похоронная песня Мельхиора Вульпиуса „Christus der ist mein Leben“ (1609 г.).

В Поволжье также были распространены другие пиетистические погребальные песни, относящиеся к более позднему периоду. Песня „Es geht nach Haus zum Vaterhaus“ [7] была создана в середине XIX века в США. Музыку написал Филипп Блосс, известный американский композитор, писавший для евангелическо-лютеранской церкви, а текст – Филипп Бикель, американский теолог с немецкими корнями.

Другая погребальная песня – „Laßt mich gehen“ [7] – была написана в Германии лютеранским миссионером из влиятельного в то время религиозно-просветительского движения Пробуждения (нем. – Erweckungsbewegung) Густавом Кнаком (текст) и дрезденским кантором Фридрихом Верманном (музыка) в 1879 году.

При этом нельзя не отметить массовости феномена погребальной песни в Поволжье. Записи таких песен были найдены не только у пасторов, но и в написанных от руки домашних песенниках, которые женщины переписывали друг у друга. Это, в свою очередь, показывает, что песни духовного содержания, в том числе и похоронные песни как необходимый элемент обрядности, занимали важное место в жизни народа.

Немецкое или американское происхождение погребальных песен не вызывает вопросов: сначала зародившееся в Германии и постепенно проникающее в различные части света лютеранское движение Пробуждения к середине XIX века достигает в Америке своего апогея. Более интересным является вопрос о том, как эти песни попали в Поволжье. Высказанное И. Эрбесом утверждение о „Handwerksburschen“ (нем. – рабочих парнях), каждый год ездивших в Германию на сезонные работы и привозивших оттуда новые песни [8], остается недоказанным. При этом заимствование новых похоронных песен кажется вовсе невероятным, так как рабочая среда в меньшей степени предусматривает духовную жизнь, хотя вовсе не исключает смерти. Наиболее вероятным путем проникновения достаточно молодых погребальных песен в Поволжье

было взаимодействие с европейской лютеранской церковью. Известно, что вплоть до начала XX века в Поволжье приезжали лютеранские священники из Швейцарии, чтобы вести богослужения в немецких колониях. Одним из самых известных священников был швейцарец Иоганн Баптист Каттаньо, служивший в лютеранском приходе поволжской колонии Норка с 1784 по 1831 гг. Родом из Граубюндена, он привез с собой ряд материалов для служения в церкви. Среди них были и активно разошедшиеся среди народа и сохранившиеся до наших дней погребальные песни [9].

Другими были Иоганнес Жанетт, служивший в приходе деревни Усть-Золиха, и Гартман фон Моос, служивший в немецкой колонии Екатериненштадт. Все трое происходили из швейцарского кантона Граубюнден, одного из известных центров не только швейцарского, но и общеевропейского движения Пробуждения. Эти люди не зря оказались на Волге: ставшие проповедниками пиетизма, они были вынуждены оставить свою службу в Швейцарии и поехать в Россию, страну свободного вероисповедания, к верующим, ожидающим их службу. Таким образом, была решена проблема и для священников, и для верующих.

Другим лютеранским пастором, оказавшим заметное влияние на обогащение погребальной музыки немцев Поволжья, был Иоганнес Эрбес. Родом из поволжского села Дёнхоф, он изучал теологию в прибалтийском на то время немецкоязычном Дерпте (ныне Тарту), где и имел контакты с немецкой церковью, благодаря чему на Волге появились новые погребальные песни. Кроме того, в конце XIX – начале XX вв. университет Дерпта был одним из крупнейших центров движения Пробуждения [10]. Доказательством того, что Эрбес привез с собой эти песни, может служить тот факт, что именно в его личном архиве находится печатный сборник погребальных песен [7]. Все остальные же записи сделаны от руки и, вероятно, были переписаны из книги Эрбеса.

Следует подчеркнуть тесную связь повседневной жизни поволжских немцев с религией. Немцы Поволжья – один из тех народов, у которых религиозное и фольклорное тесно переплетается между собой: это заметно в старинных народных балладах, народных духовных песнях. Что касается погребальных песен, то их происхождение является исключительно церковным. За счет массовости феномена погребальной песни и глубоких религиозных чувств поволжских немцев-лютеран этот жанр церковной музыки становится поистине народным, оставаясь при этом тесно связанным с церковью.

Остается только удивляться, насколько красочными и мажорными, духовно-возвышенными и светлыми являются погребальные песни немцев Поволжья. Песня „Am Grabe“ [7] является тому примером.

Am Grabe

Be - grabt den Leib in sei - ne Grust, bis ihn des Rich - ters Stim - me - ruft; wir
 säen - ihn, einst blüht er auf, und strahlt ver - klärt zu Gott hin - auf.
 Aus Stau - be schuf ihn einst der Herr,
 Er war schon Staub, und wird's noch mehr.

Песня во многом демонстрирует отношение немцев Поволжья к смерти. Песня функциональна, хотя здесь сложно отследить субдоминантовую и доминантовую функции, и построена по гомофонно-гармоническому принципу. Долгие длительности нот соответствуют религиозному содержанию песни и отражают ее отчасти траурный и в то же время приподнятый, лирический характер. Побочные трезвучия II-й и VI-й степеней придают мажорному ладу оттенки минорной просветленности. Особо примечательным в этой песне является лад. Гармонический мажор, несомненно, относится к ладам, характеризующим восточную музыку, но он находит свое воплощение и в европейской церковной музыке (хотя и очень редко). Благодаря гармоническому мажору в этой песне смогли появиться интервалы, характерные для натурального минора, что объясняется траурным содержанием песни. Заканчивается песня немного приглушенным верхним доминантой и усиленным вводным звуком всеутверждающим мажором как доказательство существования другой, во многом лучшей загробной жизни, в которую усопшего и провожали такой песней.

Путешествия песен по миру порой не поддаются логическому объяснению из-за многообразия связей и культурных взаимодействий. Это относится и к погребальным песням немцев Поволжья, проделавших долгий путь из Германии и Америки, прежде чем (окончательно?) осесть на Волге. Связь народной культуры с религиозной, преданность традициям и прочные культурные связи с бывшей родиной в полной мере помогли поволжским немцам сохранить свою национально-культурную идентичность, немало-

важной, хоть и кажущейся незначительной на первый взгляд, частью которой являются погребальные песни.

Литература

1. Schirmunski V.M. Das kolonistische Lied in Russland // Zeitschrift des Vereiens für Volkskunde 38/39. – 1927/28. – С. 18–215.
2. Шишкина Е.М. Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности. // Автореферат на соискание... д-ра искусств. Саратов: 2011. – 46 с.
3. Morin E. Čovek i smrt. Beograd: Beogradski izdavački zavod 1981.
4. Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2012. 316 с.
5. Totenhochzeit. Ein Vortrag gehalten in der Gesellschaft für Urgeschichte zu Jena von Otto Schrader. – Jena: 1904.
6. Holzer G. (Hg.) Hrvatska Spričanja u svoji povjesni i arealni dimenzija. // Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov Trajštof: 2009. – 198 S.
7. ОГУ «Государственный исторический архив немцев Поволжья» (далее – ГИА НП). Ф. 1831, Оп. 1, д. 92.
8. Erbes J. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien. Saratov: 1914. 458 S.
9. ГИА НП. Ф. 1831, Оп. 1, д. 232.
10. M. Fischer, R. Schmidt “Mein Testament soll seyn am End”. Sterbe- und Begräbnislieder zwischen 1500 und 2000. Münster: Waxmann Verlag, 2005. 305 S.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В ЭВЕНКИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

А. Н. Мамонтова

*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского
федерального университета, г. Лесосибирск, Россия*

Научный руководитель: Н. Г. Харитоновна, старший преподаватель

Важной составляющей эвенкийского фольклора являются анималистические сказки. Тематика их разнообразна: происхождение мира и животных, промысловый культ, мифы о тотемных животных, высмеивание слабостей и пороков людей. Рассматривая животный эпос, мы выяснили, что схожие сюжеты распространены в фольклоре многих народов не только Сибири, но и всего мира [1,2,4].

Эвенкийский фольклор в системе религиозных представлений составляет одну из черт духовной культуры. Основной его частью является выражение определенного мировоззрения и представлений об окружающем мире. Мир эвенкийского фольклора разнообразен и обширен: это и положительные герои, которые олицетворяют идеи добра, веры, надежды, и отрицательные,

несущие зло. Животные в сказках антропоморфны: они обладают даром человеческой речи, им свойственны человеческие действия и чувства.

В духовной культуре эвенков медведь и лось являются священными животными. По представлениям эвенков, медведи – это тоже «медведи люди», лишь перед людьми они имеют звериный облик. В любое время медведь может превратиться в человека. Медведь является «первопредком» и творцом, олицетворением мужского начала. Показателем сакральности, почтительного отношения к медведю является обычай дарения шкуры убитого медведя родственникам по браку или любому уважаемому человеку, захоронение костей животного и защита их от осквернения.

Интересны сюжеты о встрече зверей: медведя с лисицей, волком или с соболем [2,3]. Основным мотивом этих сказок является объект их страха. Объектом страха лисы, волка, соболя является человек. Каждый из них обещает убить объект страха другого. Медведь идет добывать человека, но убить своих младших братьев он не может, они убивают его самого. В сказках: «Лисица и медведь», «Медведь и соболю», «Медведь и Волк» [3] объясняется, почему медведь стал бояться человека. Человек умнее и может всегда добыть зверя с помощью оружия. В сказке «Лиса и медведь» лиса подобно людям тайги предлагает медведю место для ночлега на высоком открытом месте, где ветер отгоняет весь гнус, но вместе с тем это, же предложение служит для нее уловкой, чтобы убить медведя. Медведь здесь изображается доверчивым и простодушным.

Лось по представлениям эвенков, является носителем женского начала, занимает важное место в модели мироздания.

Еще одной чертой эвенкийского фольклора являются распространенные сюжеты о встрече зверей: медведя с лисицей, волком или с соболем [2,3]. Основным мотивом этих сказок является желание животных избавиться от «объекта их страха» – человека. Медведь идет добывать человека, но убить своих младших братьев он не может, они убивают его самого. В сказках: «Лисица и медведь», «Медведь и соболю», «Медведь и Волк» [3] объясняется, почему медведь стал бояться человека. Человек умнее и может всегда добыть зверя с помощью оружия. В сказке «Лиса и медведь» лиса подобно людям тайги предлагает медведю место для ночлега на высоком открытом месте, где ветер отгоняет весь гнус, но вместе с тем это, же предложение служит для нее уловкой, чтобы убить медведя. Медведь здесь изображается доверчивым и простодушным.

Часто в сказках о животных встречается лиса. Она понимает человеческую речь и говорит на человеческом языке. Мотивы сказок, где присутствует лиса, разнообразны: кража рыбы или мяса, состязание в беге с рыбой, разговор рябчика с лисой, и др. Например, в сказке «Как лиса обманула старика» лиса просится к старику в работницы пасти оленей, а когда старик пришел проверить, то оленей уже не было. Лиса перехитрила старика и забрала все мясо. Она побеждает человека своей хитростью, ловкостью, коварством [3].

Самыми популярными персонажами в мире птиц являются гагара и лебедь, они символизируют у эвенков небесный мир и являются ведущими персонажами шаманской мифологии. При полете гагара и лебедь занимают одно из первых мест в строю и по высоте полета. Основной задачей их является отгонять злых духов от шаманской души. Гагара выступает в роли помощника при сотворении земли. Бог верхнего мира Хэвэки просит ее принести кусочек земли со дна моря, она его приносит, но не отдает, так как хочет сама быть творцом мира. Тогда Хэвэки прогоняет её и даёт ей другое предназначение – быть носителем шаманской души водной стихии. В сказке, таким образом, мы видим мифологическое отражение способности гагары длительное время находиться под водой. Встречается сюжет, где гагара создана злым духом Харги.

Лебедь является обитателем верхнего мира. В сказках он выступает как мудрый наставник и хранитель своего рода [3]. Перья лебедя присутствуют на головном уборе шамана, их используют и в шаманских камланиях. Такие птицы как чирчи, бекасы и кулики во всех шаманских камланиях являлись сторожами. От них зависело путешествие шаманской души, они всегда первыми замечали опасность и сообщали о ней птицам шаманской стаи. От их бдительности полностью зависел тот или иной шаманский обряд. Синица является у эвенков единственным существом, которое способно оградить ребёнка от всевозможных болезней и злодеяний, враждебных духов. Чтобы ребёнок рос здоровым, при рождении ему изготавливали специальную шкатулку муручун, в которую помещали сшитое из замши птичье гнездо и изготовленную из ровдуги или дерева птичку – хранилищницу души ребёнка.

Являясь разорителем чужих гнезд, ворон обретает в сказках новый образ. Как известно из мифологии, он воспринимался как посредник между летом и зимой, между мудростью и глупостью, женщиной и мужчиной. Все эти связи можно назвать качественными

изменениями мира: мир просыпается, рождается и засыпает – умирает. Именно ворон является первым вестником весны на Севере [4].

Таким образом, животные в фольклоре отражают религиозные взгляды эвенков, их модель мира, символизируют природные циклы, олицетворяют человеческие добродетели и пороки.

Литература

1. Антология фольклора народной Сибири и Севера и Дальнего Востока / Под ред. В. М. Санги – Красноярск, 1989. – 490 с.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
3. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г.М. Василевич. – Л. : Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 290 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х тт./ Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Рос. Энциклопедия, 1994. – Т. 1. А-К. – 671 с.
5. Емельянова Т.Н. Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России / Т.Н. Емельянова, М.В Южанина. – М. : Северные просторы, 2002. – 528 с.
6. Эвенки. [Электронный ресурс] ФИРО. – [Б.м.], [Б.д.] – URL: http://firo04.firo.ru/?page_id=2000 (дата обращения 16.03.2014)
7. Эвенкийские сказки [Электронный ресурс] Литературные страницы Эвенкии. – [Б.м.], [Б.д.] – URL: http://godkosmicheskoyjery.ru/lit_skaz1-4.html (дата обращения 16.03.2014)
8. Селляева Т. Культовые и священные птицы эвенков [Электронный ресурс] Алье паруса. – [Б.м.], [Б.д.] – URL: <http://nsportal.ru/ap/drugoe/library/kultovyie-svyashchennye-ptitsy-evenkov> (дата обращения 16.03.2014)

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР: ПРИЧИНЫ, СУТЬ И ИТОГИ

Ю. К. Маикова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Перестройка. Для каждого человека нашей страны и стран бывшего СССР это слово имеет большое значение. Оно несёт в себе глубокий смысл перемен. С ним связана ликвидация целого государства, развал экономической системы, упадок социально-духовной сферы и вступление страны в глубокий системный кризис, охвативший все сферы российской жизни. Последствия перестройки до сих пор влияют на развитие страны, и ещё долго будут сказываться.

Целесообразным представляется начать с определения «перестройки». Перестройка – название нового курса страны, совокуп-

ность политических и экономических перемен, происходивших в СССР с 1987 по 1991 годы. Этот исторический период нераздельно связан с именем руководителя страны того времени – генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева [1]. Многие считают началом перестройки март 1985 года – дата прихода Горбачева к власти. Молодой и энергичный, он сразу создал новую команду управленцев, в которую вошли: Н. Рыжков, Е. Лигачев, Б. Ельцин, Э. Шеварднадзе, Л. Зайков, Н. Талызин, А. Яковлев, В. Чебриков. С появлением Горбачева на российской политической арене начались сдвиги в советском обществе: упрощается выезд из СССР; освобождаются из ссылки академик Сахаров и ещё более 100 диссидентов; начинается процесс реабилитации жертв сталинских репрессий, объявленных Сталиным злейшими врагами народа: Бухарина, Рыкова, Томского, Зиновьева, Радека и др.; понятия: «гласность» и «демократизация» – становятся краеугольными камнями управленческой политики.

Начало перемен в области управления М. С. Горбачева воодушевило всю страну. Народ ожидал расцвет страны, прекрасное будущее, которое обещал красноречивый и подающий большие надежды деятель.

В первое время Горбачев пытался использовать механизм давления государственного аппарата для решения проблем в стране. Введён «сухой» закон, нанесший удар по бюджету страны и ускоривший инфляцию. Внутриполитическую ситуацию в стране обострили репрессии в сфере внутренней и внешней торговли. Однако, борьба с коррупцией не принесла ожидаемых плодов.

В январе 1987 вступает в действие новая система начисления заработной платы. Постановления о создании кооперативов в сфере производства товаров народного потребления и услуг, о долгосрочной аренде, о банковской деятельности – все это создавало новую атмосферу в стране. Это и стало толчком для новой мощной управленческой реформы, которая означала распад крупнейшего в мире государства.

А что предшествовало перестройке?

В середине 70-х годов в стране начал утверждаться культ Л. И. Брежнева. Руководящая партийно-государственная верхушка формировалась по клановому принципу. «Новое дворянство» переходит от роли управляющих к положению реальных хозяев. В самых высших кругах распространялись взяточничество и коррупция. С одной стороны экономическое развитие в СССР в то время было достаточно устойчивым. Советский Союз опережал США

и страны Западной Европы по таким показателям, как добыча угля, нефти, руды, цемента, производству тракторов и комбайнов. Но что касается качественных товаров, то здесь отставание было налицо. Наблюдалось падение темпов экономического развития. Советская экономика стала невосприимчивой к инновациям, очень медленно осваивала достижения науки и техники.

После искусственно вызванного Западом резкого падения цен на нефть осенью 1985 г. советская экономика затрещала по швам, и в считанные месяцы СССР, который во многом жил на «нефтедоллары», из сверхдержавы стал превращаться в страну-должника, государственный долг вырос в 3 раза.

Промышленность и сельское хозяйство приходили в упадок и не были в состоянии не только конкурировать с мировыми производителями, но даже и обеспечить всем необходимым собственное население. Ставка на частную предпринимательскую инициативу только усугубила ситуацию.

Принятый в 1987 г. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» открыл путь к разгулу спекуляции и привел к росту социальной напряженности. Кооператор, продающий «вареные» джинсы, получал в десятки раз больше денег, чем работник любого советского предприятия.

Согласно Закону СССР «О государственном предприятии (объединении)» (1987) появилась возможность оставить основные фонды предприятий в собственности государства, а прибыль распределять частным образом. Трудовые коллективы «демократическим» путем выбирали директором не лучшего хозяйственника, а того, кто обещал большую зарплату. Банк, на счетах которого сосредоточивалась прибыль предприятия, по требованию дирекции обязан был обналичивать любую сумму для выплат дополнительных зарплат и премиальных. В результате у населения появилось очень много ничем не обеспеченных денег, которые тратились не на вклады в сбербанках, как это было раньше, а на скупку товаров народного потребления, продуктов длительного хранения и предметов роскоши. Притом, что роста производительности труда и качества продукции не произошло, это подстегнуло инфляцию и послужило разрушению финансовой системы государства. Товарный дефицит и огромные очереди в магазинах стали повседневным явлением.

В 1987 г. вышли 3 разрешительных документа: указ Президента Верховного Совета, постановление Совета Министров СССР № 49, а также совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 1074 о децентрализации внешнеэкономической деятель-

ности, предоставившие всем советским предприятиям и кооперативам право выхода на внешний рынок. Таким образом, государство отказывалось от монополии на внешнюю торговлю.

На Запад эшелонами потекло достояние советского народа – от металла до высокотехнологичного оборудования, где оно продавалось по бросовым ценам. Обратное завозились дешевая одежда, сигареты, шоколадные батончики и проч. Процессы насаждения в СССР рыночных отношений критиковали даже на Западе. Известный антикоммунист Дж. Сорос писал: «Можно говорить о рыночной экономике, но нельзя говорить о рыночном обществе».

В дополнение к рынкам общество нуждается в институтах, которые будут служить таким социальным целям, как политическая свобода и социальная справедливость. У России в этот период были все шансы воспользоваться этим и оказаться в авангарде. Но вместо этого отягощенные комплексом неполноценности «режиссеры» привели страну к «дикому капитализму». Аналогичную позицию высказывали и Лауреаты Нобелевской премии по экономике, например Дж. Гэлбрэйт [2].

Неразберихой в СССР поспешили воспользоваться лидеры западных держав, увидев шанс максимально ослабить страну и лишить ее статуса сверхдержавы. М. Горбачев потакал им в этом как мог, проявляя удивительные мягкотелость и недальновидность. Поддавшись на блеф Р. Рейгана с программой СОИ, он пошел на крайне невыгодные условия ядерного разоружения, подписав в 1987 г. договор с американской стороной о ликвидации ракет средней дальности, размещенных в Европе.

В 1990 г. Горбачев подписал в Париже «Хартию для новой Европы», что повлекло за собой распад советского военного блока, утрату позиций в Европе, вывод войск с территорий восточноевропейских стран. На фоне провалов в экономической и внешнеполитической деятельности продолжалась последовательная политика духовной агрессии против народа.

Уже в конце 1987 г. началась мощная раскрутка Б. Ельцина, «прогрессивного» первого секретаря Московского обкома партии, пострадавшего «за правду». Именно его прозападное ориентированная часть партийного руководства и готовила на роль нового властителя России вместо непоследовательного, трусливого Горбачева, который, выполнив свою незавидную роль разрушителя, стал Западу не нужен.

Горбачев еще пытался овладеть ситуацией: на XIX Всесоюзной партконференции, провозгласив «гуманный, демократический

социализм» (повторив во многом лозунги с режиссированной в 1968 г. ЦРУ США провокации – т. н. «пражской весны»), он предложил куцый проект избирательной реформы, согласно которому допускалась альтернативность выборов. За КПСС закреплялась треть мест. По этой схеме и прошли выборы народных депутатов Союза. I съезд народных депутатов СССР, состоявшийся 25 мая 1989 г., сыграл в жизни страны роковую роль. Именно на нем оформились и легитимизовались откровенно антироссийские, антигосударственные силы, активно поддерживаемые западными финансовыми структурами. Межрегиональную депутатскую группу, которая уже не скрывала своего неприятия социализма, даже «гуманного» горбачевского, возглавил, как это ожидалось, опальный Ельцин. С этого времени процесс развала страны пошел «по нарастающей». Горбачев стремительно утрачивал свою власть и бывшее влияние. Ситуацию не изменило и его избрание Верховным Советом СССР президентом страны. В обществе возникли новые партии, нарастали центробежные тенденции.

Уже в 1990 г. практически независимыми стали республики Прибалтики, произошли кровавые столкновения на Кавказе – в Грузии, Азербайджане, Армении, а также в Средней Азии. Горбачев поддался на многочисленные провокации и использовал силу для «наведения порядка» в Тбилиси, Вильнюсе, Риге, Нагорном Карабахе и других регионах. Немногочисленные погибшие тут же были объявлены «жертвами, павшими за свободу народа», что усилило антисоветские настроения и подтолкнуло трусливое руководство республик к прямому провозглашению независимости.

В 1990 г. был провозглашен государственный суверенитет РСФСР, через год Б. Ельцин стал президентом России. Окончательно выпустивший из рук рычаги управления страной Горбачев предпринял последнюю попытку установить контроль над ситуацией. Он инициировал работу над подписанием нового Союзного договора, который фактически узаконивал распад Союза. Но накануне его подписания часть руководителей страны попыталась, создав ГКЧП, сохранить государство, но этот шаг был слабо подготовлен, о нем знали даже сторонники Ельцина. Они только ждали возможности воспользоваться шансом столкнуться с «представителями строгого порядка».

«Августовский путч» 19–21 августа 1991 г. был превращен сторонниками Ельцина в грандиозный политический спектакль. Фактически именно это время можно считать датой окончательного развала страны (хотя юридически это было оформлено лишь

Беловежскими соглашениями, отставкой Горбачева и декабрьской сессией Верховного Совета СССР) и полным крахом перестройки.

Период перестройки можно определить как попытку реформирования Советского государства, закончившуюся ликвидацией СССР [3].

Главные вопросы, которые вызывают многочисленные споры, сводятся к следующим: могли или нет горбачевские реформы иметь успех, т.е. была ли советская система способна к самопреобразованию или внутреннее разложение советского социализма было столь велико, что ему не могла помочь никакая перестройка? Какова была природа кризиса, охватившего Советский Союз, как он назревал и в каком направлении развивался, какие социальные слои и группы охватывал, что в результате развития этого кризиса происходило с системой государственного управления? Можно ли выделить какую-либо одну причину распада СССР или произошло совпадение множества факторов?

Большинство историков относят вышеперечисленные вопросы к разряду «вечных», которые, якобы, не могут иметь какого-либо одного-единственного ответа, поскольку перестройка, по их мнению, является «многослойным» экономическим, политическим, идеологическим и социальным феноменом. Одни считают, что перестройка вызвана искусственно усилиями Запада, который хотел разрушить СССР, и сделал это. Другие считают, что главной причиной перестройки была борьба за власть старой и новой номенклатуры. Горбачев сменил 70% членов Политбюро, 60% первых секретарей. Третьи считают, что перестройка была вызвана объективными обстоятельствами, т.е. тем, что мы проиграли соревнование с Западом. Мы отставали почти в 4 раза по производительности труда в промышленности, а в сельском хозяйстве – в 10 раз [5].

Перестройка вначале замышлялась как некоторое улучшение социализма, а затем как революция, но в рамках социализма. Она предусматривала придание социализму нового импульса и нового качества роста. Конечной целью провозглашалось создание гуманного демократического социализма (а раньше был социализм со звериной мордой?), превращение социализма в более динамичную систему. Составной частью перестройки стала концепция нового политического мышления, согласно которой в оценке событий в мире и в отношениях с другими странами мы должны исходить не только из классовых, но и из общечеловеческих ценностей.

К концу 1991 г. экономика СССР оказалась в катастрофическом положении. Ускорялось падение производства. Большинство

товаров исчезло с прилавков. Вводилось нормированное распределение многих продуктов. Люди опасались возможного голода. Серьезные сомнения возникли у западных кредиторов в платежеспособности СССР. Суммарный внешний долг Советского Союза к концу 1991 г. составлял более 100 млрд. долларов. Советскому Союзу пришлось продавать свой золотой запас. К концу 1991 г. СССР уже не мог выполнить свои международные обязательства по обслуживанию внешнего долга. Экономическая реформа становилась неизбежной и жизненно необходимой. Нужен был новый виток в жизни страны.

События перестройки до сих пор имеют влияние на наш образ жизни. Именно ими порождены многие проблемы, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня. Мы не можем понять их, не зная их истоков. Я уверена, что они ещё долго будут в поле нашего зрения, и мы должны изучать их более подробно. Даже по истечении многих лет мы не должны забывать страницы прошлых лет и продолжать жить, как ни в чём не бывало. История не прощает подобной небрежности. Поэтому мы должны знать, должны изучать, должны проникаться в жизнь прошлого, анализировать, делать выводы и не допускать ошибок предков.

Литература и источники

1. <http://rufact.org/facts/view/379>
2. <http://lawtoday.ru/razdel/biblo/yur-psix/011.php>
3. http://www.e-reading.ws/bookreader.php/148246/Shironin_Agenty_perestroiki_Rassekrechennoe_dos'e_KGB.html
4. <http://nnm.me/blogs/ashkaa777/perestroyka-prichiny-posledstviya/>
5. <http://gosegz.mybb.ru/viewtopic.php?id=17>
6. <http://www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/perestroyka-v-sssr.html>, <http://ru.wikipedia.org/wiki>,
7. <http://www.gorbachev-ms.narod.ru/pere.html>,
8. <http://www.youtube.com/watch?v=uDn4JvjrnE>.

ПРИРОДНЫЕ ПАРКИ В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИРОДНЫХ ПАРКОВ США)

А. А. Накрохина

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Научный руководитель: И. А. Пантелеева, к.философ.н., доц.

В учебном плане направления «социально-культурная деятельность» одной из специальных дисциплин является курс «Социально-культурная работа за рубежом», направленный на изучение опыта организации культурно-досуговой деятельности, социальной работы и социального воспитания [1] в странах Западной Европы и США. Изучение такого опыта дает возможность экстраполяции новых методов, форм и технологий социально-культурной деятельности на российскую почву. Данная работа представляет собой попытку проанализировать роль природных парков США в социальном воспитании детей и подростков, в рамках указанного учебного курса.

В настоящее время в России актуальными становятся концепции, рассматривающие в качестве образовательной среды подрастающего поколения все окружающее пространство – не только классную комнату, но и пришкольную территорию, город и его учреждения, пригородную зону. Наиболее часто педагогами и исследователями в образовательный процесс включаются такие учреждения социально-культурной сферы как музеи, театры и кинотеатры, библиотеки, клубные учреждения. В меньшей степени в качестве альтернативы классной комнате в образовательном процессе используются ландшафты природных парков, расположенных как в городской черте, так и за ее пределами. В то время как зарубежные, и в частности, американские коллеги накопили серьезный опыт такого рода.

Природные парки – это природоохранные, рекреационные учреждения, находящиеся в ведении субъектов Российской Федерации, на которые распространяется режим особой охраны [2]. На территориях природных парков запрещается деятельность, влекущая за собой изменение исторически сложившегося природного ландшафта, снижение или уничтожение экологических, эстетических и рекреационных качеств природных парков, в связи с чем в границах природных парков могут быть запрещены или ограничены виды деятельности, влекущие за собой снижение экологической, эстетической, культурной и рекреационной ценности их территорий [3].

Системный подход к вопросам развития природных парков позволяет рассматривать эти «оазисы» в зелёной структуре генеральных планов городов не только как пространство рекреационной и культурно-досуговой деятельности населения, но и важнейший элемент социального воспитания молодежи.

Социальное воспитание – возвращение человека в специально созданных воспитательных организациях в процессе планомерного

создания условий для его относительно целенаправленного позитивного развития и духовно-ценностной ориентации [4]. Целый ряд исследователей (А.И. Арнольдов, В.Г. Бочарова, А.С. Вишняков, Б.З. Вульф) рассматривают социальное воспитание как объективно направленное на преодоление сложившегося в педагогической науке узкопрофильного взгляда на личность и ее формирование в относительно замкнутых педагогических учреждениях (детский сад, школа, вуз и т.д.). Социальное воспитание аккумулирует в себе влияние на педагогический процесс разнообразных условий среды (социокультурных, природных, экологических, географо-климатических, социально-бытовых, национально-народных), рассматривая индивида в контексте его окружения [4]. Весьма продуктивной в плане социального воспитания подрастающего поколения может быть деятельность природных парков, создающая дополнительные возможности для удовлетворения культурных, образовательных и социальных потребностей подростка, его социальной защиты, профориентации, формирования социально одобряемого ценностного комплекса.

Система природных парков в Соединенных штатах Америки имеет большую историю. Она начала создаваться еще в 19 веке. На данный момент в организации работы природных парков задействовано около 20 тыс. сотрудников как на постоянной, профессиональной, так и добровольной (волонтеры) основе, причем последних – большинство (около 75% от общей численности сотрудников) [5; 6]. Важное значение в деятельности природных парков имеет Служба национальных парков США, созданная не только с целью охраны природного, культурного и исторического наследия парков, но и выполняющая воспитательную функцию при работе с американской молодежью, способствующая воспитанию таких качеств как гордость, патриотизм, ответственность, уважение к национальному природному и культурно-историческому достоянию.

Исследователи выделяют следующие виды природных парков США: 1) *ландшафтные парки* – природные зоны и ландшафты, специально организованные для прогулок, экологического туризма и проведения научных экологических и ландшафтных исследований; 2) *лесопарки* – благоустроенный лес, предназначенный для свободного кратковременного отдыха и приведенный путем постепенной реконструкции в определенную ландшафтную систему, сочетающий рекреационные, архитектурно-художественные, санитарно-гигиенические, познавательные и лесохозяйственные функции; 3) *рыболовно-охотничьи парки* – специально отведен-

ные территории для проведения регулируемой лицензиями охоты и любительского рыболовства, а также проведения экологических, зоологических, ихтиологических исследований и мероприятий; 4) *природные национальные парки* – изъятая из хозяйственного использования, особо охраняемая природная территория, имеющая экологическое, генетическое, научное, эколого-просветительское, рекреационное значение; 5) *природно-исторические рекреационные парки* – природно-архитектурные комплексы: монастырские, усадебные, этнографические. [4]

В природных парках США определены следующие направления работы природных парков в процессе социального воспитания молодежи: а) организация и проведение школьных занятий как на базе учебного заведения, так и на территории парка; б) организация работы школьных лесничеств; в) организация летних детских лагерей и экспедиций туристской, экологической, этнографической, географической и т. д. направленности; г) проведение праздников и акций экологической тематики; д) организация конкурсов и выставок детских и молодежных творческих работ в соответствии со сферой основной деятельности природного парка; е) организация научно-исследовательской деятельности со школьниками; ж) экскурсионно-туристская деятельность, в том числе и проведение экскурсий школьниками и молодежью для разных групп посетителей; з) рекламная деятельность и пропаганда – привлечение новых волонтеров и друзей парка.

Основные направления социального воспитания подрастающего поколения на базе природных парков могут быть рассмотрены посредством анализа деятельности репрезентативных природных парков США.

Центральный парк Нью-Йорка. Приоритетным направлением деятельности этого парка является информационно-просветительная деятельность. Здесь проводятся школьные занятия по курсам биологии, истории, географии, массовые праздники и акции по привлечению новых друзей парка (волонтеров и спонсоров). Сотрудники парка организуют научно-исследовательскую работу школьников по экологической проблематике, что позволяет сформировать бережное отношение к окружающему миру у подрастающего поколения. На его территории создан Большой луг, сооружены 19 детских и 12 баскетбольных площадок, теннисные корты, каток и зоопарк. На территории парка проводят спортивные соревнования, концерты под открытым небом, политические мероприятия. Ежегодно его посещают 25 миллионов человек [7].

Лес Покомок. Довольно схожей является опыт организации социального воспитания подрастающего поколения на территории леса Покомок, расположенный в округе Ворчестер между Сноу-Хилл и Покомок-сити, который знаменит произрастанием лиственных пород, различными видами рыб и птиц [7]. Помимо стандартных услуг для такого вида парков (рыбалка, плавание на каноэ, пешие прогулки, езда на горных велосипедах, верховая езда) [8], Покомок предоставляет возможность участвовать в конкурсе плакатов на эко-тему в день деревонасаждения, а так же в конкурсе «Посади дерево». Такие программы реализуются с 1883 года и их продолжают делать ежегодно. Для тех старшеклассников и студентов, кто заинтересован в изучении природных ресурсов с целью дальнейшего образования и продолжения научно-исследовательской работы, организованы специализированные летние лагеря. Впоследствии выпускники этих лагерей имеют возможность получить трудоустройство в области лесного хозяйства и других смежных дисциплин. Кроме того, в лесу Покомок реализуются ежегодные программы, направленные на изучение животного мира, почвы, а также водных видов спорта.

Йеллоустоун-парк. Самый знаменитый природный парк Америки, включающий такие достопримечательности как Большой каньон, с множественными каменными столбами разнообразной формы, густые хвойные леса, занимающие 80% территории, около двух тысяч растений, несколько сотен млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб [5]. Организация работы сотрудников учреждения базируется на сохранении живописного ландшафта, природных и исторических объектов живой природы, обеспечивающих возможность такого досуга, который позволяет сохранить ненарушенную природу для будущих поколений. На территории действуют девять информационных центров и музеев, некоторые из которых отнесены к историческим памятникам, помимо этого действуют девять отелей, кемпинги, клубы альпинизма и скалолазания. Одной из востребованных программ социального воспитания молодежи является программа «Молодежные сады» для старших школьников и молодежи, направленная на формирование навыков сельскохозяйственных работ, знакомство с растительным и животным миром. Участникам выделяют все необходимое для обработки небольших земельных участков, проводятся уроки на тему природных ресурсов. Кроме того, в парке разработана система занятий, согласованная со школьной программой, где школьники изучают историю, обществознание, географию. Такие заня-

тия реализуются в интерактивной форме и требуют от учащихся не просто суммы знаний, но и навыков по ведению собственных научных исследований в области краеведения, экологии, географии, природоохранного законодательства и др.

Таким образом, природные парки в США наделены не только природоохранной и рекреационной функцией, но и воспитательной, образовательной функцией. Для жителей США посещение природных парков является одним из самых популярных досуговых мероприятий. В России пока мало представляют, чем парк, как объект досуга и социального воспитания отличается от обычного отдыха на природе. В новых условиях следует пересмотреть традиционные направления деятельности природных парков нашей страны, в том числе и активизировать работу с подрастающим поколением, решающую задачу организации досуга и реализующую функцию социального воспитания молодежи. Целесообразно организовывать культурные программы на базе массовых парков, активнее проводить работу по эстетическому воспитанию, техническому творчеству молодежи, обеспечить условия для занятий физкультурой и спортом, создавать на территории парков физкультурно-оздоровительные комплексы круглосуточного пользования, развивать новые ландшафтно-художественные зоны, формировать парковый ландшафт как музей окультуренной природы, проводить регулярно на базе парков разнообразные мероприятия национально-культурного характера, развивать специализированную деятельность парков, направленную на пропаганду народного творчества и фольклора, любительского движения и др.

Литература

1. Дуликов В.З. Социально-культурная работа за рубежом: Учебное пособие. М.: МГУКИ, 2003. С. 23–24.
2. Попова Н.В. Национальные и природные парки в системе особо охраняемых природных территорий. // Молодежь и наука. 2013, № 1. С. 6.
3. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10107990/>
4. Милованова Н.Ю. Воспитание, социальное воспитание и социальная адаптация личности в контексте социализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013, Т.117, №1. С. 108–113.
5. Колупаева В.В. Развитие парков США в конце XX – начале XXI века // Ученые записки Курского государственного университета: электронный научный журнал. 2012. № 4 (24). Ч. 1. С. 23–27.

6. Колупаева В.В. Из истории создания Служб национальных парков США // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 8(151). Вып.26. Белгород. 2013. С. 56–60.
7. Онуфриенко Г.Ф. Парки разные нужны, парки всякие важны. Культура в современном мире. 2012, № 3. Ч.1. С. 17–20. Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2012/03/2012-03_r_kvм-s8.pdf
8. Pokomoke State Forest. – Режим доступа: [<http://dnr.maryland.gov/publiclands/eastern/pocomokeforest.asp>]

КУЛЬТУРА ТАТУ

А. С. Очкарёва

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: С. А. Селиванов, к.филос.н., доц.

В последнее время очень много молодежи делает себе татуировки даже не задумываясь о том, что эти изображения могут что-то значить, нести какой-то смысл. Татуировка стала одним из способов самоутверждения молодых людей в «своей тусовке». В последствии подобные вещи называют «ошибками молодости».

К нанесению и выбору татуировки необходимо подходить ответственно, так как любое нанесенное пятно на тело не только имеет какое то значение, но и несет определенную энергетику, которая влияет на человека. Таким образом, чтобы получить необходимое для себя качество люди набивают на теле определенных животных. Каждое животное ассоциируется с рядом понятий присущих ему в реальной жизни, которые сопоставляются со схожими им человеческими качествами. Эти рисунки призваны помогать хозяевам развить свои личностные качества. Однако многое зависит от образа жизни и поведения человека.

Происхождение ТАТУ является довольно спорным вопросом. Этимологический корень слова «татуировка» до сих пор окончательно не определился. На этот счет существует несколько равноценных версий. Ряд исследователей придают значение религиозному моменту, ибо у некоторых первобытных народов татуировка заменяла еврейское обрезание или христианское крещение. Многие считают, что настоящая родина татуировки – Гаити, где местные племена отмечали нателными символами знаменательные даты. Коган Я. М., ссылаясь на иностранные источники, приводит несколько вариантов происхождения слова «татуировка». По одним данным, названия: «Та- татау», «Тату», «Татау», «Тататорио» представляют собой звукоподражание шуму «тат-тат-

тат», являющемуся результатом троекратного постукивания по инструменту, с помощью которого производится татуировка. По другим — корень слова «тау» соответствует явайскому «тату», обозначающему в переводе «рана» или «раненый». В Большой советской энциклопедии указывается, что слово «татуировка» таитянского происхождения: «та» — картинка, «ату» — дух. «Та-ату», «тату» — картинка-дух.[1] Русский ученый-криминалист Гернет М.Н. утверждал, что слово «татуировка» происходит от имени бога полинезийцев «Тики», который якобы и придумал татуировку.[2] Из всего этого следует, что татуировка изначально несет смысловую нагрузку, является отражением души.

Впервые слово было употреблено Джеймсом Куком в отчете о своем путешествии, который дошел до широкой публики в 1773 году. Совершая свое очередное путешествие, съеденный аборигенами капитан внес весомый вклад в дело возрождения татуировки в Европе, ведь он привез с Таити не только само слово, но и Великого Оми, сплошь татуированного полинезийца, конечно, ставшего настоящей сенсацией.[3] Сейчас этого человека в шутку называют первой тату-галереей.

До Кука способы украшения человеческого тела называли словами, заимствованными из жаргона различных общественных групп. Обычно они относились к живописи («grafism») у Джакомо Казановы) или символике («stigma» в античной литературе или «stigmat» в Библии). Кроме того, в Западной Европе с той же целью использовали такие наименования, как «вырезанный рисунок», и непереводаемый французский термин «riquage», автором которого был некий маркиз де Монкальм, которому довелось познакомиться с индейцами Канады. Словом, в Европе татуированные виделись «раскрашенными» либо «отмеченными знаком». Более точны были голландцы, называвшие саму операцию «prikschildern», что в примерном переводе означает «рисование с помощью накалывания» [4].

Существует несколько теорий зарождения татуировок. В соответствии с одной теорией тату — это прогресс от каждого очередного естественного повреждения кожи, которые были случайно получены людьми Каменного Века. Кровоподтеки и раны сливались в единый, причудливый шрам, отличающий в выгодную сторону их обладателя от соплеменников, как удачливого охотника и храброго воина. Первобытные семьи со временем разрастались, начали объединяться в небольшие организованные общины, поэтому возникла потребность наносить на кожу специальные

отметины, которые имели специфическое значение в рамках конкретной общественной группы.

Аборигенное население Полинезии и Индонезии, где тату практиковались чаще, чем где бы то ни было, непрерывно передавали из поколения в поколение мастерство нанесения тату. Практически каждая сторона жизни этих людей имеет связь с нателными рисунками – от момента рождения и до самой смерти. Нет такой части тела, где бы не потрудились местные художники. Помимо того, татуировки связаны с «переходными» обрядами: посвящением юношей в зрелые мужчины или переселением в загробный мир из этой жизни. Например, племена Диак верили, что в местном раю всё начнет приобретать новые качества, которые являются полной противоположностью земным: белое станет черным, сладкое – горьким и т. п. Таким образом, предусмотрительные и изобретательные диакцы татуировались в максимально темные оттенки. Поменяв свой облик после смерти, тату становились сияющими и светлыми. Этого свечения вполне хватало, чтобы благополучно перевести их владельца через темную пропасть между раем и землей.[5]

Ранее считалось, что сделанные с помощью различных натуральных красок защищали от злых духов, указывали на определенную родовую принадлежность, нагоняли страх на врагов и просто были украшением. В те времена рисунки и цвета носили смысловую нагрузку и по телам людей, можно было читать, как по книге кто вождь племени, в каком состоянии сейчас находится племя (войны или мира), специальные рисунки наносились во времена праздников и скорби, особые рисунки на теле были у шамана племени. Этот список можно долго перечислять, ведь татуировка в то время была не просто искусством, а необходимостью, особым ритуалом.

Сейчас же все изменилось. По-моему мнению, татуировка стала терять свою особенность с появлением в 1891 году татуировочной электронной машинки, изобретенной О'Райли. За основу был взят принцип работы части машины для копирования документов, изобретённой Томасом Эдисоном – «электрического пера». Машина пробивала иглой отверстия, так получался трафарет. Потом по нему валиком прокатывали краску, которая, проникая в отверстия, оставляла отпечаток – получались копии документов. Самуэль О'Райли добавил в конструкцию резервуар для краски, пучки игл и запатентовал изобретение. Это изобретение заменило разнообразные самодельные приспособления и инструменты. Та-

туировка стала общедоступной, появилось такое понятие, как художественная татуировка, рисунок стал более сложным, и вместе с тем потерял свое значение. Молодежь стала самоутверждаться с помощью тату, не задумываясь о значении изображений. А ведь здесь имеет свое значение не только само изображение, но и то где оно находится, какого оно цвета. Главным критерием выбора тату сейчас является «нравится» или «не нравится» изображение. Татуировки теряют свой сакральный смысл. Конечно в современном обществе еще существуют места, где тату является не просто изображением, но и частью какого либо ритуала.

На мой взгляд, татуировка, конечно, должна нравиться, но так же не нужно забывать о ее силе и значении. Изображение на теле может нести какой то смысл только для ее носителя. Так, например, Сергеева Анжела имеет несколько татуировок, которые в первую очередь занимают важное место в ее жизни. На правой руке Анжела имеет татуировку 10 звезд, эскиз создала она сама, что на мой взгляд не маловажно. Вот что она говорит о их значении: «Звезды 10 звезд означают то что у меня день рождения 10 числа 10 месяца, и 10 близких мне людей» [6]. Таким образом, это не просто звезды, обозначающие какие то цели, а изображения, имеющие определенное значение для ее владельца. Она отображает важные события в жизни для этой девушки.

На сегодняшний день татуировка превратилась в явлением массовой культуры. Делая татуировки одни хотя бы приобщиться к общей тенденции, другие, напротив, видят в этом возможность выделиться, забывая о смысловой и энергетической нагрузке изображения. Необходимо ответственнее подходить к решению нанесения или же наоборот отказа от тату. После смерти татуировка останется с тобой, а что будет за чертой линии жизни и смерти никто не знает. Возможно действительно все меняет свое значение, и черное становится белым, а белое черным...

Литература

1. Джон Э.Раш «История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантантов» изд. «ВЕСЬ» Санкт-Петербург, 2011. 192 с.
2. <http://tattook.ru/>
3. <http://ru-tattoo.ru/publ/2>
4. <http://www.ta1.ru/home/?id=164>
5. Респондент: Сергеева Анжела

ОНТОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А. В. Ошлакова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: С. А. Селиванов, к.филос.н., доц.

Индийская культура является одной из самых оригинальных и уникальных. Ее самобытность заключается прежде всего в **богатстве и многообразии религиозно-философских учений**. Известный швейцарский писатель Г. Гессе замечает: «Индия – страна тысячи религий, индийский дух отмечен среди других народов специфически религиозным гением» [1, с. 3]. В этом индийская культура не знает себе равных. Именно поэтому уже в далекой древности Индию называли «страной мудрецов».

Индийская культура **обращена к Вселенной**, погружена в тайны мироздания. Индийский писатель Р. Тагор подчеркивал: «Индия всегда имела один неизменный идеал – слияние со Вселенной» [1, с. 4].

Важную черту индийской культуры, составляет **ее обращенность внутрь человеческого мира**, самопогружение в глубины человеческой души. Ярким примером тому служит знаменитая философия и практика йоги.

С приходом ариев в индийской истории и культуре начинается новый, **индоарийский период**. Главным источником сведений являются созданные ариями **Веды** (от глагола «ведать», «знать»). Они представляют собой сборник религиозных текстов – гимнов, песнопений и магических формул. К ведической литературе также относятся **комментарии** Вед – брахманы и упанишады. Веды составляют основу всей последующей духовной культуры Индии: теологии, философии и науки.

Первые упоминания о чакрах можно найти уже в поздних текстах Упанишад, в частности в Брахма-упанишаде и Йога-таттва-упанишаде, в некоторых Пуранах. Так же в работе Патанджали «Йога-сутра». Достаточно разнообразно и детально концепция **чакры человека** была разработана в тантрических текстах и совмещается с процессом пробуждения Кунадлини. Понятие чакр встречается в духовных практиках индуизма, в некоторых системах буддизма и особенно в Тантрах и Йоге. Упоминание о чакрах человека встречается в практиках суфизма, а так же во многих современных оккультных системах. Концепции на подобии систем чакр можно встретить в китайской медицине (акупунктурные точки), цигун (аналогия чакр – дантянь).

Устоявшееся на сегодняшний день концепция из 7 чакр изложена в достаточно завершённом виде в текстах Падука-панчака и Шат-чакра-нирупана, переведённых Вудроффом в книге с названием «Змеиная сила». Концепция чакр человека характерна для некоторых альтернативных видов медицины и в частности для традиционной индийской медицины, но современные науки, в частности биомедицина и биология, полагают, что в человеческом теле нет физиологических и физических структур, с которыми бы можно связать понятие чакры.

Чакра, в переводе с санскрита букв. «круг», «колесо», «диск». В духовных практиках индуизма – центры силы и сознания, расположенные во внутреннем (тонком) теле человека. В индуизме считается, что в теле человека чакрам соответствуют различные нервные сплетения и железы. В духовных практиках индуизма чакры – это точки пересечения нади, по которым в теле человека протекает жизненная энергия (прана).

Наиболее известными и играющими самую важную роль в существовании человека являются семь основных чакр, расположенных вдоль средней линии тела, параллельно позвоночному столбу. Они отвечают за физическое, умственное и духовное здоровье человека.

Итак чакры – это некие энергетические центры, находящийся в теле человека, отвечающие за приём, накопление и преобразование энергии разных уровней, будь то земная энергия или космическая. Чакра это не физическое скопление нервных окончаний, а скорее всего абстрактное понятие. Человек имеет как физическое тело, так и более тонкие энергетические тела. Энергетическими точками в этих телах и называются чакры.

Эти семь чакр расположены в эфирном теле. Из центра каждой чакры исходит стебель, направленный к позвоночнику и соединяющийся с ним. Таким образом, он подключает чакры к самому важному энергетическому каналу – Сушумне, который поднимается вдоль позвоночника к голове.

Чакры вращаются по часовой стрелке, или против. Поворот вправо имеет значение ян, мужского. Он представляет силу воли и деятельность, а его менее позитивные значения – агрессивность и жажда власти. Поворот влево имеет значение инь, женского, и символизирует принятие и покорность или слабость.

Чакры поглощают энергию, которые поступают к ним из вселенной, от природы, от небесных существ, от людей и даже от вещей. Они поглощают и передают энергию к различным энергетическим телам и от них.

Энергия проявляется через самые низкие частоты корневой чакры и через самые высокие частоты седьмой, коронной чакры. Преобразованные частоты передаются тонким телам и физическому телу и воспринимаются нами как ощущения, эмоции и мысли.

Когда возникает ситуация, при которой энергия не протекает гармонично через чакры или когда одна из чакр заблокирована или раскрыта слишком широко, это приводит к возникновению дисбаланса, который проявляется во всех сферах жизни, в том числе в функционировании соответствующих эндокринных желез и нарушении баланса обмена веществ в организме.

В физическом теле чакры функционируют как «передатчики». Они передают токи от высшей, более чистой энергии, которая влияет на высшие частоты энергетических тел, к физическому телу, «преобразовывая» при этом высокую частоту в такую, которую может использовать наше физическое тело.

Перечислим все семь основных чакр.

1. Муладхара-чакра расположена у основания позвоночника с его внешней стороны. Отвечает за невинность, за мудрость и чистоту. Эта чакра управляет выделительной, репродуктивной, костной системами, а также ногами и толстым кишечником.

2. Свадхистана-чакра расположена на уровне аппендикса (на ширину ладони ниже пупка). Отвечает за творчество, за созидательность. Чакра является центром эмоций, удовольствия и ощущения плодovitости.

3. Манипура расположена на месте солнечного сплетения. Она отвечает за наш поиск, за удовлетворение. Она считается центром жизненной воли и энергии. Отвечает за ответственность не только за себя, но и за других людей, а также за умение руководить.

4. Анахата-чакра расположена на уровне сердца. Она дает нам бесстрашие, смелость. В ней также пребывает наш Дух. Она управляет любовью и чувствованием. При этом это может быть любовь не только к какому-либо конкретному человеку, но и любовь к Богу, планете, Космосу.

5. Вишудха-чакра расположена на уровне яремной впадины у основания шеи. Она отвечает за коллективность, за отсутствие чувства вины, за самоуважение и уважение к другим людям. Эта чакра управляет коммуникабельностью, речью, а также обонянием, творческой деятельностью и самореализацией. Через эту чакру мы контролируем общение и выражаем то, чем являемся.

6. Аджна-чакра расположена на уровне середины лба в том месте, где скрещиваются зрительные нервы. Это очень важная

чакра, она является «узкими воротами», для того, чтобы пройти эту чакру, необходимо всех простить. Она дает нам осознание без мыслей. Чакра управляет умственными способностями, а также способностью вызывать зрительные образы, памятью, знанием и силой воли.

7. Сахасрара-чакра («Тысячелепестковый лотос») расположена в верхней части головы, в области темени. Здесь находится то, к чему стремится йога – состояние осознания без сомнений, когда мы полностью едины со Всепроникающей энергией. Слой духовности, гармонии, прозрения, созерцания, умиротворения и единения с Духом [2].

Сознание – очень мощное орудие. Оно не ограничено сферой материального, расстоянием или временем и может перемещаться внутри нашего многомерного существа по разным слоям осознания. Эти изменения могут происходить часто и быстро. По этой причине очень важную роль играют энергетические центры тела. Когда внимание концентрируется на одной из чакр, человек, осознанно или бессознательно, оказывается связан в основном с областями, за которые отвечает данная конкретная чакра. Он может проявлять эмоциональные и физические признаки, которые приведут к определению недостаточности функционирования одной из чакр.

Сосредоточение на проблеме не способствует ее разрешению, как раз наоборот. Чем большее количество энергии вкладывается в мысль и эмоцию, связанную с самой проблемой, тем больше разрастается проблема, тем больше она усугубляется. Напротив, концентрация на уравнивании самой чакры приведет к противоположным положительным результатам: уравниванию чакры и коррекции общего дисбаланса (физического, эмоционального и духовного), простиравшего из-за недостаточной работы чакры.

В индийской и в других древних, просвещенных культурах, чакрам приписываются определенные цвета, стихии, знаки и свойства.

Чакры не статичны, они подвижны. Подвижная чакра – здоровая чакра. Но такая подвижность не является чем-то самым собой разумеющимся. Могут возникать ситуации, в которых подвижность чакр становится слабой, энергии не могут протекать должным образом, и в итоге эта чакра в данной ситуации может оказаться заблокированной.

Хотелось бы более подробно рассмотреть человеческую чакру: Анахата (чакра сердца)

В этой чакре объединяются Ваше душа и эго. С пробуждения анахата-чакры вы открываете для себя единство с миром. Низшие чакры Мулдахара, Свадхистана и Манипура работают с личной энергией, начиная с Анахата чакры ваше сознание переходит на новый уровень коллективной действительности. Сердце работает на уровне сотрудничества, а не состязания и борьбы за выживание.

Цвет: зеленый (розовый). Отвечает за: любовь к себе и другим, состояние гармонии, умение прощать, сострадание.

Уравновешенное состояние: Радость от принятия жизни и других людей, гармония с собой.

Неуравновешенное состояние:

– Эмоциональное проявление: «разбитое сердце», сентиментальность, недостаток любви к самому себе, чувство вины из-за страданий других людей, зависимость от чьей-либо любви.

– Физическое проявление: заболевания сердца, легких, слабый иммунитет, нарушение кровообращения[3].

– Исследование всех чакр человека привело к созданию в индийской культуре теории чакротерапии: смысл которой позволить любить самого себя и начать заботиться о себе, ведь путь к безусловной любви начинается от любви к себе. Любовь, проявленная к себе, даст вам свободу и благодарность к существованию.

Литература

1. ОШО. От медицины к медитации. К.: «София», Ltd,1999. 480с.
2. ОШО. Семь Центров жизненной энергии. Наука Чакр. М.:ИД «Гелиос», 2001. 288 с.
3. Книга чакр / авт.-сост. Любовь Смирнова. Минск: Современный литератор, 2007. 64 с.

НАСЛЕДИЕ КОМПОЗИТОРОВ В МУЗЕЯХ АЛТАЯ И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА БАЗЕ МАТЕРИАЛОВ Ю. А. ТЮЛЬПИНА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ)

И. В. Полтева

*ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия культуры и искусств»,
г. Барнаул, Россия*

Научный руководитель: Е. А. Полякова, канд. культурологии

Осмысление музыкальной действительности, определение значимости музыки в общем культурном поле страны обуславливает актуальность для культурологии таких проблем, которые ранее не являлись областями отдельного, самостоятельного исследования. К проблематике подобного типа относится изучение специфики бытования музыкального искусства на «периферии», анализ характера, условий, особенностей динамики музыкального процесса в, так называемой, «российской глубинке» [1]. Исследования музыкальной культуры на протяжении длительного периода были посвящены, в основном, изучению процессов, проходивших в столицах и городах европейской части России.

Зарождение интереса к истории развития музыкальной культуры Сибири относится к 70–80-м гг. XX в. В 1974 г. выходит книга А. Копылова «Очерки культурной жизни Сибири», в которой вскрыты процессы, характерные для исторического развития сибирского просвещения, архитектуры, живописи, театрального и музыкального искусств. Большой вклад в развитие сибирского музыкального краеведения внесли ученые Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, которые на рубеже 1970–1980-х гг. стали регулярно проводить конференции, посвященные истории и современности Сибири и Дальнего Востока, и издали серию сборников, в которых рассматривались вопросы музыкальной культуры Сибири. Итогом исследовательской работы сотрудников Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки стал трехтомник «Музыкальная культура Сибири» (1997 г.). В нем характеризуется музыкальный быт, рассматривается развитие церковной и военной музыки, освещается деятельность любителей-музыкантов и музыкальных обществ, анализируются эстетические взгляды видных деятелей культуры, прослеживается развитие музыкального образования с древних времен до наших дней [2].

Среди сибирских регионов выделяется Алтай: его своеобразие проявляется не только за счет яркой и самобытной традиционной музыкальной культуры коренного этноса, но и за счет вклада научной и творческой интеллигенции, посвятившей себя сбору и изучению фольклора, педагогике, популяризации искусства и композиции. Об этом свидетельствует наследие деятелей музыкальной культуры Алтая, документированием и распространением которого занимаются различные фондодержатели, «три информационные подсистемы единой системы накопления, хранения и использования исторической памяти» – библиотеки, архивы и музеи [3].

Музеям как фондодержателям тематических и мемориальных коллекций свойственно документирование различных типов источников (письменных, вещественных, изобразительных, фото-, фоно- материалов). Это способствует комплексной презентации и популяризации композиторского достояния посредством научно-исследовательской, издательской, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности. Выявление наследия композиторов XX в. в музеях Алтая, его комплексное описание, анализ его востребованности и применения в экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной сфере, а также разработка коммуникативной модели является перспективной авторского исследования. Результатом станет обобщающий труд, обладающий теоретической и практической значимостью в области культурологии, музеологии и музыковедения.

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (далее – ГМИЛИКА) является одним из хранителей наследия композиторов XX в. на Алтае [4]. Композиторские материалы сформированы в ГМИЛИКА в личные фонды (композитора, этнографа и педагога А.В. Анохина [5], композитора и педагога К.К. Княгинина [6], композитора и педагога С.В. Голубкова [7]) и в тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая» [8]. Ранее автором был опубликован ряд научных статей, в которых были проанализированы личные фонды и отдельные композиторские коллекции из собрания ГМИЛИКА [9–12]. Данная публикация продолжает цикл авторских статей в рамках темы «Наследие композиторов XX в. в музеях Алтая». В качестве примера в ней рассматривается состав и содержание свидетельств жизни и творчества композитора Юрия Агеевича Тюльпина. В 2014 г. ему исполняется 80 лет со дня рождения.

Материалы Ю.А. Тюльпина представлены в ГМИЛИКА письменными и фотографическими источниками. В документе «Характеристика творческая композитора Ю.А. Тюльпина» (ОФ 51026) содержатся биографические сведения и краткий перечень авторских произведений (50 наименований). Информация о жизни и творчестве Юрия Агеевича опубликована в «Музыкальной энциклопедии Алтайского края» [13, с. 361].

Ю.А. Тюльпин родился 17 декабря 1934 г. на Дону, в станице Мешковская Ростовской области. По окончании школы он работал заведующим сельским клубом. В период освоения целинных земель его семья переехала в Казахстан, а оттуда – на Алтай. Ю.А. Тюльпин окончил Алтайский сельскохозяйственный инсти-

тут. В студенческие годы он был активным участником художественной самодеятельности. Одна из первых песен Юрия Агеевича «Алтайские ночи» прозвучала на Алтайском краевом радио в 1956 г. По окончании ВУЗа он работал инженером института «Алтайгипросельхозстрой» и продолжал заниматься музыкой. В 1964 г. заочно окончил Барнаульское музыкальное училище.

Значительную часть сочинений Ю.А. Тюльпина (несколько сотен) составляют песни для сольного, ансамблевого и хорового исполнения. Композитор обращался к творчеству поэтов О. Тиммермана, В. Башунова, М. Пляцковского, И. Выдрина, Г. Панова, И. Пантюхова, Л. Мерзликина, Г. Колесниковой и др. Более 70 песен были опубликованы на страницах периодических изданий (в газетах «Алтайская правда», «Молодежь Алтая», «Титан», «Алтайский строитель», журналах «Сельское хозяйство России», «Пионер»), в репертуарных листах и сборниках. Ю.А. Тюльпин выпустил три авторских сборника: «Над моей Россией необъятной» (1981) [14], «В кругу друзей» (1990) [15], «Приходи, любовь» (2004) [16]. Самиздатом выпустил сборник из 50 песен на стихи С. Есенина. Многие произведения Юрия Агеевича стали победителями песенных конкурсов Алтая. Песня «Мирным будет рассвет», которую комсомольская делегация Алтая исполнила в 1978 г. на Кубе на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов, стала лауреатом конкурса «Письмо в Гавану».

В творчестве Ю.А. Тюльпина были опыты создания произведений крупных форм: кантаты, баллады, концерты для оркестра народных инструментов.

На протяжении 20 лет он являлся председателем Объединения композиторов Алтая, вел большую общественную работу.

Особую роль для характеристики композиторского наследия играют ноты (рукописные и печатные). Они являются уникальными источниками для искусствоведов, так как позволяют проанализировать вклад творческой личности в развитие музыкальной культуры. Кроме того, как специфическая группа музейных предметов, они обладают не только информативностью, но и аттрактивностью в силу своей мемориальной ценности. В ГМИЛИКА представлены ноты песен Ю.А. Тюльпина: «Ходит месяц май» (сл. М. Пляцковского) (ОФ 51031), «Русь моя, Аленушка» (сл. Г. Кириллова) (ОФ 51032), «Смена боевая» («Всюду дела хватит молодым») (сл. М. Пляцковского) (ОФ 51033), «Юность и песня вместе» («Там, где трудней») (сл. В. Татаринова) (ОФ 51034), «Над Алтаем радуга-дуга» (сл. О. Левицкого) (ОФ 51035), «Город

нашей радости» (сл. И. Выдрина) (ОФ 366/2). Среди печатных изданий имеется сборник песен Ю.А. Тюльпина «Герои давно отгремевшей войны» (г. Барнаул, 2009 г.) (ОФ 52944), содержащий 21 произведение на военную тематику. Например, «Солдаты остаются на войне» (сл. В. Казакова), «Ты помнишь солдат» (сл. Ф. Цветкова), «На Площади Победы» (сл. О. Тиммермана) и др.

Фотографические источники, содержащиеся в фонде Ю.А. Тюльпина весьма ограничены – в музее имеется только один снимок композитора в строгом костюме (ОФ 51037). На классическом плечевом портрете, выполненном в технике черно-белой печати, композитор изображен в полупрофиль.

Наследие композиторов в музеях Алтая играет особую роль в изучении музыкальной культуры. Являясь фондодержателями мемориальных источников, отражающих вклад деятелей искусства в историю региона, музеи имеют уникальные возможности для распространения творческого достояния композиторов среди широкой аудитории посредством экспозиционно-выставочной, издательской и культурно-образовательной работы. Одним из примеров является наследие Ю.А. Тюльпина из собрания ГМИЛИКА, в состав которого входят письменные (биографические сведения, ноты, печатные издания) и фотографические материалы. Исследование и актуализация данных источников, позволяющих проследить основные этапы жизни и творчества композитора, проанализировать его произведения, вносят вклад в изучение музыкального наследия Алтая и открывают возможности для популяризации искусства региона специфическими музейными средствами.

Литература

1. Чернова Е. В. Музыкальная жизнь г. Магнитогорска в 80–90-е годы: к проблеме функционирования музыкального искусства [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/muzykalnaya-zhizn-g-magnitogorska-v-80-90-e-gody-k-probleme-funktsionirovaniya-muzykalnogo-i>. Дата обращения: 21.03.2014.
2. Еременко Е. П. Музыкальная культура Томска второй половины XIX века [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/muzykalnaya-kultura-tomska-vtoroi-poloviny-xix-veka>. Дата обращения: 21.03.2014.
3. Козлов В. П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти [Электронный ресурс] // Отечественные архивы: научно-практический журнал. 2004. № 6. Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/debate/d2.shtml>. Дата обращения: 21.03.2014.
4. Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая / Н. А. Гулай, В. М. Ехлаков, Ж. С. Заря

- и др.; под ред. И. А. Короткова, Е. В. Огневой, В. К. Корниенко. Барнаул: ГМИЛИКА, 2009. 247 с.
5. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора, этнографа и педагога Андрея Викторовича Анохина.
 6. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора и педагога Константина Константиновича Княгинина.
 7. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора и педагога Сергея Валерьевича Голубкова.
 8. ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая».
 9. Полтева И. В. Нотно-музыкальный архив А. В. Анохина и его роль в популяризации алтайской музыкальной культуры (на примере Национального музея имени А. В. Анохина) // Урал-Алтай: через века в будущее. Горно-Алтайск, 2012. С. 54–57.
 10. Полтева И. В. Нотно-музыкальный архив А. В. Анохина в фондах Национального музея Республики Алтай // Региональные проблемы социокультурной деятельности в сфере образования, культуры, искусства. Барнаул: АГАКИ, 2012. С. 50–54.
 11. Полтева И. В. Переписка как фактор формирования и популяризации музейных коллекций (на примере Праволамского школьного музея) // Культура и искусство сибирского города: традиции и современность. Красноярск: КГАМиТ, 2012. С. 51–53.
 12. Полтева И. В. Наследие композитора Княгинина К. К. в фондах Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая // Анохинские чтения. VII научная конференция. Горно-Алтайск, 2013. С. 189–193.
 13. Музыкальная энциклопедия Алтайского края / В. М. Агрыzkова и др.; под ред. Е. В. Огневой, И. Н. Свободной. Барнаул: ГМИЛИКА, 2011. 470 с.
 14. Тюльпин Ю. А. Над моей Россией необъятной: сборник песен / муз. ред. Е. Кранцов. Барнаул, 1981. 79 с.
 15. Песни Ю. Тюльпина // В кругу друзей: репертуарный сборник / сост. Л. Б. Макарова. Барнаул, 1990. С. 3–53
 16. Тюльпин Ю. А. Приходи, любовь: сборник песен. Барнаул, 2004. 170 с.

КЛУБ 27

А. И. Пуньшева

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: С. А. Селиванов, к.философ.н., доц.

На, владей волшебной скрипкой,
посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью,
страшной смертью скрипача!

Н. С. Гумилев

В толковом словаре Ожегова мистика определена как: «Вера в божественное, в таинственный, сверхъестественный мир и в возможность непосредственного общения с ним» [1]. Но так ли мало скрывает в себе это слово? Может быть мистика это нечто большее?

С древних времен люди стремятся к пониманию непознанного, мечтая приоткрыть завесу тайны, и убедиться, что есть вещи, выходящие за область нашего представления мира. Культура и мистика издревле идут рука об руку, с помощью мифов, легенд и поверий, люди пытались объяснить, происходящие вокруг них, странные события. Многие полагают, что это связано, в первую очередь, с недостаточным уровнем знаний и представлений об окружающем мире. Ученые повсеместно отрицают существование сверхъестественного, считая это пережитком прошлого, приверженцев же теории о непознанном от этого не становится меньше. Не смотря на бурное развитие науки и техники, люди все чаще обращаются к мистическим теориям и практикам. Также как и тысячи лет назад человечество при объяснении таинственных событий обращается не к науке, а к мистике. Сотни телевизионных программ, книг и статей, выходящих в последнее время, посвящены людям с паранормальными способностями, непознанным тайнам истории и загадочным мифам современности. Одним из таких мифов является «Клуб 27».

«Клуб 27» – объединённое название музыкантов, сильно повлиявших на становление и развитие музыки стилей рок и блюз, умерших в возрасте 27 лет, иногда при странно сложившихся обстоятельствах. Первым его членом является Роберт Лерой Джонсон, один из известнейших блюзменов XX века Америки. [2] Роберт Джонсон воистину таинственная личность, среди всех исполнителей в жанре блюз, навряд ли можно отыскать музыканта, чья биография так мало бы была известна. Неизвестно как он пришел в этот мир, как стал великим и даже где он умер. История его жизни – это обрывочные сведения, полные загадок и мистики.

До трагического события в жизни Джонсона в 1929 году, его биография практически не отслеживается. Доподлинно известно только одно, после смерти своей жены Вирджинии Трэвис, Роберт Джонсон бросает все свои дела и отправляется в Робинсовилл на поиски славы и почитания. В 1930 году он знакомится с известными блюзменами того времени Соном Хаузом и Вилли Брауном. Эта встреча стала поворотной в судьбе Джонсона. Пораженный мастерством игры на гитаре Соны Хауза, он решает связать свою жизнь с блюзом. Надо сказать, что это искусство давалось Джонсо-

ну очень трудно. Неожиданно, в 1930 году, не с кем не попросившись Роберт Джонсон покидает Робинсовилл и отправляется в неизвестном направлении. Сон Хауз и Вилл Браун связываю его уход с неудачами в овладении гитарным блюзом. Возможно история бы смысла какое-либо упоминание о Роберте Джонсоне, если бы через год он не вернулся в Робинсонвилл и не покори́л бы всех своим талантом. Эрик Клэптон говорил о Джонсоне: «Казалось, он ощущает все настолько ярко, что едва может это вынести. Поначалу слушать это было почти больно, но вскоре я уже не слушал ничего другого. Это было слишком сильно. И ввергало меня в отчаяние, поскольку я понял, что я не мог играть его музыку. Для меня это было слишком глубоко» [2]. Так как же обычный недотепа стал известнейшим музыкантом за столь короткий срок?

Этим вопросом задаются до сих пор. Некоторые полагают, что Джонсон потратил год на активное обучение игры на гитаре и его успех – это плод его стараний. Но современники Роберта Джонсона придерживались другого мнения. Они считали, что он продал душу дьяволу на перекрестке за талант. Удивительно, но эта гипотеза имеет много, пусть косвенных, но подтверждений. Большинство песен Джонсона были посвящены взаимоотношениям с нечистым: «Я и блюз дьявола», «Цербер, идущий по моему следу», «Перекресток» и некоторые другие. Так же люди отмечали, что Джонсон очень изменился, вернувшись в Робинсонвилл. От приветливого лучезарного парня не осталось не следа, Роберт Джонсон все чаще был угрюм и серьезен. Несмотря на свой успех, он не с кем не общался и вел уединенный образ жизни, был скрытным и никому не сообщал свои пути передвижения. [3]

Мог ли Роберт Лерой Джонсон положить начало таинственного «Клуба 27»? Может все музыканты, неожиданно достигшие успеха, прокляты? Из ныне живущих на этой земле людей, навряд ли найдется хоть один, способный ответить на этот вопрос. Но никто не может отрицать, что неожиданная слава Роберта Джонсона повлекла за собой цепочку трагических смертей известнейших музыкантов, таких как: Джимми Хэндрикс, Джим Мориссон и Дженис Джоплин. Самой главной деталью их смерти, которая и послужила толчком к созданию «Клуба», является то, что они умерли за промежуток времени продолжительностью в 10 месяцев. [4] Дальше ситуация начала усугубляться. Проклятие, затронувшее изначально лишь нескольких музыкантов, набирало обороты. В геометрической прогрессии росло количество членов мистического «Клуба 27». Теперь в него попадали не только великие музыканты Америки,

но и известнейшие артисты Европы и России. Последним, официально занесенным членом «клуба», стала английская певица Эми Вайнхаус, умершая 23 июля 2011 года в своем доме от алкогольного отравления. Знаменательно, что на протяжении 7 лет, после смерти Курта Кобейна, Эми стала первой знаменитостью, занесенной в члены «Клуба 27».[5] Возможно это связано с ее выдающимися достижениями в области музыкальной индустрии: дважды лауреат премии Ivor Novello, её первый альбом «Frank» был номинирован на Mercury Prize 14 февраля 2007 года певица получила Brit Award как «Лучшая британская исполнительница». Второй альбом «Back to Black» принёс ей 6 номинаций «Грэмми» и победу в 5 из них, после чего она была занесена в Книгу Рекордов Гинесса, как первая и единственная британская певица, выигравшая пять наград Грэмми. В августе 2011 года альбом «Back to Black» признан самым успешным альбомом XXI века в Великобритании. Трудно представить, что всего этого Эми Вайнхаус добилась в течении 27-ми лет своей жизни, но еще сложнее осознать, что столь талантливый и трудолюбивый человек, последний год своей жизни провел в алкогольно-наркотическом бреду, изолировавшись от всех своих друзей и родных. [6] Как бы трагично это не звучало, но великие люди чаще всего заканчивают жизненный путь одинокими и сломленными. Исключением не стал и Александр Башлачёв – русский поэт, автор и исполнитель песен. Ключевая фигура и икона для поклонников русского рока. Как одно из самых ярких явлений отечественной рок-культуры оценен посмертно.[7] Невозможно вообразить какими бы были поэзия и русский рок, если бы не Александр Башлачёв. Люди, знавшие его, отмечают, что он был воистину талантливым человеком и душой любой компании. На фоне такой характеристики, его смерть выглядит крайне подозрительно. Официальная версия гласит, что Александр Бошлачёв покончил с собой, выпрыгнув с восьмого этажа, в возрасте 27 лет. [8]

Может талант – проклятие? Что если цена искусства – бесмертная душа человека? Кто следующий?

Литература

1. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Спб., 1863–1866.
2. <http://fargate.ru/supernatural/content/legends/53>
3. <http://altwall.net/groups.php?show=robertjohnson>
4. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D1%83%D0%B1_27
5. <http://lenta.ru/articles/2011/07/24/amy/>
6. <http://ria.ru/spravka/20130914/962764307.html>
7. <http://bashlachev.spb.ru/about.jsp>
8. <http://www.booksite.ru/bashlachev/index.html>

РОЛЬ ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. С. Рябухина

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года – девятая мая тысяча девятьсот сорок пятого. Тысяча четыреста восемнадцать самых страшных дней и ночей в истории страны, когда каждый совершал невозможное ради освобождения своей земли от фашистских захватчиков. «Всё для фронта, всё для Победы»... А чем в это время занимались студенты университетов? Разумеется, для всех высших учебных заведений тоже нашлось занятие. В частности, свой вклад в Победу внес и Томский Государственный Педагогический институт, где к началу войны существовало уже пять факультетов, каждый из которых принимал активное участие во всех делах, связанных с помощью фронту и тылу. Студенты и преподаватели также уходили на фронт (а в институте на спецкурсах готовили медсестёр, шоферов и радиостов-морзистов) [1, с. 4], помогали эвакуированным заводам налаживать выпуск военной продукции, собирали средства в фонд обороны, готовили посылки на фронт для красноармейцев, и даже уступили здание корпуса госпиталю, пациентов которого взяли под шефство (делали им подарки, устраивали концерты и лекции на военно-оборонные и политические темы) и т. д. [1, с. 4]. (А сами занимались в холодных общежитиях (которые позже тоже были отняты [1, с. 4]), в музее, в помещениях ТГУ [2, с. 58], на квартире директора института Г. Т. Чуича).

Однако кроме бойцов оружия, одежды, продуктов и т. п., требовались ещё и переводчики. (Примечательно, что в период Первой мировой войны (1914–1918), такой необходимости не было, так как весь офицерский состав обладал достаточными знаниями иностранных языков, чтобы проводить допросы самостоятельно, поэтому к началу Великой Отечественной войны профессии переводчик не существовало, и в ходе различных военных действий в данной роли выступали люди неподготовленные, но знающие иностранный язык) [3].

Начало создания системы военно-филологического образования в СССР относится к 1940 г., когда при 2-м Московском

педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) был создан военный факультет по подготовке для РККА специалистов по английскому, немецкому и французскому языкам. Позднее на факультете были созданы шестимесячные курсы военных переводчиков. С началом войны он полностью перешёл на подготовку военных переводчиков для действующей армии. (А офицеров со знанием восточных языков начали готовить с июля 1940 г. на военном факультете при Московском институте востоковедения) [4]. Остальные педагогические институты тоже стали открывать на базе факультетов иностранных языков курсы подготовки военных переводчиков [5]. Исключением не стал и ФИЯ ТГПИ (старейший за Уралом факультет иностранных языков, который (с учётом роста престижа военной службы по контракту) мог бы продолжать заниматься подготовкой военных переводчиков и в XXI столетии). Какова роль выпускников этого факультета в Великой Отечественной войне? Что они сделали для Победы? В чём заключались их обязанности и как они их выполняли? К сожалению, в современной литературе данная тема освещена недостаточно хорошо, какие-либо сведения об этих участниках ВОВ и факты их биографии встречаются только на страницах «Книга памяти о студентах, преподавателях и сотрудниках Томского государственного педагогического университета – участниках Великой Отечественной войны (1941–1945)», изданной в ТГПУ под редакцией Т.В. Галкиной.

Чтобы понять значение деятельности выпускников ФИЯ ТГПИ, для начала необходимо вспомнить, что основной задачей переводчиков было участие в допросах военнопленных, которое требовало высокого владения ситуацией и индивидуального подхода к каждому и работа с военной документацией (ведение протоколов допроса; ведение учета трофейных документов; после просмотра всех собранных документов (солдатских книжек убитых, боевых распоряжений, приказов, директив, схем и карт, писем, газет и т. п.), и записи нужных сведений немедленная доставка информации в штаб дивизии) [6, с. 4]. Но в начальный период войны (1941–1942 гг.) военные переводчики, назначаемые командирами дивизий, выполняли разведывательную работу, организовывали пропаганду посредством громкоговорителя, что было связано с постоянным риском для жизни (рупористы, дикторы-переводчики, несли немалые потери, нередко погибая на боевом посту, у микрофона). Содержание текстов зависело от ряда факторов, как то: длительность боевых действий, качество и информативность добытых сведений и пр. [6, с. 9]. Помимо этого, «толмачи» долж-

ны были составлять листовки, писать и сбрасывать агитационные бомбы и прочую агитационную печатную документацию [3].

Таким образом, чтобы подготовить профессионального военного переводчика, требовались невероятные усилия со стороны самого переводчика, и, что более важно, были необходимы опытные педагоги и специальные учебные пособия (куда должны были входить военные жаргонизмы, идиоматика и специальная лексика). Например, на кафедре английского языка разрабатывались такие труды как «Англо-русский карманный словарь военных терминов» (проф. Ливин П. Ф., 1942 г.) или «Русско-английский военный словарь-минимум» (преп. Наримова Ф. Е., 1942 г.) [1, с. 21].

Говоря о преподавательском составе, нельзя не упомянуть об А. П. Дульзоне, А. Г. Нагаевой, П. Ф. Ливине, Б. Б. Иваницкой, Ф. Е. Наримовой, В. В. Медлиной [6, с.105]. Многие из перечисленных специалистов были эвакуированы в Томск, и благодаря им была создана местная языковая школа, велась научная разработка, выпускались настоящие профессионалы.

Таким образом, на ФИЯ ТГПИ существовали все условия для подготовки профессиональных военных переводчиков, и уже к 01.09.1941 численность студентов факультета иностранных языков составляла 89 человек [1, с.20]. Кроме того, к 1941/1942 учебному году на двухлетние курсы иностранных языков был принят 261 человек [2, с.58].

К числу этих студентов относятся Милованова Вера Васильевна, (зачислена на ФИЯ в 1940 г; мобилизована в Красную Армию 27 мая 1942 г.) [7, с.233] и Павленко Иван Гаврилович (в 1939 направлен на II курс ФИЯ ТГПИ после ликвидации Дальневосточного государственного университета (где изучал японский язык); призван в РККА 29 декабря 1941 г.) [7, с. 36].

Были и те, кто окончил факультет иностранных языков ТГПИ после демобилизации. Наиболее известными среди таких участников Великой Отечественной войны являются:

1. Гельблу Яков Иосифович: в 1936 окончил Киевский институт иностранных языков, в 1939–1947 гг. работал в органах госбезопасности. С 1942 воевал на Донском, Степном, Юго-Западном, 1-м Украинском и 3-м Украинском фронтах, позже попал в Германию в составе оккупационных войск. Был направлен в годичную аспирантуру (1958–1959 гг.) в ТГПИ к доктору филологических наук, профессору А. П. Дульзону. В 1965 защитил кандидатскую.

Награждён орденами Красного Знамени (1943) и Отечественной войны (II степени) (1945), медалями «За боевые заслуги» (1943),

«За оборону Сталинграда» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [7, с. 104].

2. Захаров Владимир Васильевич: с сентября 1940 по июль 1941 учился в Ленинградском ордена Ленина Краснознаменном артиллерийском техническом училище, после окончания которого с 1941 по 1945 г. принимал участие в ВОВ против фашистских оккупантов. За успешное выполнение заданий награждён правительственными наградами. В 1947–1949 гг. служил переводчиком в анжиро-судженском лагере немецких военнопленных. В 1949 г. был демобилизован и принят на немецкое отделение ФИЯ ТГПИ [7, с. 141].

3. Карашук Павел Михайлович: в 1941 г., окончив 2 курса факультета английского языка Воронежского института иностранных языков, ушёл на фронт, где с июля 1941 г. по октябрь 1945 г. воевал в 25-й танковой бригаде, занимая разные должности, вплоть до начальника ГСМ танкового батальона. После демобилизации поступил на III курс факультета английского языка Владивостокского государственного педагогического института, в 1951 зачислен в аспирантуру ТГПИ по профилю «Германское языкознание» (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. П. Дульзон). Параллельно читал курс на заочном отделении ТГПИ до 1 января 1955.

Награжден 2 орденами Красной Звезды (1944), орденом Отечественной войны (1944), медалями «За отвагу» (1943), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [7, с. 161].

4. Ядвиршис Евгений Константинович: в 1940 был призван в Красную Армию, с июля по октябрь 1941 г. учился в Томском артиллерийском училище. В апреле 1942 г. направился на Карельский фронт, затем на 3-й Белорусский, где служил до февраля 1945 г. На фронте занимал различные должности: командир огневого взвода, начальник разведки дивизиона, адъютант командира полка. Был демобилизован в 1946 г. В 1947–1950 гг. проучился на ФИЯ ТГПИ, получив диплом с отличием, в 1950–1953 гг. поступил в аспирантуру, по окончании которой остался на кафедре английского языка. Евгений Константинович в 1954 защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. П. Дульзона, читал лекционные курсы по истории английского языка, лексикологии, стилистике, теории перевода, литературе Англии и США. Награждён медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [7, с. 340].

Таким образом, несмотря на разницу во времени окончания Томского государственного педагогического института и воинское звание, каждый выпускник факультета иностранных языков, ушедший на фронт, сыграл свою роль в приближении СССР к самой великой Победе, когда-либо одержанной нашим многонациональным народом. Кто-то занимался непосредственными обязанностями военных переводчиков (без которых, как известно, не обходится ни одна война): допрашивал пленных, ходил в разведку, брал «языков», переводил военные документы, работал над агитационными листовками; а кто-то проявил себя в качестве представителей разнообразных родов войск (среди фронтовиков ФИЯ были танкисты, артиллеристы, лётчики, пехотинцы). Одни участвовали в обороне Сталинграда и Москвы или во взятии Кёнигсберга; другие совершали подвиги, получив за них различные ордена; часть выпускников проявили отвагу при выполнении воинского долга. У каждого была своя задача, которую он выполнял, сознательно рискуя собственной жизнью и собственным здоровьем. Но все они шли к одной цели: защитить Родину, освободить её от немецких оккупантов, победить фашизм, дать своим детям свободу и право говорить на родном языке. И мы, их потомки, обязаны вечно помнить об этом.

Литература

1. Томский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сборник документов и материалов. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. 212 с., ил.
2. Войтеховская М. П., Галкина Т. В. Томский педагогический: от института к университету. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2002. 267 с., ил.
3. Профессия военный переводчик [Электронный ресурс] 2012. Режим доступа: <http://translatorspuzzles.blogspot.ru>
4. Формирование школы военных переводчиков [Электронный ресурс] 2010. Режим доступа: <http://vumo.su> 2010
5. Без толмачей не обходится ни одна война. Военно-исторический журнал, 2008. №5 (577)
6. Пичурин Л. Ф. Томский государственный педагогический университет. Томск: Издательство ИНТЭК, 1995. 208 с.
7. Книга памяти о студентах, преподавателях и сотрудниках Томского государственного педагогического университета – участниках Великой Отечественной войны (1941–1945). В 2-х т.: Т.1. / Отв. Ред. Т. В. Галкина. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2010. 360 с.

ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГГ. В УКРАИНЕ

Д. Б. Сабурова

Томский государственный педагогический университет, г Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Многие страницы истории Российского государства вызывают внутренний трепет и не всегда он имеет положительный окрас. Некоторые моменты нашего прошлого порождают чувство возмущения, удивления и сожаления. Такую неоднозначную реакцию вызывает период коллективизации сельского хозяйства начала 1930-х годов и последовавшее за ним голодное время, которое было наиболее страшным в Украине.

В настоящей статье ставится задача рассказать, основываясь на документальных фактах, о коллективизации и показать весь ужас голода 1932–1933 г. Необходимо выяснить причины голода, масштабы трагедии.

В настоящее время в исторической литературе и публицистике представлены две основные точки зрения относительно голода 1932–1933 гг. в СССР. Первая точка зрения – это сторонники концепции о голодоморе в Украине как специфически украинском феномене, как геноциде народа Украины со стороны Сталинского режима с целью не допустить выход из СССР советской Украины.

Второй точки зрения придерживаются, в большинстве в своем, российские историки, была сформулирована во второй половине 1980-х годов. Суть ее в следующем: голод 1932–1933 гг. трагедия всего советского крестьянства, результат осуществления в СССР сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию и принудительные заготовки сельхозпродукции, прежде всего хлеба, ради увеличения размеров хлебного экспорта и удовлетворительная потребностей растущей промышленности. Это позиция документально подтверждена в опубликованных в многотомных сборниках документов «Трагедия советской деревни: коллективизации и раскулачивания»[1].

Развернутая в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов индустриализация требовала громадных затрат и миллионов рабочих рук. Все это было взято из деревни в результате коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания, сопровождавшегося изъятием имущества и высылкой семей «кулаков» в необжитые края. Коллективизация достигла своего первого пика в феврале 1930 года, когда были коллективизированы почти 8 миллионов хозяйств.

Коллективизация – процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства (колхозы) в СССР. Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 году. Проводилась в СССР в 1928–1937 годах; основной этап 1930–1933 гг. – сплошная коллективизация. В западных районах Украины, Белоруссии и Молдавии, в Эстонии, Латвии и Литве коллективизация проводилась после присоединения их к СССР и была завершена в 1949–1950 гг.

Цель коллективизации – установление социалистических производственных отношений в деревне, преобразование мелкоотварных индивидуальных хозяйств в крупные высокопроизводительные общественные кооперативные производства. В результате сплошной коллективизации была создана целостная система массивной перекачки финансовых, материальных и трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Это послужило основой для последующего быстрого индустриального роста, который позволил преодолеть качественное отставание промышленности СССР от ведущих мировых держав

Выход из «хлебных затруднений» партийное руководство видело в реорганизации сельского хозяйства, предусматривающей создание совхозов и коллективизацию бедняцко-средняцких хозяйств при одновременной решительной борьбе с кулачеством.

По мнению инициаторов коллективизации, главной проблемой сельского хозяйства была его раздробленность: большинство хозяйств находилось в мелкой частной собственности с высокой долей ручного труда, что не позволяло удовлетворять растущий спрос городского населения на продовольственные товары, а промышленности – на сельскохозяйственное сырьё.

Коллективизация должна была решить проблему ограниченного распространения технических культур в условиях мелкого индивидуального хозяйства и сформировать необходимую сырьевую базу для перерабатывающей промышленности.

Также предполагалось снизить стоимость сельскохозяйственной продукции для конечного потребителя путем устранения цепочки посредников, а также посредством механизации повысить производительности и эффективность труда в сельском хозяйстве, что должно было высвободить дополнительные трудовые ресурсы для промышленности.

Результатом коллективизации должно было стать наличие товарной массы сельскохозяйственной продукции в количестве, достаточном для формирования продовольственных резервов

и снабжения быстро растущего городского населения продуктами питания.

Старт форсированной коллективизации был дан 5 января 1930 года. В нем выделялись зерновые районы «Нижняя и средняя Волга и северный Кавказ», в которой коллективизацию предстояло завершить в первую очередь – осенью 1930 г. или весной 1931 г. И районов второй очереди (Украина, Урал, Сибирь и Казахстан) с возможной ее отсрочкой на год. Для других районов сроки отодвигались на 1933 года. Большую роль в борьбе за колхозы играли бедняцко-средняцкие группы в деревне и направленные из городов рабочие-коммунисты.

Коллективизация сопровождалась разгромом экономической науки. Был многократно усилен нажим на церковь. Уже к началу 1931 года было закрыто около 80% всех сельских храмов страны. Значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных». Все это не могло не вызвать ответных мер отпора и в том числе с оружием в руках. По данным за январь-апрель 1930 г. произошло 6117 выступлений насчитавших 1755 т участников и власть была вынуждена пойти на уступки.

К августу 1930 года в колхозах осталось 21,4% крестьянских хозяйств, т. е. на уровне заданий пятилетки. Погоня за темпами принесла огромный вред. Однако осенью того же года, коллективизационное наступление возобновилось, к июню 1931 г. сплошная коллективизация завершилась в важнейших сельско-хозяйственных районах страны, колхозы объединили 53% крестьянских хозяйств.

К концу пятилетки в стране было создано более 200 тыс. довольно крупных колхозов, наряду с колхозами были образованы 4,5 совхозов. По замыслу они должны были стать школой государственной собственности. Крестьяне работавшие в них были государственными рабочими. В отличие от колхозников они получали за работу фиксированную заработную плату. Доходы колхозников были выше, чем у работников совхозов. Однако в целом коллективизация и раскулачивание подорвало производительные силы деревни. поголовье скота в стране за пятилетку сократилось почти на половину. Поступление зерновых государству к концу 1931 года снизилось, уже в этом году, в ряде регионов начался голод.

В 1932 г. в России был неурожай. Однако, несмотря на неурожай, на местах плановые нормы сбора сельхозпродукции стремились выполнить и перевыполнить – то же касалось и плана по экспорту зерновых, несмотря на значительное падение цен на

мировом рынке. Это, как и ряд других факторов, в итоге привело к сложной ситуации с продовольствием и голоду в деревнях и мелких городах на востоке страны зимой 1931–1932.

Голод охвативший в 1932–1933 гг. ряд зерновых районов в Украине и в России унес жизни, по не установленным еще тогда историками данным, около 5 млн человек. Нередки были и случаи людоедства. Жертвами голода в Украине стали около 3 млн человек. Сильно пострадал Казахстан, население которого из-за смертей и без возвратных откочевок за границу, с 1931 по 1933 года сократилось почти на 1,8 млн человек.

По стране были снижены планы экспортных поставок (примерно в три раза), плановых заготовок зерна (на 22 %) и сдачи скота (в 2 раза), но общую ситуацию это уже не спасало – повторный неурожай (гибель озимых, недосев, частичная засуха, снижение урожайности, вызванное нарушением базовых агрономических принципов, большие потери при уборке и ряд других причин) привёл к сильнейшему голоду зимой.

Масштабы народной трагедии из-за ограниченности государственных хлебных запасов в стране не удалось снизить: ни резким сокращением экспорта, ни попытками найти валюту за счет продажи музейных ценностей. Ситуация усугублялась и тем, что во имя политических целей сталинское руководство пыталось скрывать сам факт голода и отказалась от международной помощи. Тем не менее, для внутреннего потребления в деревни хлеба оставалось все меньше и меньше. Значительная часть заготовленного зерна направлялось на экспорт, – закупку крайне необходимого промышленного оборудования за границей.

Увеличивающееся количество получателей пайков, требования промышленности и экспорта, все сильнее обременяли государственные хлебные фонды и в результате все труднее становилось соблюдать установленные пайковые нормы. В 1931 г. из пайка исключили некоторые промышленные товары; в начале 1932 г. – ряд продуктов. Городскому и сельскому населению приходилось теперь как-то находить их самостоятельно. Огромная часть населения, не занятого в сельском хозяйстве, стала получать гораздо меньше хлеба. За несколько месяцев до нового урожая смертность среди городского населения Нижней Волги, Северного Кавказа и Украины удвоилось.

Всюду росло недовольство. В текстильных районах имели место серьезные продовольственные бунты, со строек уходили рабочие, которым не давали продуктовых карточек. За исключением

нескольких областей на Украине весной и раннем летом 1932 г. смертность в городах была выше, чем в деревне.

Сокращение городских пайков угрожало всем программам индустриализации и производства вооружения и власти прилагали немалые усилия для снабжения городов хлебом. Как писал в марте 1933 г. в С. В. Косиор, что рабочие предприятий третьего списка в мелких Украинских городах «фактически не снабжались, среди рабочих имеются случаи опухания от голода». М. Хатаевич докладывал из Днепропетровской области, что «по существу в области базаров нет, а рабочие и служащие предприятий третьего списка ничего, кроме 200 г. хлеба в день, не получают». Смертность в городах продолжала расти до урожая 1933 г. В июне-июле 1933 г. она превышала норму в два раза.

Говоря о последствиях коллективизации необходимо отметить, что, в целом, объединить мелкие крестьянские хозяйства в коллективные, удалось, но цена этого процесса была огромной.

В результате проводимой Сталиным политики коллективизации: более 2 миллионов крестьян были депортированы, из них 1 800 000 только в 1930–1931 годах; 6 миллионов умерло от голода, сотни тысяч – в ссылке [22].

Данная политика вызвала массу восстаний среди населения. В одном только марте 1930 года ОГПУ насчитало 6 500 массовых выступлений, из которых 800 было подавлено с применением оружия. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 000 восстаний против советской политики коллективизации.

Успехи в колхозном строительстве были закреплены в новом колхозном уставе, принятом в феврале 1935 г. Вторым всесоюзным съездом колхозников-ударников. В него было внесено положение о закреплении за колхозами земли на вечное и бесплатное пользование: она не подлежала ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Устав разрешил колхознику вести личное подсобное хозяйство, иметь 2–3 коровы, не ограниченное количество курицы.

К концу второй пятилетки коллективизацию можно считать завершённой. Число крестьянских хозяйств в стране уменьшились в связи с коллективизацией с налогово заготовительными и др. хозяйственно политическими компаниями в 1929–1937 гг., было раскулачено около 750 крестьянских хозяйств. Кроме того примерно 200–250 тыс. хозяйств «самораскулачились» то есть распродали или побросали свое хозяйство или ушли из деревни. К июню 1937 года индивидуальных крестьянских хозяйств осталось 7 %.

Коллективизация в национальных регионах проводилась с некоторым учетом местных хозяйственных бытовых особенностей. Ее завершение здесь отдавалось на более поздние сроки.

По мере решения задач сплошной коллективизации, сокращалась численность «кулацкой ссылки», кулаки были восстановлены в гражданских правах в 1935 г. Однако, они все еще не имели права возвращаться на старые места своего проживания, не призывались в армию. Эти ограничения были сняты с них в конце 1938 г.

В 1934 г. принято решение «об отмене карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты». В 1935 г. возобновилась свободная продажа хлеба, мяса продуктов, сахар, жиров и картофеля. В 1936 г., с января, были отменены карточки на промышленные товары, но несмотря на это, уровень жизни рабочих оставался в среднем более низким, чем до революции.

В конечном итоге, форсированная модернизация страны была настоящим подвигом рабочих, крестьян и всего советского народа. С точки зрения цивилизационного подхода, в это время осуществлялся переход от индустриального и раннеиндустриального к развитому типу производства.

Все, выше приведенные факты, свидетельствуют о равнодушии советской власти к потребностям советского народа, власть не учитывала того, что люди должны есть, чтобы жить, а наоборот отбирала последние крохи. Сталинский тоталитаризм этих годов был направлен на уничтожение советского народа. «Миллионы невинных людей в Беларуси, Казахстане, Молдове, России и Украине, которые были частями Советского Союза, потеряли свои жизни вследствие массового голода, созданного жестокими и преднамеренными действиями и политикой советского режима». Ассамблея Совета Европы (2010 г.), в своей резолюции, почтила память погибших от голода и осудила жестокую политику сталинского режима. При этом депутаты призвали страны бывшего Советского Союза открыть свои архивы, а историков – осуществлять совместные исследовательские программы

29 апреля 2010 года Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию о чествовании памяти погибших вследствие голода 1932–1933 годов в СССР. В документе отмечалось, что массовый голод был создан «жестокими и преднамеренными действиями и политикой советского режима».

В Киеве с 2009 года действует Национальный музей «Мемориал памяти жертв голодоморов в Украине». В Зале памяти этого Мемориала представлена Национальная книга памяти жертв

Голодомора в 19 томах, составленным по областям Украины, и в которых зафиксировано 880 тыс. имен людей, смерть которых от голода на сегодня документально подтверждена советской властью против украинского народа.

Литература

1. Данилов В. Трагедия советской деревни: коллективизации и раскулачивании 1927–1939 г.
2. Девис Р., Уиткрофт С. Голод в исторической перспективе.
3. Девис Р., Уиткрофт С. Вторая волна коллективизации.
4. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 г.

БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ

Н. А. Садыков

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к. истор. н., доц.

Актуальность темы исследования обусловлена непростой политической ситуацией, в которой пребывает наше государство, и окружающие его страны. Демократический выбор страны определил появление на политических просторах нашей Родины большого количества партий, борющихся между собой за власть, предлагающих населению свои пути решения общенациональных проблем. В этой связи, тот исторический опыт, который приобрела наша страна в 1917 г., является, действительно, бесценным. Этот опыт позволяет выявить «технологии» прихода к власти партий не самых массовых и авторитетных. Наличие руководителей, умеющих сплотить членов организации для реализации главной цели; идея, отвечающая чаяниям народа; умелое использование политической ситуации в стране, для популяризации партии и объединения вокруг нее населения, – все это позволяет решить главную задачу любой партии, – задачу захвата власти.

В этой связи уместно выделить несколько точек зрения ученых-историков по заявленной проблеме. Прежде всего, хотелось обратить внимание на А. Е. Рабиновича – исследователя российско-советской истории с деидеологизированной точки зрения, который рассказывает в своей книге о действиях большевиков во время переворота, считает, что победа большевиков более всего связана с В. И. Лениным. Именно В. И. Ленин ввел в партии «железную дисциплину», что обеспечило ее единство действий.

Именно В. И. Ленин прекрасно знал настроения народа. Именно В. И. Ленин великолепно ориентировался в политической ситуации и мог предсказать действия Временного правительства. К тому же, авторитет Ленина, приобретенный за время нелегальной революционной работы, способствовал беспрекословному подчинению ему рядовых членов партии и готовность выполнять любые его распоряжения [1].

Другой исследователь – В. С. Войтинский, журналист, большевик, в своей книге «Год побед и поражений», рассказывает о делах партии большевиков; о миграции революционеров за пределы страны; о том, что предпринимал Ленин для того, что бы сохранить авторитет партии в народе; о том, что для партии значил апрельский, июньский, июльский кризисы и корниловский мятеж; о событиях 25–26 октября. Автор считает, что благодаря В. И. Ленину, который даже за пределами страны давал указания однопартийцам, чтобы не уклоняться от намеченного курса, был точный план «захвата» власти большевиками, т. е. действия большевиков не были хаотичны, а взвешенными и продуманными, что выгодно отличало их от других партий. Так же он считал, что Ленин постоянно интересовался нуждами народа, что имело большое значение в победе большевиков, потому что, по его мнению, большевики использовали различные, понятные людям лозунги, для привлечения масс в свою партию [2].

Известный историк русского зарубежья, Г. М. Катков, в своей книге «Дело Корнилова», подробно рассказывает о жизни Лавра Георгиевича Корнилова, о том, как он хотел «навести порядок в стране», о действиях большевиков, и что это значило для большевиков и как повлияли их действия на судьбу Корнилова. Он считает, что благодаря Корниловскому мятежу у большевиков появился огромный авторитет среди народа, который понял что большевики – это та партия, которая им нужна во власти [3].

Доктор исторических наук, П. А. Голуб считает, что необычайная смелость балтийских матросов и красногвардейцев, очень сильно повлияла на большевиков, поэтому они смогли захватить власть, арестовать членов Временного правительства в Зимнем дворце, при поддержке матросов «Авроры» и красногвардейцев [4, с. 50–110].

Таким образом, на основе изученной литературы можно прийти к следующим выводам: В. И. Ленин, блестящий оратор Л. Д. Троцкий, (и впоследствии И. В. Сталин, поддерживающий В. И. Ленина в его действиях), хорошо зная, что хочет население страны,

выдвигали лозунги, которые помогали выразить то, что хочет население. Общество увидело в большевиках своих защитников и потому их авторитет в народе стал неуклонно усиливаться. В период апрельского кризиса большевики хорошо понимали, что народ не хочет продолжать войну, потому что все ресурсы были направлены именно на войну, и поэтому они требовали прекратить войну, но лица на высоких постах не понимали «настроение» населения страны, это отдалило их от низов. Так как никто, ни Временное правительство, ни Петроградский Совет не хотели прекращать войну, то положение в стране все обострялось.

На Первом Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов, эсеры и меньшевики поддерживали Временное правительство с его курсом на продолжение войны, а большевики, зная интересы народа, требовали прекратить войну. Возмущение население нарастало и стало пиковым, когда рабочие заводов Петрограда начали бастовать. Чтобы как-то сгладить недовольство населения, ЦК Петроградского Совета назначил мирную демонстрацию, в которой обвинили большевиков в «военном заговоре» и шпионаже в пользу врагов России, так как нашли переписку с немецким и австрийским генеральными штабами. Авторитет большевиков упал. Но 2 июля большевики выступили инициаторами организации новых протестов против войны. Так как рабочие считали, что большевики – жертвы наговора, то присоединились к ним. Временное правительство не смогло навести порядок в стране, ему не помог даже приказ об аресте Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева («верхушки большевиков»).

В период Корниловского мятежа большевики мирным путем «разобрались» с казачьими частями, которые должны были покончить с политическими беспорядками в столице, и тогда-то люди, поняли что «все можно решить» мирным путем, а не войной, – авторитет большевиков мгновенно возрос.

В. И. Ленин, вернувшийся из «подполья», на заседаниях ЦК партии стал требовать перейти к подготовке вооруженного восстания с целью захвата власти в стране, а Зиновьев и Каменев не поверив, в то, что можно захватить власть мирным путем, опубликовали планы Ленина в печати, чем предупредили Временное правительство о готовящемся перевороте. Узнав об этом, Ленин предложил незамедлительно перейти к захвату власти. И, в спешном порядке, следуя плану, 24 октября большевики захватывают стратегически важные объекты Петрограда, а к вечеру захватывают Зимний дворец и арестовывают членов Временного правительства.

Изучив мнения разных исследователей, можно прийти к выводу, что большевики победили, потому что были более приближены к интересам народа, служили народу, постоянно подчеркивали бескорыстие своей партии.

События 24–25 октября 1917 г. сильно повлияли на страну в целом. Октябрьская революция дала толчок мощному культурному развитию государства: в короткий срок была ликвидирована неграмотность в стране; появилась армия народной, по своему происхождению, интеллигенции; страна стала быстро развиваться в индустриальном плане. В. И. Ленин показал, что, в принципе, возможно осуществить кардинальные изменения в общественно-политическом и экономическом развитии государства. Первое в мире, действительно народное государство, показало пример всему человечеству совершенно нового политического и экономического устройства. Человечество приобрело новый опыт. История рассудит, что было больше, плохого или хорошего.

Литература

1. Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 413 с.
2. Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин: изд-во З.И. Гржебина, 1923. 384
3. Катков Г. М. Дело Корнилова. М.: РУССКИЙ ПУТЬ, 1987. 240 с.
4. Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М.: Прогресс, 1979. 363 с.
5. Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М.: Вече 2009. 346 с.
6. Голуб П. А. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 639 с.
7. Голуб П. А. Октябрьская революция: вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987. 479 с.
8. Катков Г. М. Февральская революция. М.: РУССКИЙ ПУТЬ, 1997. 419 с.
9. Керенский А. Потерянная Россия. М.: ВАГРИУС, 2007. – 560 с.
10. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года; «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис Пресс, 2007. 634 с.
11. Стариков Н. В. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2013. – 415 с.
12. Стариков Н. В. От декабристов до моджахедов: кто кормил наших революционеров? СПб: Питер, 2008. 285 с.
13. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1962. 170 с.
14. Троцкий Л. Д. История русской революции. Февральская революция: в 2 т. М.: ТЕРРА Республика, 1997. Т. 1. 461 с.
15. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М.: ВАГРИУС, 2001. 572 с.
16. Троцкий Л. Д. Преданная революция сегодня: приложение к книге Л. Троцкого «Преданная революция». М.: НИИ культуры, 1990. 61 с.

17. Историки отвечают на вопросы. Вып. 2: сборник статей. М.: Московский рабочий, 1990.367 с.
18. Фроянов И. Я. Уроки Красного Октября. М.: Алгоритм, 2007. 224 с.

ФАВОРИТИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОССИИ

Ю. Трошина

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.и.н., доц.

Место под солнцем не хватает тому,
кто сравнивает себя с солнцем

Силован Рамшвили

Баловень судьбы, приближенный, протезе, предмет любви – все это характеризует понятие «фаворит» (от франц. *favoritism* – «благосклонность»). Деятельность фаворитов часто неоднозначна, как и их его личности. Они окутаны множеством мифов и легенд, над которыми историки спорят до сих пор. Но тем интереснее становится тема фаворитизма в мировой истории. Изучать их – людей, оказавшихся у власти волею судьбы, становится все актуальнее и притягивает как ученых, так и простых читателей.

Уникальность явления фаворитизма заключается в том, что он существовал всегда. Зародившись еще в древние времена, когда люди жили в общинах, фаворитизм постепенно развивался вместе с обществом и получил широкое распространение в Средние века. Монархи не скрывали своей симпатии к фаворитам, щедро одаривали их подарками, присваивали титулы, наделяли землями. Все это они совершали, чтобы подчеркнуть особый статус своих приближенных и купить их верность, так как в сердце каждого монарха, безусловно, таился страх, того, что рано или поздно фаворит предаст его.

Как правило, приближенный занимал высокий пост в государстве и имел большие полномочия. В истории известно немало примеров, когда фаворит играл роль государя. В этом случае судьба страны полностью зависела от его личности. Если это был поистине талантливый и мудрый человек, то для страны он оказывался огромным благом, спасая население от горе-правителя. Если же единственным личностным качеством приближенного являлась слепая преданность монарху, то государство было обречено на хаос, что служило трагедией для всего народа.

Исторически сложилось, что фаворитизм в России зародился в эпоху абсолютной монархии, а именно, при Петре Великом. Достаточно вспомнить неоднозначную личность А. Д. Меншикова, которого император считал своим соратником и другом. Происхождение Меншикова туманно. По некоторым источникам, он был выходцем из крестьян и торговал пирожками на улице, пока Ф. Я. Лефорт не взял его себе в слуги. Позже молодого человека заметил Петр I. Вскоре Меншиков стал ближайшим соратником царя, его помощником и единомышленником. Благодаря различным талантам и способностям его карьера стремительно пошла вверх, одна награда шла за другой. В 1714 г. А. Д. Меншиков стал первым русским членом Лондонского королевского общества. Письмо об этом светлейшему князю было написано лично И. Ньютоном. Однако ему было недостаточно всей почестей и титулов. Имея огромную власть, Меншиков злоупотреблял своими полномочиями, занимался казнокрадством. Жалобы об этом доходили до Петра, но царь проявлял снисхождение к своему фавориту. В случае, когда Меншикову грозила тюрьма, он отделялся штрафами и временной немилостью государя. Историк Н. М. Карамзин писал: «Петр I не чаял души в Меншикове. Однако это не мешало ему частенько поколачивать светлейшего князя палкой. Как-то между ними произошла изрядная ссора, в которой Меншиков крепко пострадал – царь разбил ему нос и поставил под глазом здоровенный фонарь. А после чего выгнал со словами: – Ступай вон, сучий сын, и чтоб ноги твоей у меня больше не было! Меншиков ослушаться не смел, исчез, но через минуту снова вошел в кабинет... на руках!» [1]. Выдающийся, но, в то же время, противоречивый, соратник Петра, уличный торговец, ставший генералиссимусом и светлейшим князем, талантливый полководец и взяточник, Меншиков закончил свою жизнь в ссылке, так как был обвинен в измене и расхищении казны.

Расцвет фаворитизма, как отмечают историки, пришелся на Екатерининскую эпоху. У представителей низших сословий теперь появлялся шанс стать частью высшего общества. Пользуясь доверием царицы, фавориты могли повлиять как на внутреннюю политику государства, так и на внешнюю, а также определяли судьбу страны, становясь реальными субъектами государственной власти.

Стоит заметить, что Екатерина II постоянно меняла своих фаворитов. За счет их талантов и способностей она реализовывала успешные планы по развитию государства. Императрица давала

приближенному шанс проявить себя. Ему давалась власть, но, в то же время, накладывалась ответственность. Отвечать за свои деяния решался не каждый. Поэтому в екатерининскую эпоху началась активная ротация приближенных. Современники Екатерины осуждали ее за подобную политику. Однако, стоит отметить, что ни один фаворит, отошедший от императорского двора, не преследовался и не был казнен в то время, как во многих европейских странах к приближенным применялись пытки и казни [2].

Среди множества фаворитов Екатерины Великой особый интерес вызывает Г. Г. Орлов. Талантливый, умный, привлекательный он не мог не влюбить в себя. Будучи выходцем из дворян, Григорий учился в Сухопутном шляхетском корпусе, принимал участие в Семилетней войне, где показал себя настоящим героем. В сражении при Цорндорфе Орлова трижды ранили, но он не покинул поле боя. О нем говорили и в высшем обществе, и в гвардейских казармах. Именно он был одним из инициаторов и исполнителей дворцового переворота, в результате которого на престол взошла Екатерина II. Императрица щедро одарила своего фаворита: присвоила звание генерал-майора, даровала ордена Александра Невского и Андрея Первозванного, а также земли и деньги. Любовь Екатерины к Орлову была настолько сильной, что она желала выйти за него замуж. Однако различия в социальном положении не позволяли сделать это. Также существует версия, что императрицу отговорил от брака граф Н. И. Панин, заметивший ей однажды: «Русская императрица может делать все, что ей заблагорассудится, а госпожа Орлова не может быть русской императрицей» [1]. О тесной связи Екатерины со своим фаворитом знал узкий круг лиц, поэтому о рождении Алексея Григорьевича почти никому не было известно. На двенадцатом году совместной жизни Екатерина устала от выходок Григория, от его слишком буйного нрава. К этому времени в Москве вспыхнула небывалая эпидемия чумы, народ бунтовал. Орлов сам вызвался ехать в зачумленный город. Он сумел подавить бунт и на собственные деньги построил больницы и приюты. Через месяц эпидемия пошла на убыль. Граф Орлов вернулся в Петербург триумфатором. Любовь Екатерины вспыхнула с новой силой. Через 2 года, когда Орлов отправился на переговоры с турками, императрица завела себе нового фаворита – молодого корнета А. Васильчикова. С тех пор Г. Орлов при дворе появлялся редко, однако поддерживал с императрицей дружеские отношения. Стоит отметить, что благодаря Орлову до нас дошли бумаги М.В. Ломоносова, которые

граф старался сохранить после смерти ученого. Также он способствовал организации обществ, которые занимались актуальными для населения вопросами, в частности, о предоставлении крестьянам права на частную собственность.

Фаворитизм в XIX в. практически не проявлялся. При Николае I нравы в обществе стали строже, так как сам император был человеком исключительно семейным и не позволял себе «ходить на сторону». Дисциплина, строгость, достоинство – вот то, что характеризует Николаевскую эпоху.

Во времена Александра II также не существовало фаворитов, пытавшихся пробиться к власти, желавших быть ближе к государю. У императора была лишь фаворитка его сердца – Екатерина Долгорукая, воспитанница Смольного института. Впервые император увидел ее, когда во время боевых учений остановился в имении М. М. Долгорукого. Затем Александр II часто приезжал к Долгорукой в Смольный. По распространенному преданию, Александр II явил свой интерес к юной Екатерине Михайловне в тот день, когда императрица Мария Александровна не смогла поехать с ним на чаепитие в Смольный из-за плохого самочувствия. После гибели цесаревича Николая в апреле 1865 г. Екатерина Михайловна стала самым близким человеком для Александра II. Он доверял ей, как никому, ведь именно Долгорукая стала для него другом и помогла вернуться к нормальной жизни. Родственники императора и придворная знать резко осуждали его за измену жене, которая родила ему 8 детей. Только Мария Александровна была невозмутима и делала вид, что ничего не происходит. Она была больна и с каждым днем становилась все слабее и слабее. Наконец, 8 июня 1880 года императрица Мария Александровна скончалась от туберкулеза и была похоронена в Петропавловском соборе Петербурга. Через некоторое время Александр II и Екатерина Долгорукая тайно обвенчались. Император начал задумываться над возведением княгини Юрьевской в сан императрицы. Однако этому не суждено было осуществиться. 13 марта 1881 года император Александр II возвращался в Зимний дворец обычным маршрутом, его кортеж доехал до набережной между Екатерининским каналом и садами Михайловского дворца. Затем прозвучали два взрыва. Второй превратил императора в кровавое месиво. Через несколько часов Александр II скончался у себя в кабинете.

Данная любовная связь отрицательно сказалась на репутации монарха. Авторитет царской власти был подорван. По вступлению на престол Александра III, придворная знать утверждала,

что история повторится. Однако этого не произошло. Не в пример всем своим предшественникам на русском престоле Александр держался строгой семейной морали. Будучи примерным семьянином, он был любящим мужем и хорошим отцом, никогда не имел любовниц или связей на стороне. При этом он был и одним из самых набожных русских государей, напоминая этим даже своего далекого предка Алексея Михайловича. Александр III твердо держался православных канонов, что, несомненно, вызывало любовь у народа и доверие у придворного окружения.

В XX в. ярким представителем фаворитизма стал скандально известный Г. Распутин. Он проник в царский дворец под видом целителя, как раз во время болезни наследника престола, внушив государю и государыне, что именно он в силах спасти Алексея. Они уважительно называли Распутина «наш Друг» или «Григорий». Николай II считал, что Григорий – «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно»[1]. Эта мысль неоднократно встречается в письмах императора. Пользуясь своей близостью к царской семье, Распутин мог влиять не только на личную жизнь императорской семьи, но и на политическую жизнь государства. По его советам часто назначались и смещались государственные чиновники и церковные лица, он проводил выгодные для себя финансовые сделки, за взятки оказывал «протекции». Существуют сведения о том, что Распутин вел развратную жизнь. Слухи о его непристойном поведении переполняли Петербург. Против приближенного были заведены уголовные дела, однако царская семья всегда вставала на защиту Распутина, и ему прощалось все.

Чаша народного терпения была переполнена, и против «старца» возник заговор, инициаторами которого стали князь Феликс Юсупов (муж императорской племянницы), Владимир Пуришкевич (депутат IV Государственной Думы) и великий князь Дмитрий Павлович Романов (двоюродный брат императора Николая). Вместе они решили убить Распутина, что им и удалось в ночь на (17) 30 декабря 1916 года в Петрограде. Позже будут найдены его книги с литературной записью пророчеств, одним из которых стало предсказание гибели императорской семьи : «Покуда я жив, будет жить и династия»...

Существует немало версий о причастности Распутина к падению династии. Его называли демоном, немецким шпионом, любовником императрицы. Кто-то считал его прорицателем, а кто-то –

убийцей династии. Историки до сих пор изучают личность данного фаворита, который был настолько близко к царю, что знал о нем практически все.

Все выше сказанное подтверждает то, что фаворитизм, доведенный до крайности приводит к тяжелым последствиям, одним из которых может стать смена политического режима, а значит полной смены власти, что всегда крайне болезненно для простого народа. В заключение хочется сказать, что фаворитизм, несомненно, противоречивое явление. С одной стороны, многие фавориты принесли пользу государству, предлагая государю прогрессивные реформы. С другой – приближенные не всегда оправдывали надежды. Частая смена фаворитов свидетельствует об их неблагонадежности для монархов, а значит и для государства. Имена многих из них навсегда остались на страницах истории, имена других – не получили известность, либо были просто забыты, что подтверждает необходимость изучения данного явления не только в масштабе одной страны, но и в мировом.

Литература

1. Карамзин Н. М. «История Государства Российского» [Отв. ред. и авт. предисл. А. Н. Сахаров; АН СССР]. М. : Наука, 1989.
2. Павленко Н. Екатерина Великая : Просвещенная монахиня. Ученица Вольтера // РОДИНА. Б.м. 1996.
3. Соловьев С. М. «История России с древнейших времен. Том 26. Царствование императрицы Екатерины II Алексеевны. 1764–1765 гг.»
4. Гурко В. И. «Царь и Царица», М.: «Вече» 2008г.
5. Шишов А. «Александр II», М.: «Вече» 2007г.
6. Документальный фильм «Романовы», Star Media 2013г.
7. Электронный ресурс «Календарь событий».URL: <http://www.calend.ru/person/6842> (дата обращения 27. 03. 2014г.)
8. Электронный ресурс: научная электронная библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА». URL :<http://cyberleninka.ru> (дата обращения 30.03. 2014)
9. Электронный ресурс.URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 2.04. 2014 г.)
10. Электронный ресурс библиотека «Либрусек». URL: <http://lib.rus.ec> (дата обращения 25. 03. 2014 г.)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989 ГГ.)

Б. Ш. Узаков

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, к.истор.н., доц.

Афганская война 1979–1989 гг. до сих пор ставит массу вопросов и представляет собой тему для острых дискуссий как в исторической науке, так и вне её. Одними из наиболее дебатированных являются вопросы о причинах начала войны и о мотивах советского руководства. Можно согласиться с мнением В. И. Аблазова, что «обществу навязан стереотип: до ввода войск Афганистан жил спокойной безмятежной жизнью, решение на ввод войск принималось скоропалительно, узким кругом недееспособных руководителей, было ошибочным, война – бессмысленной» [1]. Несмотря на достаточно большой комплекс опубликованных источников [2], окончательного ответа на них не сформулировано.

27 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская (Саурская) революция, в результате чего к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), провозгласившая страну Демократической Республикой Афганистан (ДРА).

Попытки руководства страны провести новые реформы, которые позволили бы преодолеть отставание Афганистана, натолкнулись на сопротивление исламской оппозиции. В 1978 году в Афганистане началась гражданская война.

В марте 1979 года, во время мятежа в городе Герат, последовала первая просьба афганского руководства о прямом советском военном вмешательстве (всего таких просьб было около 20). Но комиссия ЦК КПСС по Афганистану, созданная ещё в 1978 году, доложила Политбюро ЦК КПСС об очевидности негативных последствий прямого советского вмешательства, и просьба была отклонена.

Однако гератский мятеж заставил провести усиление советских войск у советско-афганской границы и по приказу министра обороны Д. Ф. Устинова началась подготовка к возможному десантированию в Афганистан посадочным способом 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Было резко увеличено число советских советников (в том числе военных) в Афганистане: с 409 человек в январе до 4500 к концу июня 1979 года [3].

Дальнейшее развитие ситуации в Афганистане – вооружённые выступления исламской оппозиции, мятежи в армии, внутрипартийная борьба и особенно события сентября 1979 года, когда лидер НДПА Нур Мохаммад Тараки был арестован и затем убит по приказу отстранившего его от власти Хафизуллы Амина – вызвали серьёзное беспокойство у советского руководства. Оно настороженно следило за деятельностью Амина во главе Афганистана, зная его амбиции и жестокость в борьбе за достижение личных целей.

При Амине в стране развернулся террор не только против исламистов, но и против членов НДПА, бывших сторонниками Тараки. Репрессии коснулись и армии, главной опоры НДПА, что привело к падению её и без того низкого морального боевого духа, вызвало массовое дезертирство и мятежи. Советское руководство боялось, что дальнейшее обострение ситуации в Афганистане приведёт к падению режима НДПА и приходу к власти враждебных СССР сил. Более того, по линии КГБ поступала информация о связях Амина в 1960-е годы с ЦРУ и о тайных контактах его эмиссаров с американскими официальными представителями после убийства Тараки.

В итоге было решено готовить свержение Амина и замену его более лояльным СССР лидером. В качестве такового рассматривался Бабрак Кармаль, чью кандидатуру поддерживал председатель КГБ Ю. В. Андропов.

При разработке операции по свержению Амина было решено использовать просьбы самого Амина о советской военной помощи. Всего с сентября по декабрь 1979 года было 7 таких обращений. В начале декабря 1979 года в Баграм был направлен так называемый «мусульманский батальон» – отряд особого назначения ГРУ – специально созданный летом 1979 года из советских военнослужащих среднеазиатского происхождения для охраны Тараки и выполнения особых задач в Афганистане [4].

В первых числах декабря 1979 года министр обороны СССР Д. Ф. Устинов сообщил узкому кругу должностных лиц из числа высшего военного руководства, что в ближайшее время будет, очевидно, принято решение о применении советских войск в Афганистане. [5]

С 10 декабря по личному приказанию Д. Ф. Устинова проводилось развёртывание и мобилизация частей и соединений Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Была поднята по сигналу «Сбор» 103-я Витебская гвардейская воздушно-десантная дивизия, которой отводилась роль основной ударной силы в предстоящих событиях. Начальник Генерального штаба Н. В. Огарков, однако, был против ввода войск [6].

Группа офицеров Министерства обороны СССР, занимавшаяся обобщением опыта боевых действий в Афганистане, весь период пребывания советских войск в Афганистане разделила на следующие четыре этапа:

– с декабря 1979 по февраль 1980 – ввод советских войск в Афганистан, размещение их по гарнизонам;

– с марта 1980 по апрель 1985 – ведение активных боевых действий, в том числе широкомасштабных, работа по реорганизации и укреплению вооруженных сил ДРА;

– с апреля 1985 по январь 1987 – переход от активных действий преимущественно к поддержке афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями при том, что подразделения спецназначения продолжали вести борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. В этот период был осуществлен частичный вывод советских войск с территории Афганистана;

– с января 1987 по февраль 1989 – участие советских войск в проведении политики национального примирения при продолжающейся поддержке боевой деятельности афганских войск. Подготовка советских войск к выводу и полный их вывод [7].

Война обошлась советским людям потерями десятков миллиардов рублей. Она значительно подорвала авторитет СССР в мире. Вызвало резкое обострение международной обстановки и на некоторое время затормозила переговоры по сокращению вооружений.

Конфликт вызвал наращивание американского военного присутствия в третьем мире и разработанная администрацией США во главе с Президентом Картером так называемая «доктрина Картера», состоящая из ряда мер политического и экономического воздействия на Советский Союз и его внешнюю политику:

– во-первых, предлагалось установить эмбарго на поставки зерна в СССР;

– во-вторых, сокращался находившийся только на стадии становления обмен в культурной, научной и технической областях;

– в-третьих, большинство западных держав бойкотировали Олимпийские игры в Москве 1980 года;

– в-четвертых, США оказывали давление на европейские страны и Японию, требуя сократить предоставление кредитов Советскому Союзу.

Эта война на много лет приблизила глубочайший экономический и политический кризис в СССР, распад Союза и крах коммунистического режима. На поддержку кабульского правительства из бюджета СССР ежегодно расходовалось около 800 миллионов долларов США [8].

Солдаты не выбирают войну. Они свято выполняют приказ. Об афганской войне известно многое. Подсчитаны безвозвратные потери в живой силе и технике, материальный и моральный

ущерб, который понесла наша страна. Невозможно лишь подсчитать, сколько пролито материнских, вдовьих и детских слез, сколько не зарубцевавшихся ран осталось в сердцах изувеченных молодых людей, сколько не сыграно свадеб, не спето песен. Сколько человеческих драм и потрясений вместил в себя 9-летний период той войны!

Наши воины выполняли благородную и гуманную миссию: помогали установить мир и порядок на многострадальной земле нашего южного соседа, спасти его народ от нищеты и бесправия [9].

Потери Афганистана:

Точное число погибших в войне афганцев неизвестно. Наиболее часто встречается цифра в 1 млн погибших; имеющиеся оценки колеблются от 670 тыс. гражданских лиц до 2 млн в общем [10].

По данным исследователя афганской войны из США, профессора М. Крамера: «В течение девяти лет войны были убиты или покалечены более 2,7 миллионов афганцев (в основном гражданские лица), ещё несколько миллионов оказались в рядах беженцев, многие из которых покинули страну» [11]. Точного разделения жертв на солдат правительственной армии, моджахедов и мирных жителей, по всей видимости, не существует.

Потери СССР:

Итого – 13 833 человека. Эти данные впервые появились в газете «Правда» 17 августа 1989 года. В дальнейшем итоговая цифра несколько увеличилась, предположительно за счёт умерших от последствий ранений и болезней после увольнения из вооружённых сил [12].

Таким образом, решение о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. принималось группой наиболее влиятельных советских руководителей под воздействием событий, происходивших в 1978–1979 гг. в этой стране и в международных отношениях в целом, а также на основе имевшейся в их распоряжении информации об указанных событиях из различных источников. В свою очередь, весь этот комплекс преломлялся через личностное мировоззрение и возрастно-психологический настрой советских лидеров. Указанное решение было обусловлено логикой «холодной войны» и носило геополитический характер, ставя целью не допустить выхода Афганистана из зоны советского влияния (не потерять социалистическую страну) и перехода его в зону влияния США [13].

При всех обстоятельствах ввод советских войск в Афганистан был крайне нецелесообразным. Этот опрометчивый шаг осложнил внешнеполитическое и экономическое положение Советского

Союза, обострил социально-политические отношения внутри страны. Эта война на много лет приблизила глубочайший экономический и политический кризис в СССР, распад Союза и крах коммунистического режима.

Литература

1. Аблазов В. И. Афганская арена. 20 лет спустя: говорить и писать только правду // http://artofwar.ru/a/ablazow_walergij_iwanowich/
2. Советский архив. Собран В.Буковским // <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/afgh-rus.html> ; <http://artofwar.ru/> ; <http://www.rsva.ru/>
3. Королев А. Н. Вооруженные силы Афганистана в 1979 г.
4. Волков А. Ввод советских войск в Афганистан
5. Пихоя Р., Кондрашов С., Осипов С. Как началась «наша» афганская война // «Аргументы и Факты», № 47 (1100) от 21.11.2001.
6. Варенников В. «Неповторимо» Книга 4
7. Гареев М. Моя последняя война. (Афганистан без советских войск)
8. <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php>
9. Корниенко Г. Н. Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 107.
10. Death Tolls for the Major Wars and Atrocities of the Twentieth Century
11. Mark Kramer. «The Soviets Nearly Won Afghan War». 26.12.2004, N.Y.
12. Россия и СССР в войнах XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 537.
13. Информационной портал «Афганистан.Ру».

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Россия и страны СНГ в 1992–1999 гг.: опыт экономического сотрудничества <i>Ю. М. Асанов</i>	3
Истоки и источники истории домовой резьбы в исследовании «Деревянные наличники России» <i>М. С. Барский</i>	10
Заслуженный учитель школы Российской Федерации Валентина Борисовна Моисеева: опыт написания исторической биографии <i>М. С. Барский</i>	16
Заслуженный учитель школы Российской Федерации Максим Максимович Сенчик: опыт написания исторической биографии <i>К. А. Бехтерева</i>	24
Направления национальной политики Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака <i>Е. С. Кофанова</i>	28
Раскол РПЦ после перформанса группы Pussy Riot <i>Я. С. Мариненко</i>	32
Методологические ресурсы современного гуманитарного знания при анализе харизмы (на примере Б. Н. Ельцина) <i>Д. А. Попцов</i>	36
Памятники федерального значения по улице Красноармейской г. Томска <i>Ю. А. Рудницкий</i>	43
Состав и брачно-возрастные особенности колхозной семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны <i>А. В. Рыков</i>	46
Роль Уртамского острога в освоении Томской земли <i>И. А. Соболев</i>	51
Влияние французских просветителей на литературную деятельность Екатерины II <i>Е. О. Стецова</i>	52
Условия жизни томского студенчества в конце XIX – начале XX вв. <i>А. А. Сячина</i>	58
Политика Германии в отношении русских православных приходов в 1933–1945 гг. <i>Р. Ю. Терекhov</i>	62
Общественная и культурно-просветительская деятельность профессора Томского университета И. А. Малиновского <i>К. А. Чукмасова</i>	69

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Изучение социальной базы процессов централизации в России и Франции XIV–XVI веков в современной историографии <i>О. А. Великанова</i>	74
Миграция поздних переселенцев в Германию <i>Н. Н. Гордиенко</i>	78
Традиционный мир китайской еды и обычай употребления пищи по воспоминаниям русских путешественников <i>К. А. Губанова</i>	83
Русскоязычные немцы в современной Германии: проблемы интеграции и социальной адаптации <i>Н. А. Жмурова</i>	89
Образ кавказских народов в советском и современном российском кинематографе <i>С. Н. Закутяева</i>	92
Изучение ересей катаров и вальденсов в советской и современной российской историографии <i>Е. Г. Кайнова</i>	98
Культурная мутация ценностей дворянско-рыцарской среды в сознании М. де Монтеня <i>Е. А. Каличкина</i>	101
Влияние политических партий на процесс децентрализации в современной Бельгии <i>В. В. Константинова</i>	105
Японская одежда периода Мэйдзи по воспоминаниям российских путешественников <i>М. А. Привалов</i>	111
Международная обстановка на Ближнем Востоке в освещении советской историографии конца 1970-х – начала 1980-х гг. <i>С. В. Рыжков</i>	116
Отражение идей французского просвещения в «Наказе» Екатерины II в трудах отечественных исследователей XX–XXI веков <i>Д. Р. Садикова</i>	120

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Царский грифон, попирающий львов и крылатый конь герба Казахстана <i>З. С. Пико</i>	126
Фонды муниципальных и музейных архивов для изучения белорусов Томской области <i>Е. Ю. Савченко</i>	131

Посвящение в воины в Европе и Японии	
<i>О. В. Скурихин</i>	135
Определение местонахождения первого Кетского острога	
<i>Р. Ю. Теремов</i>	139

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

Диагностика учебных достижений обучающихся в процессе преподавания истории в школе	
<i>С. Н. Закутяева</i>	143
Тенденции развития педагогической мысли в России на рубеже XIX–XX вв.	
<i>В. Н. Кокшинева</i>	147
Основные аспекты эффективности игровых технологий на уроках истории	
<i>Д. А. Попцов</i>	150

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Правовые основы военного сотрудничества России и Таджикистана в 1990–2000 гг.	
<i>Т. Ш. Амиров</i>	156
Массовые политические репрессии в 1930–50-х гг.	
<i>И. Ю. Артюхова</i>	159
Шапка Владимира Мономаха как символ русского самодержавия	
<i>Е. Бондаренко</i>	166
Язык и цивилизация	
<i>Н. А. Браун</i>	170
Символизм в поэзии и живописи во Франции конца XIX – начала XX веков	
<i>Л. А. Губеева</i>	174
Специфика современного искусства	
<i>О. А. Губеева</i>	178
Николай II И Россия начала XX века	
<i>С. Захаренко</i>	182
Влияние идеологии на культуру	
<i>О. Э. Лиске</i>	188
Погребальные песни немцев Поволжья – путешествия пиетистского песенного наследия	
<i>Е. А. Лыков</i>	192
Символика животных в эвенкийском фольклоре	
<i>А. Н. Мамонтова</i>	197

Перестройка в СССР: причины, суть и итоги <i>Ю. К. Машкова</i>	200
Природные парки в организации социального воспитания подрастающего поколения (на материале деятельности природных парков США) <i>А. А. Накрохина</i>	206
Культура тату <i>А. С. Очкарёва</i>	212
Онтология телесности человека в индийской культуре <i>А. В. Ошлакова</i>	216
Наследие композиторов в музеях Алтая и его роль в изучении музыкальной культуры (на базе материалов Ю. А. Тюльпина из собрания Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая) <i>И. В. Полтева</i>	220
Клуб 27 <i>А. И. Пупышева</i>	225
Роль выпускников факультета иностранных языков Томского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны <i>А. С. Рябухина</i>	229
Голодомор 1932–1933 гг. в Украине <i>Д. Б. Сабурова</i>	234
Большевики в 1917 году <i>Н. А. Садыков</i>	240
Фаворитизм как историческое явление в России <i>Ю. Трошина</i>	244
Война в Афганистане (1979–1989 гг.) <i>Б. Ш. Узиков</i>	249

Научное издание

**IV Всероссийский фестиваль науки
XVIII Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»
(21–25 апреля 2014 г.)**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

**Часть 1
История.
Культурология**

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор: Н. Н. Сафронова
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Бумага: офсетная
Печать: трафаретная
Усл. печ. л.: 14,3
Уч. изд. л.: 15,6

Сдано в печать: 27.11.2014 г.
Формат: 60×84/16
Заказ: 840/Н
Тираж: 100 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru